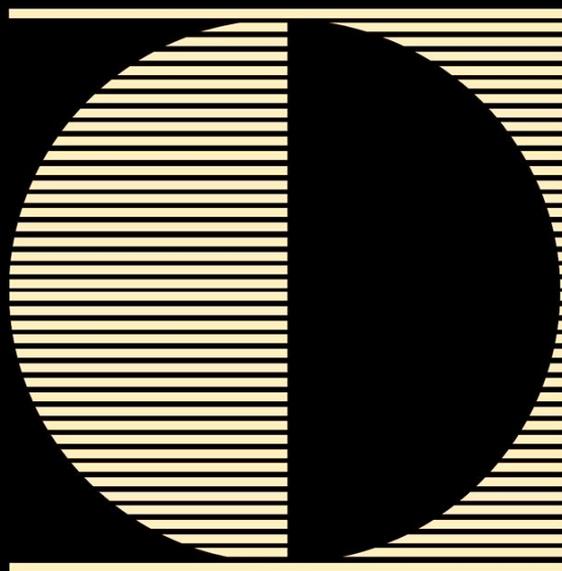

REDYARD
KIPLING

РЕДЬЯРД
КИПЛИНГ

РЕДЪЯРД КИПЛИНГ

«СТИХОТВОРЕНИЯ»

Отсканировано и обработано: https://vk.com/biblioteki_proshlogo

Redyard
KIPLING

Poems

St. Petersburg
«SEVERO-ZAPAD»
1994

Редьярд
КИПЛИНГ

Стихотворения

Санкт-Петербург
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1994

ББК 84.4 Вл
К 42

*Составление
Александры Глебовской,
Сергея Степанова*

*Предисловие и комментарии
Валерия Дымшица*

*Художник
Вадим Пожидаев*

- © А. Глебовская, С. Степанов,
составление, 1994
© В. Дымшиц,
предисловие, комментарии, 1994
© В. Пожидаев, оформление, 1994
® .
Зарегистрированная торговая марка
Охраняется законом.

ISBN 5-8352-0297-0

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

I

Редьярд Киплинг — великий поэт. Вот, собственно говоря, все, что можно сказать в его оправдание. Вот почему он не нуждается ни в каких оправданиях.

Все, что писали о нем его суровые и, увы, справедливые критики, правда: его язык подчас вульгарен, его книгам не хватает вкуса, его философия, на первый взгляд, столь же банальна, сколь и опасна. Но нам, читателям, до всего этого по-прежнему нет дела. Великий поэт потому и велик, что умудряется быть правым в своей неправоте.

Каждая строчка, написанная Киплингом, — замечательный документ своего времени, памятник философии, истории, политики, языка определенной эпохи. Киплинг был необыкновенно злободневен, в нем поэт счастливо уживался с репортером. Быть может, поэтому его так не любили младшие современники — для них он был прежде всего глашатаем истин своего поколения, поколения их отцов.

Будь это правдой и всей правдой, стихи «железного Редьярда» принадлежали бы уже не литературе, а ее истории. Но, слава Богу, это не так. Теперь, когда основательно забыто все то, во имя чего он писал свои стихи, к ним, кажется, начинает возвращаться популярность даже в Англии, на родине поэта. И, надо полагать, любовь к Киплингу никогда не проходила в России еще и потому, что здесь, скажем, «Мандалай», не вызывая никаких конкретных ассоциаций, звучал не менее абстрактно, чем какая-нибудь свифтовская «Лапута». Киплинг, освобожденный от столь дорогого ему пафоса публицистичности, оказался в России поэтом в гораздо большей степени, чем на родине. Но речь об этом еще впереди.

Критики и идеологи не простили Киплингу того, что и в самом деле трудно простить, но поэты, даже те, что не разделяли его взглядов, оказались гораздо проницательней. Сам Т. С. Элиот, когда-то насмешливо назвавший Киплинга «лауреатом без лавров», впоследствии составил сборник его избранных стихотворений и посвятил его творчеству статью. Окончательный приговор сформулировал в своем знаменитом стихотворении «На смерть У. Б. Йейтса» другой замечательный английский поэт — У. Х. Оден:

Лишь язык и жив! — за это
Время пощадит поэта
И отпустит все грехи
За хорошие стихи.

Время всем на удивленье
Киплингу дало прощенье,
И Клоделя извинит,
Ибо стих его звенит.

(Перевод С. Степанова)

И с этим остается только согласиться.

Наше время простило Киплингу его взгляды за хорошие стихи, а эти взгляды — во многом плод его эпохи и его биографии. Ведь Киплинг из тех поэтов, для которых биография — существеннейший мотив творчества.

Итак, начнем по порядку. Родился Киплинг в 1865 г. в Британской Индии в семье декоратора и скульптора (кстати, Киплинг и сам был превосходным рисовальщиком). Счастливое детство на Востоке, родительский дом и сад, навсегда ставшие образом Потерянного Рая, затем «Дом Отчаянья» — частный пансион в Англии, хозяйка которого, вздорная ханжа, издевательствами и побоями довела своевольного, талантливого мальчика едва ли не до помешательства, затем закрытая школа с полувоенной дисциплиной и муштрой, этакая «волчья стая», живущая по «закону стаи». На этот раз Киплинг, очкарик и книголюб, казалось бы, совсем не приспособленный к такому режиму, переломил себя, принял «закон стаи» и принял его на всю жизнь. Похоже, именно во впечатлениях детства коренится одна из главных оппозиций в поэзии Киплинга: с одной стороны — Детство — Райский Сад — Права без Обязанностей — Благодать без Закона — Восток, с другой — Зрелость — Мир после грехопадения — Обязанности без Прав — Закон без Благодати — Запад. Такова почти библейская мифологема Киплинга, но в ней нет ни Искупления, ни Спасения.

Семнадцати лет Киплинг вернулся в родную Индию, в Лахор, с тем, чтобы стать журналистом, писателем, поэтом, обрести вскоре всеиндийскую, а затем, к двадцати пяти годам, и всеанглийскую славу. На десять лет Киплинг действительно стал самым знаменитым британским писателем, но едва в его произведениях потускнело очарование новизны, как все громче стали звучать голоса либеральной критики, не без основания увидевшей в Киплинге прежде всего трубадура британского империализма.

Киплинг немало постранствовал по свету, жил то в США, то в Южной Африке. Именно с Южной Африкой связано его первое серьезное моральное поражение: он (один из немногих английских писателей) воспел опозорившую Британию в глазах всего мира Англо-бурскую войну. В 1904 году Киплинг переселяется в Англию, в старинный дом, купленный в графстве Сассекс. С тех пор в его творчестве, до этого посвященном «семи морям» и заморским странам, появляется тема родного края, тема не только пространства, но еще и места.

После Первой Мировой войны (на которой погиб его сын) мир изменился

до неузнаваемости, только Киплинг не желал меняться. К этому времени он был уже окончательно вне поля литературной игры. В 1936 году Империя похоронила своего барда в Вестминстерском аббатстве, но ни один известный литератор не пришел на похороны поэта, который давно пережил если не сам себя, то свою эпоху.

Но как раз тогда, когда Киплинг начал выходить из моды на родине, его слава пересекла границы Англии. В 1907 году он стал лауреатом Нобелевской премии по литературе. Неанглийских читателей и писателей мало волновали судьбы Британской Империи, и Киплинг, обретя всесветную, не меркнувшую до сих пор популярность, повлиял на всю литературу XX века. Это влияние заметно в творчестве многих писателей и поэтов, среди которых Джек Лондон и Хемингуэй, Бабель, Гумилев и Брехт.

Характерно, что Киплинга-поэта невозможно отделить от Киплинга-прозаика. Вся ткань его прозы пронизана его же стихами, зато поэзия — насквозь прозаична, сюжетна. Киплинг — личность тотального склада. Одни и те же идеи и образы одушевляют у него и стихи и прозу, в каком-то смысле ему даже все равно, что это — стихи или проза.

Цельность, тотальность Киплинга еще и в том, что, о чем бы он ни писал, движет им все время одна и та же мысль. (Какая мысль — об этом ниже.) У него есть стихотворения лучше или хуже, но почти нет стихотворений случайных. Все стихотворения Киплинга — программные. Грубо говоря, у него, как у той мартышки из мультфильма, «есть мысль и он ее думает». Парадокс в том, что это-то скудомыслие и позволяет оценить по достоинству Киплинга как поэта. Согласны мы с ним или нет — неважно, он надоел бы нам после третьего стихотворения, если бы не удивительное совершенство и разнообразие его стиха. Нам не интересно (потому что известно заранее) «что» пишет Киплинг, и всегда интересно — «как».

Но если вести речь о формальной стороне его творчества, снова сталкиваешься с парадоксом. Дело в том, что, подобно тому как Киплинг-человек сплошь и рядом исчезает за своими героями, Киплинг-поэт то и дело растворяется в их речи. Но не только сказовая речь, изредка прерываемая безличным и бесстрастным репортерским комментарием, демонстрирует отсутствие автора, даже поэтические формы, избираемые Киплингом, часто совершенно обезличены, лишены лирического, то есть авторского, «я».

В чем же тогда гений этого странного поэта, все время говорящего «не своими словами» и поющего «не своим голосом»? Почему, стоит открыть его сборник, и мы тут же попадаем под обаяние, больше того, магию этих стихов? Дело, видимо, в том, что поэтические формы, избираемые Киплингом, обкатаны и доведены до совершенства океаном человеческой речи, подобно тому, как море языками волн обкатывает гальку. Баллада, солдатская или уличная песня, с одной стороны, псалом или литургический гимн с другой, — вот те формы, к которым Киплинг прибегает охотней всего. Его гений способен стать вровень с тем, что было отшлифовано, пройдя через «естественный отбор», сквозь тысячи уст. Это не стилизация, это —

редчайший дар, умение писать так, чтобы казалось, что эти строки, подобно народным балладам, существовали всегда.

В Киплинге нас завораживает не новизна, а узнавание, мгновенный резонанс первых, самых простых, но и самых главных струн человеческой души, общих и «простецам» и искушенным ценителям. Все дело в узнавании, ведь на нем (и это мы знаем с детства) построены Игра и Сказка. Киплинг и сам это знал. (Он, вообще, принадлежал к поэтам, понимающим суть своего дара.) Обращаясь к читателю, он писал:

Гомер все на свете легенды знал,
И все подходящее из старья
Он, не церемонясь, перенимал,
Но с блеском — и так же делаю я.

(Перевод А. Щербакова)

Игра — ключевое слово для понимания всего, написанного Киплингом. Вот, например, как выглядит по Киплингу акт миротворения:

«Это было как раз тогда, когда Великий Маг творил Мир. Сначала он сотворил Землю, потом он сотворил Море, потом он созвал всех животных и велел им играть. И животные сказали:

— О Великий Маг, во что нам играть?

И он сказал:

— Я покажу вам.

Он взял слона — Дедушку всех слонов на свете — и сказал:

— Играй, как будто ты слон.

И Дедушка всех слонов стал играть.

Он взял бобра — Дедушку всех бобров на свете — и сказал:

— Играй, как будто ты бобер.

И Дедушка всех бобров стал играть. ...

Одного за другим он перебрал всех зверей, птиц и рыб и каждому дал игру.» (Сказка «Краб, который играл с морем».)

Можно говорить о том, что традиция видеть в Игре модель мира сильна в английской литературе как ни в какой другой и восходит еще к шекспировскому «Мир — театр». Конечно, Киплинг вполне в русле этой традиции, отличающейся сюжетностью и динамизмом, прославлением труда и социального активизма. Можно вспомнить и о том, что игра и, в частности, спорт — одно из базисных понятий английской культуры и чуть ли не английской этики. Все это без сомнения верно, но главное все-таки не в этом.

Главное в том, что Киплинг — поэт поколения, впервые в полный рост столкнувшегося с распадом христианских, шире, библейских ценностей. Он — в ряду мыслителей, с которых начинается возвращение мифа в европейскую культуру. В сущности, Киплинг, при всем своем внимании к конкретной детали и точному слову, — символист и мистик. Посмотрите на

тот образ Империи, которому он посвящает свое творчество, он не более реален, чем Сверхчеловек Ницше или Прекрасная Дама Блока.

Оказавшись в новом, лишенном свободы воли, безблагодатном мире, Киплинг, проявив гениальную интуицию язычника, понял, что главная Сила, правящая этим миром — Игра. Язык, который лучше всех помнит наше языческое прошлое, помнит и об «игре стихий» (стихии — ипостась языческих богов), и о том, что «судьба играет человеком». Самый ход истории для язычника — лишь игры богов. Подражая с магическими целями небесным играм, человек создал Миф и Ритуал, которые затем превратились в Литературу и Театр. Постепенно люди забыли о том, что мир живет по закону Игры, и вспомнили об этом только накануне XX века, когда снова стал просыпаться Древний Хаос, бывший прежде мироздания. Первыми это почувствовали поэты и среди них Киплинг.

Главное, что делает игру игрой — это наличие в ней правил, Закона. Законов много, ибо много на свете разных Игр, и каждый играет в свою по своему Закону. Для Киплинга всё — честь и бесчестие, добро и зло, жизнь и смерть — результат следования Закону своей Игры или результат его нарушения.

Будет вздернут Денни Дивер, по заслугам приговор:
Он убил соседа сонным, на него взгляни в упор,
Земляков своих бесчестье и всего полка позор —
Будет вздернут Денни Дивер рано утром!

(«Денни Дивер»,
перевод И. Грингольца)

Это одно из самых знаменитых стихотворений Киплинга. В чем же виноват Денни Дивер, в том что убил? Нет, убивать — в этом смысл его солдатского ремесла. Он виноват в том, что нарушил закон своего полка, «своей стаи».

Нарушить Закон — позор, соблюсти его, не рассчитывая ни на похвалу, ни на награду, — долг. Часто Киплинг, подобно безымянным авторам древних эпосов, будь то «Слово о полку Игореве» или «Песнь о Роланде», делает предметом прославления не победу, а поражение, ибо только поражение способно высветить истинную доблесть и верность.

Твой ротный убит, нет на старших лица...
Ты помнишь, надеюсь, что ждет беглеца.
Останься в цепи и держись до конца
И жди подкреплений от Службы.
Подкреплений от Службы...

Если ж, раненный, брошен ты в поле чужом,
Где старухи живых добивают ножом,

Дотянись до курка и ступай под ружьем
К Солдатскому Богу на Службу.
Ты отчислен со Службы,
Ты отчислен со Службы,
Ты отчислен со Службы —
Службы Королевы!

(«Служба Королевы»,
перевод И. Грингольца)

Все на свете оценивается по правилам этой Великой Игры. Даже враг, если он вел игру по правилам, заслуживает уважения, похвалы и чуть ли не любви. Вот с какими словами, например, Киплинг, говоря от лица английского солдата, обращается к суданским повстанцам:

За твоё здоровье, Фуззи, за супругу и ребят!
Был приказ с тобой покончить, мы успели в аккурат.
Винтовку против лука честной не назвать игрой,
Но все козыри побил ты и прорвал британский строй!

(«Фуззи-Вуззи», *перевод И. Грингольца*)

Много на свете Игр и много Законов, но каждый должен следовать Закону своей «стаи». Именно поэтому Киплинг с огромным уважением и интересом пишет о чужих народах и экзотических культурах. Люди иных племен для него ничуть не хуже Белого Человека, просто они играют по другим Правилам. И все же, кроме Закона своей «стаи» есть еще высший, главный и последний Закон, тот Закон, который и делает человека человеком, Закон той «стаи», которую можно назвать Человечество, Род Людской.

Это как в «Маугли», где кроме «Закона Стаи» есть еще «Закон Джунглей». Стоит ему вступить в силу, и сразу отменяются законы полка и племени, Запада и Востока. Именно этому посвящена великолепная «Баллада о Востоке и Западе».

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они
не сойдут,
Пока не предстанут Небо с Землей на Страшный
Господень суд.
Но нет Востока и Запада нет, что — племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли
встает?

(«Баллада о Востоке и Западе»,
перевод Е. Полонской)

Пользуюсь случаем напомнить всем, кто глубокомысленно цитирует

«Запад есть Запад, Восток есть Восток...», говоря о несовместимости людей разных цивилизаций, что это стихотворение посвящено как раз тому, что людей Запада и Востока объединяет тот незамысловатый факт, что и те и другие — люди. Такова во всяком случае точка зрения Киплинга. С ней, может быть, можно не соглашаться, но тогда все-таки лучше не цитировать «Балладу о Востоке и Западе».

Принцип Игры Киплинг последовательно проводит через все свое творчество, то и дело меняя маски, но под каждой сохраняя узнаваемым если не лицо, то его выражение (что-то вроде улыбки Чеширского Кота). Это справедливо не только для его баллад, но и для стихотворений на библейские и исторические темы, его масонских стихов, которые, к сожалению, гораздо меньше известны русскому читателю.

В этом смысле очень характерны стихотворения, посвященные английской истории. Киплингу дела нет до того, что называется «исторической правдой»: главное для него снова и по-новому высказать все те же любимые мысли. Персонажи его исторических стихов напоминают средневековые миниатюры, на которых герои древности одеты в современное художнику платье. Вот, например, «Песня римского центуриона» — почти притча о судьбе английского колониального чиновника, только вместо Индии здесь Британия, вместо Британии — Рим.

Киплинг умел прочесть историю не столько по-своему, сколько для себя, и точно так же он читал Библию. Вне всякого сомнения, его Библия — Ветхий Завет, а его бог — Саваоф, Бог Воинств. Мало кому удавалось так органично пережить самый старый слой этой грозной книги. Бог Киплинга — Бог, стоящий на страже Закона, Бог Суда, но не Бог Милосердия.

Бог праотцев, преславный встарь,
Господь, водивший нас войной,
Судивший нам — наш вышний Царь! —
Царить над пальмой и сосной,
Бог Сил! Нас не покинь! — внемли,
Дабы забыть мы не смогли!

(«Отпустительная молитва»,
перевод О. Юрьева)

В том мире, в который верил Киплинг, даже Господь Бог, создав Правила Игры, сам должен теперь играть по этим Правилам.

Киплинг — один из самых читаемых писателей в нашем столетии. С ним могли полемизировать, не соглашаться, но его не могли игнорировать. Его образ мира как арены Вселенской Игры оказался одним из самых плодотворных для литературы нашего века. Так, Гессе по-новому изложил эту мысль в своей «Игре в бисер», изложил, довел до логического исчерпания и развенчал. Другой гениальный читатель и почитатель Киплинга Борхес создал свою модель Мировой Игры — Игру Без Правил, таким мир предстает,

например, в его «Вавилонской лотерее».

Впрочем, влияние Киплинга на мировую литературу — слишком большая тема. Стоит ограничиться его воздействием на русскую поэзию, ведь он один из тех иностранных поэтов, которые вошли в плоть и кровь родной нам русской поэзии.

II

Киплинг — русский поэт. Да-да, Редьярд Киплинг, «певец Британской Империи» — гораздо больше русский, чем английский поэт.

Так бывает. Так было с Байроном, так было с Гейне. Так было и с Киплингом. Киплинг в России — предмет страстного внимания, изучения, подражания, лучшие переводы его стихов давно стали фактом русской поэзии и чуть ли не русскими народными песнями. А, между тем, у себя на родине, пережив громкую, но короткую славу, «железный Редьярд» вкусил при жизни не менее оглушительное забвение, чтобы затем навсегда стать «одним из», строчкой в истории литературы, не более того.

Для примера возьмем популярную антологию англо-американской поэзии под редакцией Оскара Вильямса «Бессмертные стихи английского языка». Только с 1952 года до начала восьмидесятых эта книжка, включающая лучшие строки лучших поэтов от Чосера до Дилана Томаса, вышла тридцатью изданиями. Заглянем в нее. Количество, конечно, не критерий, и тем не менее... Киплинг представлен в ней одним стихотворением, занимающим одну страничку, а его современник, почти не известный русскому читателю Джерард Менли Хопкинс, привольно расположился на шестнадцати страницах. Кстати, говоря о русско-английской литературной иерархии, отметим, что в той же антологии Байрон представлен на трех страницах (Байрон — учитель Пушкина!), Китс же — на двадцати двух, а Шелли — аж на двадцати семи, больше получил только Шекспир. Шелли и Китс — великие поэты, но все же их место на российском Парнасе куда скромнее того, которое занял Байрон.

Киплинг, мне кажется, завораживает всякого, кто его читал: так и хочется посетовать на глухоту и «поэтическую тупость» англичан, а между тем, вот случай развенчать еще один миф об «особом пути» российской словесности. Дескать, только у нас «передовая» критика тиранила литературу по внелитературным соображениям. Однако, как наши «прогрессисты» в свое время затравили Лескова за его «антинигилистические» романы, вытеснив великого писателя из литературного процесса почти на двадцать лет и чуть не оставив без куска хлеба, так же и властители английских дум не простили Киплингу его «антигуманизм». Киплинг — «колонизатор, солдафон и имперец» стал в английской литературе персоной *non grata*.

Взгляды Киплинга (речь о них уже шла выше) действительно не

вызывают больших симпатий (у меня, кстати, тоже), хотя совсем не так ужасны, как может показаться, если почитать его обличителей из английской критики или Советской Энциклопедии. Да и «что нам Гекуба» — давно исчезнувшая Британская Империя. Гораздо интересней обсудить живое переживание киплингских баллад русской, вернее, советской поэзией. Различение это не случайно. Киплинг тоже ведь не столько английский, сколько британский поэт.

Факт влияния Киплинга на советскую поэзию 20—30-х годов широко известен и многократно описан. Учебы у него никогда не отрицали наши сочинители баллад: Тихонов, Луговской, Багрицкий, Симонов. Кажущийся парадокс в том, что Киплинг был яростным антикоммунистом, тем не менее, природа этого влияния вполне понятна. Дело здесь не столько в общих для Киплинга и его русских подражателей (в большинстве своем эпигонов акмеизма) методах стихотворчества, сколько в общих взглядах. Герой баллады, «человек с ружьем» — не просто безбожник, он — антихристианин, язычник. (Стоит вспомнить, что, например, первые стихотворные сборники Тихонова назывались «Орда» и «Брага».) Для него нет свободы воли, свободы морального выбора между добром и злом, для него есть только безличный Закон — Закон стаи, племени, полка, империи, века. Следующий Закону падет с честью, оступившийся — умрет под его колесом, а потому «... если он (век — *В. Д.*) скажет: „Солги!“ — солги ...если он скажет: „Убей!“ — убей!». (Это уже не Киплинг, это — Багрицкий.) Единственная (сомнительная!) награда герою — славное имя и память потомков. Таков идеал Киплинга, таков идеал его советских учеников, хотя, казалось бы, он приличествует не нашему времени, а какому-нибудь древнему героическому эпосу вроде «Нибелунгов». Что делать, XX век, век нового язычества и одичания, нашел своих певцов, надо сказать, порой блестящих.

Обо всем этом уже немало сказано в различных статьях, прежде всего, в прекрасных предисловиях А. А. Долинина к двум сборникам произведений Киплинга, вышедшим в последние годы. Да, многие, прежде всего петроградские поэты двадцатых годов, учились у Киплинга, причем за его полузапрещенной фигурой пряталась и вовсе запретная тень Гумилева. Это ведь Гумилев был учителем Тихонова, самого последовательного из русских киплингианцев, это ведь у него в студии занималась Ада Оношкович-Яцына, чьи переводы поэзии Киплинга стали одним из важнейших литературных событий того времени.

И все-таки, мне кажется, что тогда русские поэты читали Киплинга плохо или, по крайней мере, невнимательно. Вспомним знаменитую «Балладу о гвоздях» Тихонова. Кто эти brave моряки? Краснофлотцы? Конечно нет. Англичане, немцы, французы? Происхождение их чисто литературное, служат они в бумажном флоте, ушедшем в плаванье со страниц все того же Киплинга. В отличие от них герои английского поэта говорят не на условном языке переводной поэзии, нет, их речь — речь английского солдата, индийского туземца, моряка. Киплинг — мастер прямой речи, мастер сказа.

Сказ, как известно, был необыкновенно популярен в русской прозе двадцатых годов. По-настоящему влияние Киплинга проявилось в двадцатые годы не во второсортной советской балладе, а в прозе Бабеля, Колбасьева, «Серрапионовых братьев». Знаменитую бабелевскую «Соль» можно с полным правом поставить рядом с солдатскими рассказами Киплинга.

Да, Киплинг повлиял прежде всего на русскую прозу, но это влияние не только Киплинга-прозаика, но и Киплинга-поэта. Его баллады — такой же образец сказа как и новеллы, и это касается не только их лексики и интонации. С точки зрения просодии — это тот самый сор, из которого «растут стихи, не ведая стыда»: уличная песенка, солдатский марш, городской романс — жанр рисует киплинговских героев не менее ярко, чем их лексика. В сущности, Киплинг, демонстративно используя низкие, маргинальные жанры, низкую площадную лексику, взорвал устоявшуюся викторианскую поэтику. Так (дело известное), в смене жанров и происходит движение литературы. Тот же самый механизм привел к тому, что за последние двадцать лет Киплинг был совершенно по-новому переведен на русский язык.

Одним из важнейших событий русской поэзии 60—70-х годов стал жанр, существующий до сих пор под неопределенным названием «авторской песни». Ни один из прямых подражателей Киплинга не подошел к нему так близко, как подошли Владимир Высоцкий, Александр Галич, Юз Алешковский. Вот где в чистом виде господствует стихия прямой речи, сказа, монолога, вот где в дело идет всякое слово без деления на высокое и низкое. И не важно, влиял ли Киплинг на этих поэтов. (На Высоцкого, полагаю, больше влияли зонги Бертольта Брехта, который, и в этом уже нет сомнений, учился у Киплинга). Главное, у них были общие с Киплингом истоки — городской романс, блатная и лагерная песня — золушки поэзии, вдруг преобразившиеся и затмившие своих старших и надоевших сестер.

Я полагаю, что эти песни, например, песни Высоцкого, позволили заново и по-новому прочесть Киплинга, сделали возможным появление таких переводов как замечательные переводы недавно скончавшегося И. Грингольца. Такого Киплинга на русском еще не было. Какая разница, любил И. Гринголец песни Высоцкого или нет (я почему-то думаю, что любил) — поэтика, точно вирус гриппа, распространяется по воздуху. В этих переводах воздух нашего недавнего прошлого, и не только в их поэтической форме. Киплинг в семидесятые снова стал злободневным поэтом.

Дело не в анекдотических подробностях, хотя и они хороши: в конце семидесятых перестали печатать переводы киплинговских стихов об Афганской кампании. Хотя речь там шла всего лишь об Англо-афганской войне, но слишком часто мелькали в то время в газетах поминаемые в этих стихах Хайбер и Кандагар. Да и как можно было печатать, например, такое:

Взять Кабул должны мы были —
В рог труби, штыком вперед! —

Прочь отсюда, где сгубили
Мы друзей, где этот брод.
Брод, брод, брод вблизи Кабула,
Ночью вброд через Кабул-реку!
Удалось ли обсушиться, не хотите ль возвратиться
Темной ночью вброд через Кабул-реку...

(Перевод С. Тхоржевского)

Могли возникнуть не те ассоциации. Ну, да не в ассоциациях дело. Есть вещи посерьезней.

Очевидно, в воздухе империй, внешне благополучных, но уже готовых к крушению, есть нечто, определяющее общие свойства этого воздуха, вдоха и выдоха, того, чем держится поэтическое слово. Самая знаменитая книга стихов Киплинга — «Казарменные баллады», по-английски — «*Barrack-Room Ballads*». Русскому уху (точно в насмешку!) здесь слышится слово «барак». Очевидно, у каждой империи свой символ и свой источник вдохновения: у Британской — колониальная казарма, у Советской — лагерный барак, там — солдатская песня, здесь — блатная. И дело не в том, что Киплинг свою империю, хотя строгою и нелюбимую любовью, но любил, а скажем, Галич свою, Советскую, — ненавидел, а в том, что нет во всей русской поэзии более киплинговских стихов, чем «Мы похоронены где-то под Нарвой...», куда до них какой-нибудь «Балладе о гвоздях».

Любя или ненавидя, и наши «барды», и столь далекий от них «железный Редьярд» находились внутри очень похожих обстоятельств, в которых люди были не столько «гвоздями», сколько «героическими винтиками». (Хочу быть правильно понят, оба слова, и «винтики», и «героические», я употребляю совершенно серьезно, без всякой иронии.)

Вывод неутешительный. Выходит, теперь, когда последняя империя вроде бы пала, русский поэт Редьярд Киплинг станет через несколько лет по-английски забытым и ненужным. Но я верю, что этого не случится, потому что стихи Киплинга — настоящие стихи, а это, быть может, то единственное, что «вековечнее меди и пирамид выше», как точно сказал современник еще одной, в свой черед рухнувшей империи, Гораций.

В. Дымшиц

Poems

Стихотворения

«WHEN 'OMER SMOTE 'IS BLOOMIN' LYRE»

When 'Omer smote 'is bloomin' lyre,
 He'd 'eard men sing by land an' sea;
An'what he thought 'e might require,
 'E went an' took — the same as me!

The market-girls an' fishermen,
 The shepherds an' the sailors, too,
They 'eard old songs turn up again,
 But kep' it quiet — same as you!

They knew 'e stole; 'e knew they knowed.
 They didn't tell, nor make a fuss,
But winked at 'Omer down the road,
 An' 'e winked back — the same as us!

ГОМЕР ВСЕ НА СВЕТЕ ЛЕГЕНДЫ ЗНАЛ...

Гомер все на свете легенды знал,
И все подходящее из старья
Он, не церемонясь, перенимал,
Но с блеском, — и так же делаю я.

А девки с базара да люд простой
И все знатоки из морской братвы
Смекали: новинки-то с бородой, —
Но слушали тихо — так же, как вы.

Гомер был уверен: не попрекнут
За то при встрече возле корчмы,
А разве что дружески подмигнут,
И он подмигнет — ну, так же, как мы.

Перевод А. Щербакова

DEDICATION FROM «BARRACK-ROOM BALLADS»

Beyond the path of the outmost sun through utter darkness hurled —
Farther than ever comet flared or vagrant star-dust swirled —
Live such as fought and sailed and ruled and loved and made our world.

They are purged of pride because they died; they know the worth of
their bays;
They sit at wine with the Maidens Nine and the Gods of the Elder Days —
It is their will to serve or be still as fitteth Our Father's praise.

'Tis theirs to sweep through the ringing deep where Azrael's outposts are,
Or buffet a path through the Pit's red wrath when God goes out to war,
Or hang with the reckless Seraphim on the rein of a red-maned star.

They take their mirth in the joy of the Earth — they dare not grieve
for her pain.
They know of toil and the end of toil; they know God's Law is plain;
So they whistle the Devil to make them sport who know that Sin is vain.

And oft-times cometh our wise Lord God, master of every trade.
And tells them tales of His daily toil, of Edens newly made;
And they rise to their feet as He passes by, gentlemen unafraid.

To these who are cleansed of base Desire, Sorrow and Lust and Shame —
Gods for they knew the hearts of men, men for they stooped to Fame —
Borne on the breath that men call Death, my brother's spirit came.

He scarce had need to doff his pride or slough the dross of Earth —
E'en as he trod that day to God so walked he from his birth,
In simpleness and gentleness and honour and clean mirth.

So cup to lip in fellowship they gave him welcome high
And made him place at the banquet board — the Strong Men
ranged thereby,
Who had done his work and held his peace and had no fear to die.

Beyond the loom of the last lone star, through open darkness hurled,
Further than rebel comet dared or hiving star-swarm swirled,
Sits he with those that praise our God for that they served His world.

ПОСВЯЩЕНИЕ К «КАЗАРМЕННЫМ БАЛЛАДАМ»

Во внешней, запретной для солнца тьме, в беззвездье пустого эфира,
Куда и комета не забредет, во мраке мерцая сиром,
Живут мореходы, титаны, борцы — создатели нашего мира.

Навек от людской гордыни мирской они отреклись, умирая;
Пируют в раю они с Девятью Богинями щедрого края,
Свободны любить и славу трубить святому Властителю Рая.

Им право дано спускаться на дно, кипящее дно преисподней,
Где царь — Азраил, где злость затаил шайтан против рати
Господней.
На рыжей звезде вольно им везде летать серафимов свободней.

Веселье земли они обрели, презрев ее норы исконный,
Им радостен труд, оконченный труд и Божьи простые законы:
Соблазн сатанинский освищет, смеясь, в том воинстве
пеший и конный.

Всевышний нередко спускается к ним, Наставник
счастливых ремёсел,
Поведать, где новый Он создал Эдем, где на небо
звезды забросил:
Стоят перед Господом, и ни один от страха не обезголосел.

Ни Страсть, ни Странье, ни Алчность, ни Стыд их
не запятнают вовеки,
В сердцах человеческих читают они, пред славой богов — человеки!
К ним брат мой вчера поднялся с одра, едва я закрыл ему веки.

Бороться с гордыней ему не пришлось: людей не
встречалось мне кротче.
Он дольную грязь стряхнул, покорясь Твоим повелениям, Отче!
Прошел во весь рост, уверен и прост, каким его вылепил Зодчий.

Из рук исполинских он чашу приял, заглавного места достоин, —
За длинным столом блистает челом еще один Праведник-Воин.
Свой труд завершив, он и Смерти в глаза смотрел,
беспредельно спокоен.

Во внешней, запретной для звезд вышине, в пустыне немого эфира,
Куда и комета не долетит, в пространствах блуждая сиром,
Мой брат восседает средь равных ему и славит Владыку Мира.

Перевод Р. Дубровкина

THE WIDOW AT WINDSOR

'Ave you 'eard o'the Widow at Windsor
 With a hairy gold crown on 'er 'ead?
She 'as ships on the foam — she 'as millions at 'ome,
 An' she pays us poor beggars in red.
 (Ow, poor beggars in red!)

There's 'er nick on the cavalry 'orses,
 There's 'er mark on the medical stores —
An' 'er troopers you'll find with a fair wind be'ind
 That takes us to various wars.
 (Poor beggars! — barbarious wars!)

 Then 'ere's to the Widow at Windsor,
 An' 'ere's to the 'stores an'the guns,
 The men an' the 'orses what makes
 up the forces
 O' Missis Victorier's sons.
 (Poor beggars! Victorier's sons!)

Walk wide o'the Widow at Windsor,
 For 'alf o' Creation she owns:
We 'ave bought 'er the same with the sword an' the flame,
 An' we've salted it down with our bones.
 (Poor beggars! — it's blue with our bones!)

Hands off o' the sons o' the Widow,
 Hands off o' the goods in 'er shop,
For the Kings must come down an' the Emperors frown
When the Widow at Windsor says «Stop!»
 (Poor beggars! — we're sent to say «Stop!»)

 Then 'ere's to the Lodge o' the Widow,
 From the Pole to the Tropics it runs —
 To the Lodge that we tile with the rank an'
 the file,
 An' open in form with the guns.
 (Poor beggars! — it's always they guns!)

We 'ave 'eard o' the Widow at Windsor,
It's safest to leave 'er alone:
For er sentries we stand by the sea an' the land
Wherever the bugles are blown.
(Poor beggars! — an' don't we get blown!)

Take 'old o' the Wings o' the Mornin',
An' flop round the earth till you're dead;
But you won't get away from the tune that they play
To the bloomin' old rag over'ead.
(Poor beggars! — it's 'ot over'ead!)

Then 'ere's to the Sons o' the Widow,
Wherever, 'owever they roam.
'Ere's all they desire, an' if they require
A speedy return to their 'ome.
(Poor beggars! — they'll never see 'ome!)

ВДОВА ИЗ ВИНДЗОРА

Кто не знает Вдовы из Виндзора,
Коронованной старой Вдовы?
Флот у ней на волне, миллионы в казне,
Грош из них получаете вы
(Сброд мой милый! Наемные львы!).
На крупах коней Вдовьи клейма,
Вдовый герб на аптечке любой.
Строгий Вдовый указ, словно вихрь, гонит нас
На парад, на ученья и в бой
(Сброд мой милый! На бойню, не в бой!).
Так выпьем за Вдовье здоровье,
За пушки и боезапас,
За людей и коней, сколько есть их у ней,
У Вдовы, опекающей нас
(Сброд мой милый! Скликающей нас!)

Просторно Вдове из Виндзора,
Полмира считают за ней.
И весь мир целиком добывая штыком,
Мы мостим ей ковер из костей
(Сброд мой милый! Из наших костей!).
Не зарься на Вдовьи лабазы,
Перечить Вдове не берись.
По углам, по щелям впору лезть королям
Если только Вдова скажет: «Брысь!»
(Сброд мой милый! Нас шлют с этим «брысь!»).
Мы истинной дети Вдовицы!
От тропиков до полюсов
Нашей ложи размах. На штыках и клинках
Ритуал отбряцаем и зов
(Сброд мой милый! Ответ-то каков?)!

Не суйся к Вдове из Виндзора,
Исчезни, покуда ты цел!
Мы, охрана ее, по команде «В ружье!»
Разом словим тебя на прицел
(Сброд мой милый! А кто из вас цел?)!
Возьмись, как Давид-псалмопéвец,
За крылья зари — и всех благ!
Всюду встретят тебя ее горны, трубя,
И ее трижды латаный флаг
(Сброд мой милый! Равнение на флаг!)!
Так выпьем за Вдовьих сироток,
Что в строй по сигналу встают,
За их красный наряд, за их скорый возврат
В край родной и в домашний уют
(Сброд мой милый! Вас прежде убьют!)!

Перевод А. Щербакова

THE WIDOW'S PARTY

«Where have you been this while away,
 Johnnie, Johnnie?»
Out with the rest on a picnic lay.
 Johnnie, my Johnnie, aha!
They called us out of the barrack-yard
To Gawd knows where from Gosport Hard,
And you can't refuse when you get the card,
 And the Widow gives the party.
 (Bugle: Ta—rara—ra-ra-rara!)

«What did you get to eat and drink,
 Johnnie, Johnnie?»
Standing water as thick as ink,
 Johnnie, my Johnnie, aha!
A bit o'beef that were three year stored,
A bit o' mutton as tough as a board,
And a fowl we killed with a sergeant's sword,
 When the Widow give the party.

«What did you do for knives and forks,
 Johnnie, Johnnie?»
We carries 'em with us wherever we walks,
 Johnnie, my Johnnie, aha!
And some was sliced and some was halved,
And some was crimped and some was carved,
And some was gutted and some was starved,
 When the Widow give the party.

«What ha' you done with half your mess,
 Johnnie, Johnnie?»
They couldn't do more and they wouldn't do less.
 Johnnie, my Johnnie, aha!
They ate their whack and they drank their fill,
And I think the rations has made them ill,
For half my comp'ny's lying still
 Where the Widow give the party.

«How did you get away — away,
 Johnnie, Johnnie?»
On the broad o' my back at the end o' the day,
 Johnnie, my Johnnie, aha!
I corned away like a bleedin' toff,
For I got four niggers to carry me off,
As I lay in the bight of a canvas trough,
 When the Widow give the party.

«What was the end of all the show,
 Johnnie, Johnnie?»
Ask my Colonel, for I don't know,
 Johnnie, my Johnnie, aha!
We broke a King and we built a road —
A court-house stands where the Reg'ment goed.
And the river's clean where the raw blood flowed
 When the Widow give the party.
 (*Bugle: Ta—rara—ra-ra-rara!*)

ПРАЗДНИК У ВДОВЫ

«Эй, Джонни, да где ж пропадал ты, старик

Джонни, Джонни?»

«Был приглашен я к Вдове на пикник».

«Джонни, ну ты и даешь!»

«Вручили бумагу, и вся недолгá.

Явись, мол, коль шкура тебе дорога,

Напра-во! — и топай к чертям на рога,

На праздник у нашей Вдовы».

(Горн: «Та-рара-та-та-рара!»)

«А чем там поили-кормили в гостях,

Джонни, Джонни?»

«Тиной, настоящей на костях».

«Джонни, ну ты и даешь!»

«Баранинкой жестче кнута с ремешком,

Говядинкой с добрым трехлетним душком

Да, коли стащишь сам, петушком

На празднике нашей Вдовы».

«Зачем тебе выдали вилку да нож,

Джонни, Джонни?»

«А там без них нигде не пройдешь».

«Джонни, ну ты и даешь!»

«Было что резать и что ворошить,

Было что ткнуть и потом искрошить,

Было что просто кромсать-потрошить

На празднике нашей Вдовы».

«А где ж половина гостей с пикника,
Джонни, Джонни?»
«У них оказалась кишка тонка».
«Джонни, ну ты и даешь!»
«Кто съел, кто хлебнул всего, что дают,
А этого ведь не едят и не пьют,
И вот их птички теперь клюют
На празднике нашей Вдовы».

«А как же тебя отпустила мадам,
Джонни, Джонни?»
«В лежку лежащим, ручки по швам».
«Джонни, ну ты и даешь!»
«Приставили двух черномазых ко мне
Носилки нести, а я в них на спине
По-барски разлегся в кровавом дерьме
На празднике нашей Вдовы».

«А чем же закончилась вся толкотня,
Джонни, Джонни?»
«Спросите полковника — не меня».
«Джонни, ну ты и даешь!»
«Король был разбит, был проложен тракт,
Был суд учрежден, в чем скреплен был акт,
А дождик смыл кровь, да украсит сей факт
Праздник у нашей Вдовы!»
(Горн: «Та-рара-та-та-рара!»)

Перевод А. Щербакова

«BIRDS OF PREY» MARCH

Troops for Foreign Service

March! The mud is cakin' good about our trousies.

Front! — eyes front, an' watch the Golour-casin's drip.

Front! The faces of the women in the 'ouses

Ain't the kind o' things to take aboard the ship.

Cheer! An' we'll never march to victory.

Cheer! An' we'll never live to 'ear the cannon roar!

The Large Birds o' Prey

They will carry us away,

An' you'll never see your soldiers any more!

Wheel! Oh, keep your touch; we're goin' round a corner.

Time! — mark time, an' let the men be'ind us close.

Lord! The transport's full, an' 'alf our lot not on 'er —

Cheer, Oh, cheer! We're going off where no one knows.

March! The Devil's none so black as 'e is painted!

Cheer! We'll 'ave some fun before we're put away.

'Alt an' 'and 'er out — a woman's gone and fainted!

Cheer! Get on! — Gawd 'elp the married men to-day!

Hoi! Come up, you 'ungry beggars, to yer sorrow.

(Ear them say they want their tea, an' want it quick!)

You won't have no mind for slingers, not to-morrow —

No; you'll put the 'tween-decks stove out, bein' sick!

'Alt! The married kit 'as all to go before us!

'Course it's blocked the bloomin' gangway up again!

Cheer, Oh, cheer the 'Orse Guards watchin' tender o'er us,

Keepin' us since eight this mornin' in the rain!

Stuck in 'eavy marchin'-order, sopped and wringin' —

Sick, before our time to watch 'er 'eave an' fall,

'Ere's your 'appy 'ome at last, an' stop your singin'.

'Alt! Fall in along the troop-deck! Silence all!

Cheer! For we'll never live to see no bloomin' victory!

Cheer! An' we'll never live to 'ear the cannon roar!

(One cheer more!)

The jackal an' the kite

'Ave an 'ealthy appetite,

An' you'll never see your soldiers any more!

(Ip! Urroar!)

The eagle an' the crow

They are waitin' ever so,

An' you'll never see your soldiers any more!

(Ip! Urroar!)

Yes, the Large Birds o' Prey

They will carry us away,

An' you'll never see your soldiers any more!

МАРШ «ХИЩНЫХ ПТИЦ»

Войска Заморской службы

«Ша-агом...» Грязь коростой на обмотках мокрых.
«Арш!» Чехол со знаменем мотает впереди.
«Правое плечо!» А лица женщин в окнах
Не прихватишь на борт, что гляди, что не гляди.

*Даешь! Не дошагать нам до победы.
Даешь! Нам не восстать под барабанный бой.
Стая Хищных Птиц
Вместо райских голубиц —
И солдаты не придут с передовой.*

«Подтянись!» Перед причалом полк скопился.
«Левой! Рота, стой!» И вот видны суда.
Суки, там — битком, а нас полно на пирсе!
Боже правый, нас везут невесть куда...

«Товсь к погрузке!» Пусть малюют чёрта —
Хвост трубой! Еще гульнем, солдат!
И кончай о ней. Любовь, браток, — до борта.
«Марш!» Бог помощь, если ты женат.

«Разойдись!» Завьём печали, братцы!
(Слышь, теперь бы нам пожрать, да побыстрей!)
Эвон, и горячим-то давятся, —
Погоди, как доживешь до сухарей!

«Эй, женатые, от трапа!» Не надейся,
Тут на берег мы обратно не сойдем.
Дай вам сил, ох, дай вам сил, конногвардейцы,
Сторожить нас в это утро под дождем...

Вбитый в строй, как гвоздь, промокший до бельишка,
В глотке ком, хоть не пошло тебя качать, —
Здесь твой дом родной. «Отставить песню!». Крышка.
«На поверку ста-а-новись! Молчать!»

*Даешь! Нам не дожить до блёванной победы.
Даешь! Нам не восстать под барабанный бой
(Хвост трубой!)*

*А гиена и шакал
Всё сожрут, что Бог послал,
И солдаты не придут с передовой.
(«Рота, в бой!»)*

*Коршуньё и вороньё
Налетит урвать свое,
И солдаты не придут с передовой.
(«Рота, в бой!»)*

*Стая Хищных Птиц
Вместо райских голубиц —
И солдаты не придут с передовой!*

Перевод И. Грингольца

BOOTS

Infantry Columns

We're foot—slog—slog—slog—sloggin' over Africa —
Foot—foot—foot—foot—sloggin' over Africa —
(Boots—boots—boots—boots—movin' up an' down again!)
There's no discharge in the war!

Seven—six—eleven—five—nine-an'-twenty mile to-day —
Four—eleven—seventeen—thirty-two the day before —
(Boots—boots—boots—boots—movin' up an' down again!)
There's no discharge in the war!

Don't—don't—don't—don't—look at what's in front of you.
(Boots—boots—boots—boots—movin' up an' down again);
Men—men—men—men —men go mad with watchin' 'em,
An' there's no discharge in the war!

Try—try—try—try—to think o' something different —
Oh—my—God—keep—me from goin' lunatic!
(Boots—boots—boots—boots—movin' up an' down again!)
There's no discharge in the war!

Count—count—count—count—the bullets in the bandoliers.
If—your—eyes—drop—they will get atop o' you!
(Boots—boots—boots—boots—movin' up an' down again) —
There's no discharge in the war!

We—can—stick—out —'unger, thirst, an' weariness,
But—not—not—not—not the chronic sight of 'em —
Boots—boots—boots—boots—movin' up an' down again,
An' there's no discharge in the war!

'Tain't—so—bad—by—day because o' company,
But night—brings—long—strings—o' forty thousand million
Boots—boots—boots—boots—movin' up an' down again.
There's no discharge in the war!

I —'ave—marched—six—weeks in 'Ell an' certify
It—is—not—fire—devils, dark, or anything,
But boots—boots—boots—boots—movin' up an' down again,
An' there's no discharge in the war!

ПЫЛЬ

Пехотные колонны

День-ночь-день-ночь — мы идем по Африке,
День-ночь-день-ночь — все по той же Африке
(Пыль-пыль-пыль-пыль — от шагающих сапог!) —
Отпуска нет на войне!

Восемь-шесть-двенадцать-пять — двадцать миль на этот раз.
Три-двенадцать-двадцать две — восемнадцать миль вчера
(Пыль-пыль-пыль-пыль — от шагающих сапог!) —
Отпуска нет на войне!

Брось-брось-брось-брось! — видеть то, что впереди.
(Пыль-пыль-пыль-пыль — от шагающих сапог!) —
Все-все-все-все — от нее сойдут с ума,
И отпуска нет на войне!

Ты-ты-ты-ты — пробуй думать о другом,
Бог-мой-дай-сил — обезуметь не совсем!
(Пыль-пыль-пыль-пыль — от шагающих сапог!) —
Отпуска нет на войне!

Счет-счет-счет-счет — пулям в кушаке веди,
Чуть-сон-взял-верх — задние тебя сомнут.
(Пыль-пыль-пыль-пыль — от шагающих сапог!),
Отпуска нет на войне!

Для-нас-все-вздор — голод, жажда, длинный путь,
Но-нет-нет-нет — хуже, чем всегда одно —
Пыль-пыль-пыль-пыль — от шагающих сапог,
И отпуска нет на войне!

Днем-все-мы-тут — и не так уж тяжело,
Но-чуть-лег-мрак — снова только каблуки,
(Пыль-пыль-пыль-пыль — от шагающих сапог!),
Отпуска нет на войне!

Я-шел-сквозь-ад — шесть недель, и я клянусь,
Там-нет-ни-тьмы — ни жаровен, ни чертей,
Но-пыль-пыль-пыль-пыль — от шагающих сапог,
Отпуска нет на войне!

Перевод А. Оношкович-Яцына

FORD 'O KABUL RIVER

Kabul town's by Kabul river —

Blow the trumpet, draw the sword —

There I lef' my mate for ever,

Wet an' drippin' by the ford.

Ford, ford, ford o' Kabul river,

Ford o' Kabul river in the dark!

There's the river up and brimmin', an' there's 'arf
a squadron swimmin'

'Cross the ford o' Kabul river in the dark.

Kabul town's a blasted place —

Blow the trumpet, draw the sword —

'Strewth I shan't forget 'is face

Wet an' drippin' by the ford!

Ford, ford, ford o' Kabul river,

Ford o' Kabul river in the dark!

Keep the crossing-stakes beside you, an' they
will surely guide you

'Cross the ford o' Kabul river in the dark.

Kabul town is sun and dust —

Blow the trumpet, draw the sword —

I'd ha' sooner drowned fust

'Stead of 'im beside the ford.

Ford, ford, ford o' Kabul river,

Ford o' Kabul river in the dark!

You can 'ear the 'orses threshin'; you can 'ear
the men a-splashin',

'Cross the ford o' Kabul river in the dark.

Kabul town was ours to take —

Blow the trumpet, draw the sword —

I'd ha' left it for 'is sake —

'Im that left me by the ford.

Ford, ford, ford o' Kabul river,

Ford o' Kabul river in the dark!

It's none so bloomin' dry there; ain't you never
cornin' nigh there,

'Cross the ford o' Kabul river in the dark?

Kabul town'll go to hell —

Blow the trumpet, draw the sword —

'Fore I see him 'live an' well —

'Im the best beside the ford.

Ford, ford, ford o' Kabul river,

Ford o' Kabul river in the dark!

Gawd 'elp 'em if they blunder, for their boots'll
pull 'em under,

By the ford o' Kabul river in the dark.

Turn your 'orse from Kabul town —

Blow the trumpet, draw the sword —

'Im an' 'arf my troop is down,

Down and drowned by the ford.

Ford, ford, ford o' Kabul river,

Ford o' Kabul river in the dark!

There's the river low an' failin', but it ain't no
use a-callin'

'Cross the ford o' Kabul river in the dark!

БРОД НА РЕКЕ КАБУЛ

Возле города Кабула —

В рог труби, штыком вперед! —

Захлебнулся, утонул он,

Не прошел он этот брод,

Брод, брод, брод вблизи Кабула,

Ночью вброд через Кабул-реку!

В эту ночь с рекой бурлившей эскадрон

боролся плывший,

Темной ночью вброд через Кабул-реку.

В городе развалин груды —

В рог труби, штыком вперед! —

Друг тонул, и не забуду

Мокрое лицо и рот!

Брод, брод, брод вблизи Кабула,

Ночью вброд через Кабул-реку,

Примечай, вступая в воду, — вежи есть для

перехода

Темной ночью вброд через Кабул-реку.

Солнечен Кабул и пылен —

В рог труби, штыком вперед! —

Мы же вместе, рядом плыли,

Мог прийти и мой черед...

Брод, брод, брод вблизи Кабула,

Ночью вброд через Кабул-реку!

Там течение волны гонит, слышишь — бьются

наши кони?

Темной ночью вброд через Кабул-реку...

Взять Кабул должны мы были —
В рог труби, штыком вперед! —
Прочь отсюда, где сгубили
Мы друзей, где этот брод.
Брод, брод, брод вблизи Кабула,
Ночью вброд через Кабул-реку!
Удалось ли обсушиться, не хотите ль
возвратиться
Темной ночью вброд через Кабул-реку?

Провались она хоть в ад —
В рог труби, штыком вперед! —
Ведь остался б жив солдат,
Не войди он в этот брод.
Брод, брод, брод вблизи Кабула,
Ночью вброд через Кабул-реку!
Бог простит грехи их в мире. Башмаки у них,
как гири, —
Темной ночью вброд через Кабул-реку...

Поверни от стен Кабула —
В рог труби, штыком вперед! —
Половина утонула
Эскадрона там, где брод.
Брод, брод, брод вблизи Кабула,
Ночью вброд через Кабул-реку!
Пусть в реке утихли воды, не зовем уже
к походу
Темной ночью вброд через Кабул-реку.

Перевод С. Тхоржевского

BELTS

There was a row in Silver Street that's near to Dublin Quay,
Between an Irish regiment an' English cavalree;
It started at Revelly an' it lasted on till dark:
The first man dropped at Harrison's, the last forninst the Park.

For it was: — «Belts, belts, belts, an'
that's one for you!»
An' it was «Belts, belts, belts, an'
that's done for you!»
O buckle an' tongue
Was the song that we sung
From Harrison's down to the Park!

There was a row in Silver Street — the regiments was out,
They called us «Delhi Rebels,» an' we answered «Threes about!»
That drew them like a hornets' nest — we met them good an' large,
The English at the double an' the Irish at the charge.

Then it was: — «Belts, &c.»

There was a row in Silver Street — an' I was in it too;
We passed the time o' day, an' then the belts went whirraru!
I misremember what occurred, but, subsequent the storm,
A Freeman's Journal Supplemint was all *my* uniform.

O it was: — «Belts, &c.»

There was a row in Silver Street — they sent the Polis there,
The English were too drunk to know, the Irish didn't care;
But when they grew impertinent we simultaneous rose,
Till half o' them was Liffey mud an' half was tattered clo'es.

For it was: — «Belts, &c.»

There was a row in Silver Street — it might ha' raged till now,
But some one drew his side-arm clear, an' nobody knew how;
'Twas Hogan took the point an' dropped; we saw the red blood run:
An' so we all was murderers that started out in fun.

While it was: «Belts, &c.»

There was a row in Silver Street — but that put down the shine,
Wid each man whisperin' to his next: — «Twas never work o' mine!»
We went away like beaten dogs, an' down the street we bore him,
The poor dumb corpse that couldn't tell the bhoys were sorry for him.

When it was: — «Belts, &c.»

Thee was a row in Silver Street — it isn't over yet,
For half of us are under guard wid punishments to get;
'Tis all a merricle to me as in the Clink I lie:
There was a row in Silver Street — begod, I wonder why!
But it was: — «Belts, belts, belts, an'
that's one for you!»
An' it was «Belts, belts, belts, an'
that's done for you!»
O' buckle an' tongue
Was the song that we sung
From Harrison's down to the Park!

БЛЯХИ

Разборка шла на Силвер-стрит — и те, и эти пьяны,
С ирландскою пехотою английские уланы.
Глаза продрали поутру — от самого барака
По Силвер-стрит аж до реки кипела эта драка!

Бляхи! Бляхи! Ззых! Ззых! — Получай,
зараза!
Бляхи! Бляхи! Ззых! Ззых! — Поумнеешь
сразу!

Было где пройтись медяшкам
По макушкам и по ляжкам —
Прогулялись бляхи через весь бульвар!

Разборка шла на Силвер-стрит — отменная работа!
На стенку стенка, два полка — уланы и пехота!
«Сипаи! Грязные скоты!» — ирландцы нам кричали,
А мы кричали «Труссы!» им — и морды начищали!

Бляхи! Бляхи! Ззых! Ззых!.. — и т. д.

Разборка шла на Силвер-стрит — и я был в этом деле,
Мы рукопашную пошли — и бляхи засвистели!
Кто эту кашу заварил, откуда знать мне это?
Но мой мундир изодран был, как старая газета!

Бляхи! Бляхи! Ззых! Ззых!.. — и т. д.

Разборка шла на Силвер-стрит — еще патруль вмешался,
А в чем там дело, с пьяных глаз никто не разобрался.
Мы вместе встали против них — ну, и пошла махалка!
Полпатруля измяли вдрызг, полпатруля — в мочалку!

Бляхи! Бляхи! Ззых! Ззых!.. — и т. д.

Разборка шла на Силвер-стрит — нам драться не слабó еще!
Но кто-то вынул пистолет — и кончилось побоище.
Бедняга Хуган! Он упал — из раны кровь пошла, хлеща.
Вот так во время игрища убили мы товарища.

Бляхи! Бляхи! Ззых! Ззых!.. — и т. д.

Разборка шла на Силвер-стрит — непруха так непруха!
Руками разводили мы: «Да мы ни сном, ни духом!»
Как псы побитые, домой тащились еле-еле
И парня мертвого несли — и все его жалели.

Бляхи! Бляхи! Ззых! Ззых!.. — и т. д.

Разборка шла на Силвер-стрит. — О том несчастном малом
Придется нашим пожалеть теперь под трибуналом.
И вот сижу я на губе и все припоминаю —
Разборка шла на Силвер-стрит... С чего? Убей, не знаю!

Бляхи! Бляхи! Ззых! Ззых! — Получай,
зараза!

Бляхи! Бляхи! Ззых! Ззых! — Поумнеешь
сразу!

Было где пройтись медяшкам
По макушкам и по ляжкам —
Прогулялись бляхи через весь бульвар!

Перевод С. Степанова

TOMMY

I went into a public-'ouse to get a pint o' beer,
The publican 'e up an' sez, «We serve no red-coats here».
The girls be'ind the bar they laughed an' giggled fit to die,
I outs into the street again an' to myself sez I:

O it's Tommy this, an' Tommy that, an'
«Tommy, go away»;
But it's «Thank you, Mister Atkins,» when the
band begins to play —
The band begins to play' my boys, the band
begins to play,
O it's «Thank you, Mister Atkins,» when the
band begins to play.

I went into a theatre as sober as could be,
They gave a drunk civilian room, but 'adn't none for me;
They sent me to the gallery or round the music-'alls,
But when it comes to fightin', Lord! they'll shove me in the stalls!

For it's Tommy this, an' Tommy that, an'
«Tommy, wait outside»;
But it's «Special train for Atkins» when the
trooper's on the tide —
The troopship's on the tide, my boys, the
troopship's on the tide,
O it's «Special train for Atkins» when the
trooper's on the tide.

Yes, makin' mock o' uniforms that guard you while you sleep
Is cheaper than them uniforms, an' they're starvation cheap;
An' hustlin' drunken soldiers when they're goin' large a bit
Is five times better business than paradin' in full kit.

ТОММИ

Хотел я глотку промочить, гляжу — трактир открыт.
«Мы не пускаем солдатню!» — хозяин говорит.
Девиц у стойки не унять: потеха хоть куда!
Я восвояси повернул и плюнул со стыда.

«Эй, Томми, так тебя и сяк, ступай и не
маячь!»

Но: «Мистер Аткинс, просим Вас!» — когда
зовет трубач.

Когда зовёт трубач, друзья, когда зовёт
трубач,
Да, мистер Аткинс, просим Вас, когда зовёт
трубач!

На представленья я пришел, ну, ни в одном глазу!
За мной ввалился пьяный хлыщ, и он-то сел внизу.
Меня ж отправили в раёк, наверх, на самый зад.
А если пули запоют — пожалте в первый ряд!

«Эй, Томми, так тебя и сяк, умерь-ка лучше
прыть!»

Но: «Личный транспорт Аткинсу!» — когда
за море плыть.

Когда за море плыть, друзья, когда за море
плыть,
Отличный транспорт Аткинсу, когда за море
плыть!

Дешевый нам дают мундир, грошовый рацион,
Солдат — ваш верный часовой, — не больно дорог он!
И проще фыркать: дескать, он шумён навеселе,
Чем с полной выкладкой шагать по выжженной земле!

«Эй, Томми, так тебя и сяк, да ты, мерзавец,
пьян!»
Но: «Взвейтесь, грозные орлы!» — лишь
грянет барабан.
Лишь грянет барабан, друзья, лишь грянет
барабан,
Не дрянь, а «грозные орлы», лишь грянет
барабан!

Нет, мы не грозные орлы, но и не грязный скот,
Мы — те же люди, холостой казарменный народ.
А что порой не без греха — так где возьмешь смирей:
Казарма не растит святых из холостых парней!

«Эй, Томми, так тебя и сяк, тишком ходи,
бочком!»
Но: «Мистер Аткинс, грудь вперед!» — едва
пахнёт дымком.
Едва пахнёт дымком, друзья, едва пахнёт
дымком,
Ну, мистер Аткинс, грудь вперед, едва пахнёт
дымком!

Сулят нам сытные пайки, и школы, и уют.
Вы жить нам дайте по-людски, без ваших сладких блюд!
Не о баланде разговор, и что чесать язык,
Покуда форму за позор солдат считать привык!

«Эй, Томми, так тебя и сяк, катись и черт с
тобой!»
Но он — защитник Родины, когда выходит
в бой.
Да, Томми, так его и сяк, не раз уже учён,
И Томми — вовсе не дурак, он знает, что
почём!

Перевод И. Грингольца

DANNY DEEVER

«What are the bugles blowin' for?» — said Files-on-Parade.

«To turn you out, to turn you out,» — the Colour-Sergeant said.

«What makes you look so white, so white?» — said Files-on-Parade.

«I'm dreadin' what I've got to watch,» — the Colour-Sergeant said.

For they're hangin' Danny Deever, you can

hear the Dead March play,

The Regiment's in 'ollow square — they're hangin' him to-day;

They've taken of his buttons off an' cut his stripes away,

An' they're hangin' Danny Deever in the mornin'.

«What makes the rear-rank breathe so 'ard?» — said Files-on-Parade.

«It's bitter cold, it's bitter cold,» — the Colour-Sergeant said.

«What makes that front-rank man fall down?» — said Files-on-Parade.

«A touch o' sun, a touch o' sun,» — the Colour-Sergeant said.

They are hangin' Danny Deever, they are marchin' of 'im round,

They've 'altd Danny Deever by 'is coffin on the ground;

An' 'e'll swing in 'arf a minute for a sneakin' shootin' hound —

O they're hangin' Danny Deever in the mornin'!

«'Is cot was right-'and cot to mine,» — said Files-on-Parade.

«'E's sleepin' out an' far to-night,» — the Colour-Sergeant said.

«I've drunk 'is beer a score o' times,» — said Files-on-Parade.

«'E's drinkin' bitter beer alone,» — the Colour-Sergeant said.

They are hangin' Danny Deever, you must mark 'im to 'is place,

For 'e shot a comrade sleepin' — you must look 'im in the face;

Nine 'undred of 'is county an' the Regiment's disgrace,

While they're hangin' Danny Deever in the mornin'.

«What's that so black agin the sun?» — said Files-on-Parade.
«It's Danny fightin' 'ard for life,» — the Colour-Sergeant said.
«What's that that whimpers over'ead?» — said Files-on-Parade
«It's Danny's soul that's passin' now,» — the Colour-Sergeant said.
For they're done with Danny Deever, you can
 'ear the quickstep play,
The Regiment's in column, an' they're marchin' us away;
Ho! the young recruits are shakin', an' they'll
 want their beer to-day,
After hangin' Danny Deever in the mornin'!

ДЕННИ ДИВЕР

— О чем с утра трубят рожки? — один из нас сказал.

— Сигналят сбор, сигналят сбор, — откликнулся капрал.

— Ты побелел, как полотно! — один из нас сказал.

— Я знаю, что покажут нам, — откликнулся капрал.

Будет вздернут Денни Дивер ранним-рано на заре,
Похоронный марш играют, полк построился в каре,
С плеч у Денни рвут нашивки — на казарменном дворе
Будет вздернут Денни Дивер рано утром.

— Как трудно дышат за спиной, — один из нас сказал.

— Хватил мороз, хватил мороз, — откликнулся капрал.

— Свалился кто-то впереди, — один из нас сказал.

— С утра печет, с утра печет, — откликнулся капрал.

Будет вздернут Денни Дивер, вдоль шеренг ведут его,
У столба по стойке ставят, возле гроба своего,
Скоро он в петле запляшет, как последнее стервво!
Будет вздернут Денни Дивер рано утром.

— Он спал направо от меня, — один из нас сказал.

— Уснет он нынче далеко, — откликнулся капрал.

— Не раз он пиво ставил мне, — один из нас сказал.

— Он хлещет горькую один, — откликнулся капрал.

Будет вздернут Денни Дивер, по заслугам приговор:
Он убил соседа сонным, на него взгляни в упор,
Земляков своих бесчестье и всего полка позор —
Будет вздернут Денни Дивер рано утром.

SCREW-GUNS

Smokin' my pipe on the mountings, sniffin' the mornin'-cool,
I walks in my old brown gaiters along o' my old brown mule,
With seventy gunners be'ind me, an' never a beggar forgets
It's only the pick of the Army that handles the dear

little pets — 'Tss! 'Tss!
For you all love the screw-guns — the screw-guns
they all love you!
So when we call round with a few guns, o'course
you will know what to do — hoo! hoo!
Jest send in your Chief an' surrender — it's
worse if you fights or you runs:
You can go where you please, you can skid up the
trees, but you don't get away from the guns!

They sends us along where the roads are, but mostly we
goes where they ain't.
We'd climb up the side of a sign-board an' trust to the stick o' the paint:
We've chivied the Naga an' Looshai; we've give the Afreedee-man fits;
For we fancies ourselves at two thousand, we guns that
are built in two bits — 'Tss! 'Tss!
For you all love the screw-guns...

If a man doesn't work, why, we drills 'im an' teaches 'im
ow to behave.
If a beggar can't march, why, we kills 'im an' rattles'im
into 'is grave.
You've got to stand up to our business an' spring without
snatchin' or fuss.
D'you say that you sweat with the field-guns? By God,
you must lather with us — 'Tss! 'Tss!
For you all love the screw-guns...

The eagles is screamin' around us, the river's a-moanin' below,
We're clear o' the pine an' the oak-scrub, we're out on
the rocks an' the snow,
An' the wind is as thin as a whip-lash what carries away to the plains
The rattle an' stamp o' the lead-mules — the jinglety-jink
o' the chains — 'Tss! 'Tss!
For you all love the screw-guns...

There's a wheel on the Horns o' the Mornin', an' a wheel
on the edge o' the Pit,
An' a drop into nothin' beneath you as straight as a beggar can spit:
With the sweat runnin' out o' your shirt-sleeves, an' the
sun off the snow in your face,
An' 'arf o' the men on the drag-ropes to hold the gun in
'er place — 'Tss! 'Tss!
For you all love the screw-guns...

Smokin' my pipe on the mountings, sniffin' the mornin'-cool,
I climbs in my old brown gaiters along o' my old brown mule.
The monkey can say what our road was — the wild-goat
'e knows where we passed.
Stand easy, you long-eared old darlin's! Out drag-ropes!
With shrapnel! Hold fast — 'Tss! 'Tss!
For you all love the screw-guns — the screw-guns
they all love you!
So when we take tea with a few guns, o' course
you will know what to do — hoo! hoo!
Jest send in your Chief an' surrender — it's worse
if you fights or you runs:
You may hide in the caves, they'll be only your
graves, but you can't get away from the guns!

ПУШКАРИ

В зубах неразлучная трубка, с вершин ветерок сквозной,
Шагаю я в бурых крагах, мой бурый мул за спиной,
Со мной шестьдесят бомбардиров и — милым толстушкам честь —
Тут гордость Британской Армии, все лучшее, что в ней

есть, — тсс, тсс!

Ведь наша любовь — это пушки, и пушки верны в боях!

Бросайте свои погремушки, не то разнесут в пух

и прах — бабах!

Тащите вождя и сдавайтесь, все вместе: и трус, и смельчак;

Не хватайся за меч, не пытайся утечь, нет от

пушек спасенья никак!

Нас гонят туда, где дороги, но чаще — где нет дорог,
И лезешь, как муха по стенке, нащупав ногой бугорок.

Лушаев и нагу смяли, с афридиев сбили спесь

Мы, пушки — две батареи, двум тыщам равные здесь, —

тсс, тсс!

Ведь наша любовь — это пушки...

Не тянешь — будь благодарен: научим жить на земле!

Не встанешь — ну что же, парень, патрон для тебя — в стволе.

Так делай свою работу без спеху, не напоказ,

Полевые части — не сахар? А ну, попотей у нас —

тсс, тсс!

Ведь наша любовь — это пушки...

Над нами орлиный клёкот, рокот реки, как гром,
Мы выдрались из чащобы — лишь скалы да снег кругом.
Бичом полосует ветер, и вниз по степям летит
Скрежет и скрип железа, тупой перестук —
тсс, тсс!

Ведь наша любовь — это пушки...

Колесо по Лезвию Неба, и Бездна у самых ног,
А путь, распахнутый в вечность, прямее, чем твой плевок,
От солнца и снега слепнешь, рубаха — выжми да брось,
Но намертво полрасчета в старуху нашу впряглось —
тсс, тсс!

Ведь наша любовь — это пушки...

В зубах неразлучная трубка, с вершин ветерок сквозной,
Карабкаюсь в бурых крагах, мой бурый мул за спиной.
Где шли мы — мартышкам да козам и то не дознаться, кажись.
«Родимые, тпру-у! Снять цепи! Шрапнелью! К бою!

Держисьсь!.. Тсс, тсс!»

Ведь наша любовь — это пушки, и пушки верны в боях!

Не вздумайте лезть в заварушки, не то разнесут

в пух и прах — бабах!

Тащите вождя и сдавайтесь, все вместе: и трус, и смельчак;

Хоть под землю засядь, там тебе и лежать, —

не спасешься от пушек никак!

Перевод И. Грингольца

«SOLDIER AN' SAILOR TOO»

The Royal Regiment of Marines

As I was spittin' into the Ditch aboard o' the *Crocodile*,
I seed a man on a man-o'-war got up in the Reg'lars' style.
'E was scrapin' the paint from off of 'er plates, an' I sez
to 'im, «'Oo are you?»
Sez 'e, «I'm a Jolly — 'Er Majesty's Jolly — soldier an' sailor too!»
Now 'is work begins by Gawd knows when, and 'is work is never through;
'E isn't one o' the reg'lar Line, nor 'e isn't one of the crew.
'E's kind of a giddy harumfrodite — soldier an' sailor too!

An', after, I met 'im all over the world, a'doin' all kinds of things,
Like landin' 'isself with a Gatlin' gun to talk to them 'eathen kings;
'E sleeps in an 'ammick instead of a cot, an' 'e drills with
the deck on a slew,
An' 'e sweats like a Jolly — 'Er Majesty's Jolly — soldier an' sailor too!
For there isn't a job on the top o' the earth the beggar
don't know, nor do —
You can leave 'im at night on a bald man's 'ead, to paddle 'is own canoe —
'E's sort of a bloomin' cosmopolouse — soldier an' sailor too.

We've fought 'em in trooper, we've fought 'em in dock,
and drunk with 'em in between,
When they called us the seasick scull'ry-maids, an' we
called 'em the Ass-Marines;
But, when we was down for a double fatigue, from
Woolwich to Bernardmyo,
We sent for the Jollies — 'Er Majesty's Jollies — soldier an' sailor too!
They think for 'emselves, an' they steal for 'emselves, and
they never ask what's to do,
But they're camped an' fed an' they're up an' fed before our bugle's blew.
Ho! they ain't no limpin' procrastitutes — soldier an' sailor too.

СОЛДАТ И МАТРОС ЗАОДНО

Королевскому полку морской пехоты

Со скуки я в хлябь с полуята плевал,
терпел безмонетный сезон,
Вдруг вижу — на крейсере рядом мужик,
одет на армейский фасон
И драит медяшку. Ну, я ему грю:
«Э, малый! Ты что за оно?»
«А я, грит, Бомбошка у нашей Вдовы,
солдат и матрос заодно».
Какой ему срок и подробный паёк,
конечно, особый вопрос,
Но скверно, что он ни пехота, ни флот,
ни к этим, ни к тем не прирос.
Болтается, будто он дуромфродит,
диковинный солдоматрос.

Потом я в работе его повидал
по разным дремучим углам,
Как он митральезой настраивал слух
языческим королям.
Спит он не на койке, а в гамаке —
мол, так у них заведено,
Муштруют их вдвое — Бомбошек Вдовы,
матросов, солдат заодно.
Все должен бродяга и знать, и уметь,
затем и на свет их плодят.
Воткни его в омут башкой — доплывет,
хоть рыбы кой-что отъедят.
Таков всепролазный гусьмополит,
диковинный матросолдат.

У нас с ними битвы в любом кабаке —
и мы, и они удалы,
Они нас «костлявой блевалкой» честят,
а мы им орем: «Матрослы!»
А после, горбятя с присыпкой наряд,
где впору башкой о бревно,
Пыхтим: «Выручай-ка, Бомбошка Вдовы,
солдат и матрос заодно».
Он все углядит, а что нужно, сопрет
и слов не потратит на спрос,
Дудят нам подъемчик, а он уже жрет,
в поту отмахавши свой кросс.
Ведь он не шлунтяйка, а крепкий мужик,
тот спаренный солдоматрос!

По-вашему, нам не по нраву узда,
мы только и знаем, что ржем,
По классам да кубрикам воду мутим,
чуть что — так грозим мятежом.
Но с форсом подохнуть у края земли
нам тоже искусство дано,
И тут нам образчик — Бомбошка Вдовы,
солдат и матрос заодно.
А он — та же черная кость, что и мы,
по правде сказать, он нам брат,
Мал-мал поплечистей, а если точней,
то на полвершка в аккурат,
Но не из каких-нибудь там хрензантем
породистый матросолдат.

Подняться в атаку, паля на бегу,
оно не такой уж и страх,
Когда есть прикрытие, тыл и резерв,
и крик молодецкий в грудях.
Но скверное дело — в парадном строю
идти с «Биркенхедом» на дно,

Как шел бедолага Бомбошка Вдовы,
солдат и матрос заодно.
Почти салажонок, ну что он успел?
Едва до набора дорос,
А тут иль расстрел, или драка в воде,
а всяко ершам на обсос.
И, стоя в шеренге, он молча тонул —
герой, а не солдоматрос.

Полно у нас жуликов, все мы вруны,
похабники, рвань, солдатня,
Мы с форсом подохнем у края земли
(все, милые, кроме меня).
Но тех, кто «Викторию» шел выручать,
добром не попомнить грешно,
Ты честно боролся, Бомбошка Вдовы,
солдат и матрос заодно.
Не стану Бог знает чего говорить,
другие пускай говорят,
Но если Вдова нам работу задаст,
мы выполним все в аккурат.
Вот так-то! А «мы» понимай и «Ее
Величества матросолдат!»

Перевод А. Щербакова

«FOR TO ADMIRE»

The Injian Ocean sets an' smiles
 So sof', so bright, so bloomin' blue;
There aren't a wave for miles an' miles
 Excep' the jiggle from the screw.
The ship is swep', the day is done,
 The bugle's gone for smoke and play;
An' black ag'in the settin' sun
 The Lascar sings, «*Hum deckty hai!*»

*For to admire an' for to see,
 For to be'old this world so wide —
It never done no good to me,
 But I can't drop it if I tried!*

I see the sergeants pitchin' quoits,
 I 'ear the women laugh an' talk,
I spy upon the quarter-deck
 The officers an' lydies walk.
I thinks about the things that was,
 An' leans an' looks across the sea,
Till, spite of all the crowded ship,
 There's no one lef' alive but me.

The things that was which I 'ave seen,
 In barrick, camp, an' action too,
I tells them over by myself,
 An' sometimes wonders if they're true;
For they was odd — most awful odd —
 But all the same, now they are o'er,
There must be 'eaps o' plenty such,
 An' if I wait I'll see some more.

Oh, I 'ave come upon the books,
An' frequent broke a barrick-rule,
An' stood beside an' watched myself
Be'avin' like a bloomin' fool.
I paid my price for findin' out,
Nor never grutched the price I paid,
But sat in Clink without my boots,
Admirin' 'ow the world was made.

Be'old a cloud upon the beam,
An' 'umped above the sea appears
Old Aden, like a barrick-stove
That no one's lit for years an' years.
I passed by that when I began,
An' I go 'ome the road I came,
A time-expired soldier-man
With six years' service to 'is name.

My girl she said, «Oh, stay with me!»
My mother 'eld me to 'er breast.
They've never written none, an' so
They must 'ave gone with all the rest —
With all the rest which I 'ave seen
An' found an' known an' met along.
I cannot say the things I feel,
And so I sing my evenin' song:

*For to admire an' for to see,
For to be'old this world so wide —
It never done no good to me,
But I can't drop it if I tried!*

«И ВОСХИЩАТЬСЯ...»

В Индийском океане тишь,
Глядит он кротостью самой;
Волны нигде не различишь,
Кроме дорожки за кормой.
Корабль несется, дня уж нет,
Пробили склянки — отдыхай...
Чернея на закатный свет,
Индус поет: «Хам декхта хай».

*И восхищаться, и дышать,
И жить бескрайностью дорог —
Без толку! — мог бы я сказать.
Но бросить бы уже не смог!*

Слежу ли за игрой старшин,
Ловлю ли женский смех и гам,
Гляжу ли, как офицера
На шканцах провожают дам,
Я думаю про что ушло,
Взгляд утопивши в синей мгле,
И вот я словно бы один
На опустевшем корабле.

Про что ушло, что видел я
В казарме, в лагерях, в бою,
Рассказываю сам себе
И правды сам не узнаю;
Так странно, слишком странно все...
Что ж, это нынче позади.
Да, было всякое со мной,
Но больше в будущем, поди.

Да, на заметку я попал,
Я нарушал закон полка,
И сам себя со стороны
Я видел в роли дурака.
Познанья цену я платил
И не был ею возмущен,
А прохлаждался на «губе»,
Мироустройством восхищен.

На траверзе возник дымок,
И встал над морем там, вдали,
Горбучий Аден, точно печь,
Которую уж век не жгли.
Проплыл я мимо этих скал
Шесть лет назад — теперь домой
Плыву, солдат, отбывший срок,
С шестью годами за спиной.

Невеста плакала: «Вернись!»
И мать вздыхала тяжело.
Они мне не писали — знать,
Ушли: ушли, как всё ушло.
Как всё ушло, что разглядел,
Открыл, узнал и встретил я.
Как высказать, что на душе?
И я пою. Вот песнь моя:

*И восхищаться, и дышать,
И жить бескрайностью дорог —
Без толку! — мог бы я сказать.
Но бросить бы уже не смог!*

Перевод О. Юрьева

THE SONG OF THE BANJO

You couldn't pack a Broadwood half a mile —
 You mustn't leave a fiddle in the damp —
You couldn't raft an organ up the Nile,
 And play it in an Equatorial swamp.
I travel with the cooking-pots and pails —
 I'm sandwiched 'tween the coffee and the pork —
And when the dusty column checks and tails,
 You should hear me spur the rearguard to a walk!

With my «*Pilly-willy-winky-winky-popp!*»
 [Oh, it's any tune that comes into my head!]
So I keep 'em moving forward till they drop;
 So I play 'em up to water and to bed.

In the silence of the camp before the fight,
 When it's good to make your will and say your prayer,
You can hear my *strumpty-tumpty* overnight,
 Explaining ten to one was always fair.
I'm the Prophet of the Utterly Absurd,
 Of the Patently Impossible and Vain —
And when the Thing that Couldn't has occurred,
 Give me time to change my leg and go again.

With my «*Tumpa-tumpa-tumpa-tumpa-tump!*»
 In the desert where the dung-fed camp-smoke curled.
There was never voice before us till I led our lonely chorus,
 I — the war-drum of the White Man round the world!

By the bitter road the Younger Son must tread,
Ere he win to hearth and saddle of his own, —
'Mid the riot of the shearers at the shed,
In the silence of the herder's hut alone —
In the twilight, on a bucket upside down,
Hear me babble what the weakest won't confess —
I am Memory and Torment — I am Town!
I am all that ever went with evening dress!

With my «*Tunka-tunka-tunka-tunka-tunk!*»
[So the lights — the London Lights — grow near and plain!]
So I rowel 'em afresh towards the Devil and the Flesh,
Till I bring my broken rankers home again.

In desire of many marvels over sea,
Where the new-raised tropic city sweats and roars,
I have sailed with Young Ulysses from the quay
Till the anchor rumbled down on stranger shores.
He is blooded to the open and the sky,
He is taken in a snare that shall not fail,
He shall hear me singing strongly, till he die,
Like the shouting of a backstay in a gale.

With my «*Hya! Heeya! Heeya! Hulla! Haul!*»
[Oh, the green that thunders aft along the deck!]
Are you sick o' towns and men? You must sign and sail again,
For it's «Johnny Bowlegs, pack your kit and trek!»

Through the gorge that gives the stars at noon-day clear —
Up the pass that packs the scud beneath our wheel —
Round the bluff that sinks her thousand fathom sheer —
Down the valley with our guttering brakes a squeal:
Where the trestle groans and quivers in the snow,
Where the many-shedded levels loop and twine,

Hear me lead my reckless children from below
Till we sing the Song of Roland to the pine!

With my «*Tinka-tinka-tinka-tinka-tink!*»
[Oh, the axe has cleared the mountain, croup and crest!]
And we ride the iron stallions down to drink,
Through the canons to the waters of the West!

And the tunes that mean so much to you alone —
Common tunes that make you choke and blow your nose —
Vulgar times that bring the laugh that brings the groan —
I can rip your very heartstrings out with those;
With the feasting, and the folly, and the fun —
And the lying, and the lusting, and the drink,
And the merry play that drops you, when you're done,
To the thoughts that burn like irons if you think.

With my «*Plunka-lunka-lunka-lunka-lunk!*»
Here's a trifle on account of pleasure past,
Ere the wit that made you win gives you eyes to see your sin
And — the heavier repentance at the last!

Let the organ moan her sorrow to the roof —
I have told the naked stars the Grief of Man!
Let the trumpet snare the foemen to the proof —
I have known Defeat, and mocked it as we ran!
My bray ye may not alter nor mistake
When I stand to jeer the fatted Soul of Things,
But the Song of Lost Endeavour that I make,
Is it hidden in the twanging of the strings?

With my «*Ta-ra-rara-rara-ra-ra-rrrrp!*»
[Is it naught to you that hear and pass me by?]

But the word — the word is mine, when the order moves the line
And the lean, locked ranks go roaring down to die!

The grandam of my grandam was the Lyre —
[Oh, the blue below the little fisher-huts!]
That the Stealer stooping beachward filled with fire,
Till she bore my iron head and ringing guts!
By the wisdom of the centuries I speak —
To the tune of yestermorn I set the truth —
I the joy of life unquestioned — I, the Greek —
I, the everlasting Wonder-song of Youth!

With my «*Tinka-tinka-tinka-tinka-tink!*»
[What d'ye lack, my noble masters! What d'ye lack?
So I draw the world together link by link:
Yea, from Delos up to Limerick and back!

ПЕСНЯ БАНДЖО

Ты рояль с собой в поход не завернешь,
Нежной скрипке в мокрых джунглях не звучать,
Ты орган в верховья Нила не попрешь,
Чтобы Баха бегемотам исполнять!
Ну а я — меж сковородок и горшков,
Между кофе и консервами торчу,
И под стук солдатских пыльных каблуков
Отстающих подгоняю и бренчу:

Тренди-бренди, тренди-бренди, тарарам...
Что втемяшится — бренчит само собой!
Так наигрывая что-то в такт шагам,
Я зову вас на ночлег и водопой.

Дремлет лагерь перед боем в тишине.
Завещанье сочиняешь? Бог с тобой!
Объясню я, лишь прислушайся ко мне,
Что для нас один на десять — равный бой!
Я — пророк всего, что было исконí
Невозможным! Бог нелепейших вещей!
Ну, а если вдруг сбываются они —
Только дай мне ритм сменить, — и в путь смелей!

Там-то, там-то, там-то, там-то, там-то там,
Где кизячный дым над лагерем вдали,
Где молчало все в пустыне, зазвучала песня ныне —
Боевой сигнал для белых всей земли!

Младший сын пройдет по горькому пути —
И бесхитростный пастушеский бивак,
И сараи стригалей, где все в шерсть,
Чтоб иметь свое седло и свой очаг.
На бадейке перевернутой, в ночи
Я о том скажу, о чем молчишь ты сам...
Я ведь — память, мука, город... о, молчи —
Помнишь смокинг и коктейль по вечерам?

Танго, танго, танго, танго, танго, таннн...
В ясном блеске, в блеске лондонских огней...
Буду шпорою колоть их — снова к дьяволу и к плоти,
Но верну домой надломленных детей!

В дальний край, где из тропических морей
Новый город встал, потя и рыча,
Вез меня какой-то юный Одиссей,
И волна мне подпевала, клопоча.
Он отдаст морям и небу кровь свою,
И, захлестнут горизонтом, как петлём,
Он до смерти будет слышать песнь мою,
Словно в вантах ветра вымученный вой:

Волны, волны, волны, волны, волны — во!
И зеленый грохот мачту лупит в бок...
Если город — это горе, что ж, вздохни — и снова в море!
Помнишь песню: «Джонни, где твой сундучок?»

В пасть лоцин, где днем мерцают звезд глаза,
Где обрывки туч летят из-под колес,
Где скрипят, визжат на спусках тормоза —
За окном тысячефутовый утес,
Где гремят и стонут снежные мосты,
Где петляет в скалах змей стальных дорог,

Бесшабашный я зову, чтоб с высоты
Черным соснам протрубить в Роландов рог:

Пойте, пойте, пойте, пойте, пойте, пойте!
В гривах гор рубил топор дороги нам
Гнать железных жеребцов на водопой
По ущельям узким, к Западным морям!

Звон мой — думаешь, он — часть твоей души?
Всем доступен он, банальнейший трень-брень,
Ни смеяться, ни сморкаться — не спеши:
Он терзает струны сердца каждый день!
То дурачит, то печалит, то смешит.
То ли пьянка, то ли похоть, то ли ложь...
Так назойливой мелодией звучит,
Жжется память, от которой не уйдешь!

Только, только, только, только, только так!
Пустяковая расплата за тобой?
Погоди, не веселись: вспомни все и оглянись —
И раскаянье навалится горой!

Пусть орган под самый свод возносит боль —
Я взметну тоску людскую до звезды!
Пусть врага зовет труба на смертный бой —
Я бегу, смеясь, меж бегства и беды!
Резкий выкрик мой не спутаешь ни с чем:
Неоконченная песнь надежд былых,
Издательство над сущностью вещей
Скрыто в голосе гнусавых струн моих!

День ли, день ли, день ли, день ли, день — да мой!
Кто послушает, а кто и прочь пойдет,

Но останется за мной снова слово, если в бой
Рота пушечного мяса на́ смерть прет!

Лира древних прародительница мне!
О, рыбачий берег, солнечный залив!
И Гермес не зря держал ее в огне,
Для меня и гриф, и струны закалив, —
И во мне запела мудрость всех веков!
Я — пеан бездумной жизни, древний грек,
Песня истины, свободной от оков,
Песня чуда, песня юности навек!

Я звеню, звеню, звеню, звеню, звеню...
Тот ли тон, о господин мой, тот ли тон?
Цепью Делос — Лимери́к, звено к звену,
Цепью песен будет мир объединен!

Перевод В. Бетаки

TROOPIN'

Old English Army in the East

Troopin', troopin', troopin' to the sea:
'Ere's September come again — the six-year men are free.
O leave the dead be'ind us, for they cannot come away
To where the ship's a-coalin' up that takes us 'ome to-day.
 We're goin' 'ome, we're goin' 'ome,
 Our ship is *at* the shore,
 An' you must pack your 'aversack,
 For we won't come back no more.
 Ho, don't you grieve for me,
 My lovely Mary-Ann!
 For I'll marry you yit on a fourp'ny bit
 As a time-expired man.

The *Malabar's* in 'arbour with the funner at 'er tail,
An' the time-expired's waitin' of 'is orders for to sail.
Ho! the weary waitin' when on Khyber 'ills we lay,
But the time-expired's waitin' of 'is orders 'ome to-day.

They'll turn us out at Portsmouth wharf in cold an' wet an' rain,
All wearin' Injian cotton kit, but we will not complain.
They'll kill us of pneumonia — for that's their little way —
But damn the chills and fever, men, we're goin' 'ome to-day!

Troopin', troopin', winter's round again!
See the new draf's pourin' in for the old campaign;
Ho, you poor recruities, but you've got to earn your pay —
What's the last from Lunnon, lads? We're goin' there to-day.

Troopin', troopin', give another cheer —
'Ere's to English women an' a quart of English beer.
The Colonel an' the Regiment an' all who've got to stay,
Gawd's Mercy strike 'em gentle! Whoop! we're goin' 'ome to-day.
 We're goin' 'ome, we're goin' 'ome,
 Our ship is *at* the shore,
An' you must pack your 'aversack,
 For we won't come back no more,
Ho, don't you grieve for me,
 My lovely Mary-Ann!
For I'll marry you yit on a fourp'ny bit
 As a time-expired man.

МАРШЕМ К МОРЮ

Английские войска на Востоке

К морю, к морю, к морю марш вперед!
Шесть годков трубили мы, другим теперь черед.
Оставим мертвых с миром — они не встанут в строй,
Когда причалит пароход везти живых домой!

Плывем домой, плывем домой,
Уже пришли суда,
И вещмешок уложен впрок —
Нас не вернешь сюда!
Брось плакать, Мэри-Энн!
Солдатчина — не век,
И тебя наконец поведу под венец
Я — вольный человек!

Вон «Малабар» у пирса, и «Джампер» тоже там,
И все, кто на гражданку, ждут команды «По местам!».
Не то, что на Хайбэре ждать, когда подымут в бой, —
Все, кто на гражданку, ждут команды плыть домой.

Нас в мозглый Портсмут привезут, где холод и мокреть,
В одной хлопчатке на плечах костей не отогреть!
Так пусть не пуля — хворь пришьет, расчет у них прямой!
Да черт с ней, с лихоманкой, если мы плывем домой!

К морю, к морю, братцы, шире шаг!
Шлют на старую войну новых бедолаг.
Седьмую шкуру с вас сдерут за хлеб за дармовой!
Как там Лондон, молодцы? Нам нынче плыть домой!

К морю, к морю, дом недалеко,
Английские девчонки, английское пиво!
Полковник со своим полком и все, кто за кормой,
Будь милосерден к вам Господь! А мы — плывем домой!
 Плывем домой, плывем домой,
 Уже пришли суда,
И вещмешок уложен впрок —
 Нас не вернешь сюда!
Брось плакать, Мэри-Энн!
 Солдатчина — не век,
И тебя наконец поведу под венец
 Я — вольный человек!

Перевод И. Грингольца

SHILLIN' A DAY

My name is O'Kelly, I've heard the Revelly
From Birr to Bareilly, from Leeds to Lahore,
Hong-Kong and Peshawur,
Lucknow and Etewah,
And fifty-five more all endin' in «pore.»
Black Death and his quickness, the depth and the thickness
Of sorrow and sickness I've known on my way,
But I'm old and I'm nervis,
I'm cast from the Service,
And all I deserve is a shillin' a day.

(Chorus) Shillin' a day,
Bloomin' good pay —
Lucky to touch it, a shillin' a day!

Oh, it drives me half crazy to think of the days I
Went slap for the Ghazi, my sword at my side,
When we rode Hell-for-leather
Both squadrons together,
That didn't care whether we lived or we died.
But it's no use despairin', my wife must go charin'
An' me commissairin', the pay-bills to better,
So if me you be'old
In the wet and the cold,
By the Grand Metropold, won't you give me a letter?

(Full chorus) Give 'im a letter —
'Can't do no better,
Late Troop-Sergeant-Major an' — runs with a letter!

Think what 'e's been,
Think what 'e's seen.
Think of his pension an' —
GAWD SAVE THE QUEEN!

ШИЛЛИНГ В ДЕНЬ

Меня звать О'Келли, испытан я в деле,
Прошел я в шинели из Лидса в Лахор.
Пешáвар и Лакну —
Что вспомню, то крякну:
Их полный набор — дыр на «ар» или «ор».
Знал черную хворость, знал горькую горесть,
Прицельную прорезь и смертную тень,
Но стар я и болен,
И вот я уволен,
А выслуга, воин, — по шиллингу в день.

Хор: Шиллингом в день —
Туже ремень!
Будь же доволен и шиллингом в день!

Мне снятся поныне пески и пустыни,
Как скачем мы в пене по следу газí,
И падают кони,
И кто в эскадроне
В погоне на смерть свою глянет вблизи!
Что ж, рвется, где тонко... Жену ждет подёнка,
Меня — работёнка рассыльным по Лондону.
И в холод, и в дождь
Меня ты найдешь:
Сгодится и грош на приварок голодному!

Хор: Чем пособишь ему,
Воину бывшему?
Хоть письмецо на разноску подкинь!

Вспомни, как жил он,
Что заслужил он,
И — Боже, храни Королеву! Аминь.

Перевод И. Грингольца

MANDALAY

By the old Moulmein Pagoda, lookin' lazy at the sea,
There's a Burma girl a-settin', and I know she thinks o' me;
For the wind is in the palm-trees, and the temple-bells they say:
«Come you back, you British soldier; come you back to Mandalay!»
 Come you back to Mandalay,
 Where the old Flotilla lay:
 Can't you 'ear their paddles chunkin' from Rangoon to Mandalay?
 On the road to Mandalay,
 Where the flyin'-fishes play,
 An' the dawn comes up like thunder outer China 'crost the Bay!

'Er petticoat was yaller an' 'er little cap was green,
An' 'er name was Supi-yaw-lat — jes' the same as Theebaw's Queen,
An' I seed her first a-smokin' of a whackin' white cheroot,
An' a-wastin' Christian kisses on an 'eathen idol's foot:
 Bloomin' idol made o' mud —
 Wot they called the Great Gawd Budd —
 Plucky lot she cared for idols when I kissed 'er where she stud!
 On the road to Mandalay...

When the mist was on the rice-fields an' the sun was droppin' slow,
She'd git 'er little banjo an' she'd sing «*Kulla-lo-lo!*»
With 'er arm upon my shoulder an' 'er cheek again my cheek
We useter watch the steamers an' the *hathis* pilin' teak.
 Elephants a-pilin' teak
 In the sludgy, squidgy creek,
 Where the silence 'ung that 'eavy you was 'arf afraid to speak!
 On the road to Mandalay...

But that's all shove be'ind me — long ago an' fur away,
An' there ain't no 'buses runnin' from the Bank to Mandalay;
An' I'm learnin' 'ere in London what the ten-year soldier tells:
«If you've 'eard the East a-callin', you won't never eed naught else.»
 No! you won't 'eed nothin' else
 But them spicy garlic smells,
 An' the sunshine an' the palm-trees an' the tinkly temple-bells;
 On the road to Mandalay...

I am sick o' wastin' leather on these gritty pavin'-stones,
An' the blasted English drizzle wakes the fever in my bones;
Tho' I walks with fifty 'ousemaids outer Chelsea to the Strand,
An' they talks a lot o' lovin', but wot do they understand?
 Beefy face an' grubby 'and —
 Law! wot do they understand?
 I've a neater, sweeter maiden in a cleaner, greener land!
 On the road to Mandalay...

Ship me somewheres east of Suez, where the best is like the worst,
Where there aren't no Ten Commandments an' a man can raise a thirst;
For the temple-bells are callin', an' it's there that I would be —
By the old Moulmein Pagoda, looking lazy at the sea;
 On the road to Mandalay,
 Where the old Flotilla lay,
 With our sick beneath the awnings when we went to Mandalay!
 O the road to Mandalay,
 Where the flyin'-fishes play,
 An' the dawn comes up like thunder outer China 'cross the Bay!

МАНДАЛАЙ

Возле пагоды старинной, в Бирме, дальней стороне,
Смотрит на море девчонка и скучает обо мне.

Голос бронзы колокольной кличет в пальмах то и знай:
«Ждем британского солдата, ждем солдата в Мандалай!»

Ждем солдата в Мандалай,
Где суда стоят у свай,
Слышишь, шлепают колеса из Рангуна в Мандалай?
На дороге в Мандалай,
Где летучим рыбам рай
И зарю раскатом грома из-за моря шлет Китай!

Супи-Ёлат звать девчонку, имя царское у ней!
Помню желтую шапчонку, юбку травки зеленой.
Черт-те что она курила — не прочухаться в дыму,
И, гляжу, целует ноги истукану своему!

В ноги падает дерьму,
Будда — прозвище ему.
Нужен ей поганый идол, как покрепче обниму
На дороге в Мандалай...

В час, когда садилось солнце и над рисом стлалась мгла,
Для меня брэнчало банджо и звучало: «Кулло-ла!»

А бывало, что в обнимку шли мы с ней, щека к щеке,
Поглядеть на то, как *хати* лес сгружают на реке,

Как слоны бредут к реке
В липкой тине и песке,
Тишь такая — слово стынет у тебя на языке
На дороге в Мандалай...

Это было все да сплыло, вспоминай не вспоминай.
Севши в óмнибус у Банка, не доедешь в Мандалай.
Да, недаром поговорка у сверхсрочников была:
«Тем, кто слышит зов Востока, мать-отчизна не мила».
 Не отчизна им мила —
 Пряный дух, как из котла,
 Той земли, где плещут пальмы и звенят колокола
 На дороге в Мандалай...

Я устал трепать подметки по булыжной мостовой,
А от лондонской погоды ломит кости не впервой.
Здесь прислуги целый ворох, пьешь-гуляешь без забот,
Дурь одна в их разговорах: кто любви-то ихней ждет?
 Жидкий волос, едкий пот...
 Нет, меня другая ждет,
 Мой душистый, чистый цветик у бездонных, сонных вод
 На дороге в Мандалай...

Там, к востоку от Суэца, злу с добром — цена одна,
Десять заповедей — сказки, и кто жаждет — пьет до дна.
Кличет голос колокольный, и привольно будет мне
Лишь у пагоды старинной, в полудённой стороне
 На дороге в Мандалай,
 Где суда стоят у свай, —
 Мы кладем больных под тенты и идем на Мандалай!
 О, дорога в Мандалай,
 Где летучим рыбам рай
 И зарю раскатом грома из-за моря шлет Китай!

Перевод И. Грингольца

HYMN BEFORE ACTION

The earth is full of anger,
The seas are dark with wrath,
The Nations in their harness
Go up against our path:
Ere yet we loose the legions —
Ere yet we draw the blade,
Jehovah of the Thunders,
Lord God of Battles, aid!

High lust and froward bearing,
Proud heart, rebellious brow —
Deaf ear and soul uncaring,
We seek Thy mercy now!
The sinner that forswore Thee,
The fool that passed Thee by,
Our times are known before Thee —
Lord, grant us strength to die!

For those who kneel beside us
At altars not Thine own,
Who lack the lights that guide us,
Lord, let their faith atone!
If wrong we did to call them,
By honour bound they came;
Let not Thy Wrath befall them,
But deal to us the blame.

From panic, pride, and terror,
 Revenge that knows no rein —
Light haste and lawless error,
 Protect us yet again.
Cloke Thou our undeserving,
 Make firm the shuddering breath,
In silence and unswerving
 To taste Thy lesser death.

Ah, Mary pierced with sorrow,
 Remember, reach and save
The soul that comes to-morrow
 Before the God that gave!
Since each was born of woman,
 For each at utter need —
True comrade and true foeman —
 Madonna, intercede!

E'en now their vanguard gathers,
 E'en now we face the fray —
As Thou didst help our fathers,
 Help Thou our host to-day.
Fulfilled of signs and wonders,
 In life, in death made clear —
Jehovah of the Thunders,
 Lord God of Battles, hear!

ГИМН ПЕРЕД БИТВОЙ

Земля дрожит от гнева,
И тёмн океан,
Пути нам преградили
Мечи враждебных стран:
Когда потоком диким
Нас потеснят враги,
Йегова, Гром небесный,
Бог Сечи, помоги!

С высоким, гордым сердцем,
Суровые в борьбе,
С душою безмятежной
Приходим мы к тебе!
Иной неверно клялся,
Иной бежал, как тать,
Ты знаешь наши сроки —
Дай сил нам умирать!

А тем, кто с нами разом
Зовёт богов иных,
Слепой и темный разум
Прости за веру их!
Мы к ним пришли, как к братьям
Позвали в страшный час,
Их не рази проклятьем,
Их грех лежит на нас!

От гордости и мести,
От низкого пути,
От бегства с поля чести
Незримо защити.
Да будет недостойным
Покровом благодать,
Без гнева и спокойно
Дай смерть Твою принять!

Мария, будь опорой,
Защитой без конца
Душе, что встанет скоро
Перед лицом Творца.
Мы все среди мучений
От женщин родились —
За верного в сраженье,
Мадонна, заступись!

Нас поведут к победам,
Мы смерть несем врагам,
Как помогал Ты дедам,
Так помоги и нам.
Великий и чудесный,
И светлый в смертный час,
Йегова, Гром небесный,
Бог Сеч, услыши нас!

Перевод А. Оношкович-Яцына

RECESSIONAL

God of our fathers, known of old,
Lord of our far-flung battle-line,
Beneath whose awful Hand we hold
Dominion over palm and pine —
Lord God of Hosts, be with us yet,
Lest we forget — lest we forget!

The tumult and the shouting dies;
The Captains and the Kings depart:
Still stands Thine ancient sacrifice,
An humble and a contrite heart.
Lord God of Hosts, be with us yet,
Lest we forget — lest we forget!

Far-called, our navies melt away;
On dune and headland sinks the fire:
Lo, all our pomp of yesterday
Is one with Nineveh and Tyre!
Judge of the Nations, spare us yet,
Lest we forget — lest we forget!

If, drunk with sight of power, we loose
Wild tongues that have not Thee in awe,
Such boastings as the Gentiles use,
Or lesser breeds without the Law —
Lord God of Hosts, be with us yet,
Lest we forget — lest we forget!

For heathen heart that puts her trust
 In reeking tube and iron shard,
All valiant dust that builds on dust,
 And guarding, calls not Thee to guard,
For frantic boast and foolish word —
 Thy mercy on Thy People, Lord!

ОТПУСТИТЕЛЬНАЯ МОЛИТВА

Бог праотцев, преславный встарь,
Господь, водивший нас войной,
Судивший нам — наш вышний Царь!
Царить над пальмой и сосной,
Бог Сил! Нас не покинь! — внемли,
Дабы забыть мы не смогли!

Вражде и смуте есть конец,
Вожди уходят и князья:
Лишь сокрушение сердец —
Вот жертва вечная твоя!
Бог Сил! Нас не покинь! — внемли,
Дабы забыть мы не смогли!

Тускнеют наши маяки,
И гибнет флот, сжимавший мир...
Дни нашей славы далеки,
Как Ниневия или Тир.
Бог Сил! Помилуй нас! — внемли,
Дабы забыть мы не смогли!

Коль, мощью призрачной хмельны,
Собой хвалиться станем мы,
Как варварских племен сыны,
Как многобожцы, чада тьмы,
Бог Сил! Нас не покинь! — внемли,
Дабы забыть мы не смогли!

За то, что лишь болванки чтим,
Лишь к дымным жерлам знаем страх
И, не припав к стопам Твоим,
На прахе строим, сами прах,
За похвальбу дурацких од,
Господь, прости же Свой народ!

Перевод О. Юрьева

THE HYÆNAS

After the burial-parties leave
And the baffled kites have fled;
The wise hyænas come out at eve
To take account of our dead.

How he died and why he died
Troubles them not a whit.
They snout the bushes and stones aside
And dig till they come to it.

They are only resolute they shall eat
That they and their mates may thrive,
And they know that the dead are safer meat
Than the weakest thing alive.

(For a goat may butt, and a worm may sting,
And a child will sometimes stand;
But a poor dead soldier of the King
Can never lift a hand.)

They whoop and halloo and scatter the dirt
Until their tushes white
Take good hold of the Army shirt,
And tug the corpse to light,

And the pitiful face is shewn again
For an instant ere they close;
But it is not discovered to living men —
Only to God and to those

Who, being soulless, are free from shame,
Whatever meat they may find.
Nor do they defile the dead man's name —
That is reserved for his kind.

ГИЕНЫ

Поживы стервятники ждали зря —
Могильщики дело знают,
И только гиены, как писаря,
Потери наши считают.

Убит штыком или пулей в висок —
Им нет никакого дела:
Отвалют камни и роют песок,
Пока не дойдут до тела.

Гиенам лишь бы чего пожрать,
Но знают они прекрасно —
Свежего мяса без бою не взять,
А с падалью безопасно.

(Боднет антилопа, ужалит змея —
Им даже дитя не по силам!
А эти в мундирах солдат Короля
Покорно лежат по могилам.)

Гиены возятся, остервенясь —
Роют песок упрямо,
Пока, в гимнастерку зубами вцепясь,
Не вытащат труп из ямы.

И снова мир посетит солдат —
На этот раз на мгновенье:
Живые в лицо ему не глядят —
Лишь Бог да морда гиеня.

И станут солдата на части рвать —
Их совесть мучить не будет;
Но памяти мертвых им не запятнать —
Такое могут лишь люди.

Перевод С. Степанова

«FOR ALL WE HAVE AND ARE»

For all we have and are,
For all our children's fate,
Stand up and take the war.
The Hun is at the gate!
Our world has passed away,
In wantonness o'erthrown.
There is nothing left to-day
But steel and fire and stone!
 Though all we knew depart,
 The old Commandments stand: —
 «In courage keep your heart,
 In strength lift up your hand »

Once more we hear the word
That sickened earth of old: —
«No law except the Sword
Unsheathed and uncontrolled.»
Once more it knits mankind,
Once more the nations go
To meet and break and bind
A crazed and driven foe.

Comfort, content, delight,
The ages' slow-bought gain,
They shrivelled in a night.
Only ourselves remain
To face the naked days
In silent fortitude,
Through perils and dismays
Renewed and re-renewed.

Though all we made depart,
The old Commandments stand: —
«In patience keep your heart,
In strength lift up your hand.»

No easy hope or lies
Shall bring us to our goal,
But iron sacrifice
Of body, will, and soul,
There is but one task for all —
One life for each to give.
What stands if Freedom fall?
Who dies if England live?

ЗА ВСЕ, ЧТО МЫ С ТОБОЙ

За все, что мы с тобой
И что с детьми случится,
Вставай! Иди на бой!
В ворота Гунн стучится!
Наш мир давно угас,
Но не расстался с нами!
И все, что есть у нас —
Лишь камень, сталь и пламя!
 Все, что ты знал — забудь!
 Но заповедь храни:
 «В бою мужчиной будь!
 Меча не урони!»

Опять провозглашен
Девиз, что был отринут:
«Меч сам себе закон,
Коль он из ножен вынут!»
Все силы мир напруг,
Опять готов он к бою,
Чтоб выметен был враг
Железною метлою.
И за ночь наш покой
И все, что век ковалось,
Исчезли! Мы с тобой —
Вот все, что здесь осталось,
Чтоб в этот черный час
Плечо к плечу мы встали
И, как в последний раз,
Стояли крепче стали!

Все, что имел — забудь!
Но заповедь храни:
«Терпи! Мужчиной будь!
Меча не урони!»

Нас ложь не упасет —
Ведь нам на самом деле
Придется класть живот
Во имя главной цели.
Но чтобы каждый знал,
Что дело не пропало —
И что никто не пал,
Коль Англия не пала!

Перевод С. Степанова

GETHSEMANE

The Garden called Gethsemane
 In Picardy it was,
And there the people came to see
 The English soldiers pass.
We used to pass — we used to pass
 Or halt, as it might be,
And ship our masks in case of gas

The Garden called Gethsemane,
 It held a pretty lass,
But all the time she talked to me
 I prayed my cup might pass.
The officer sat on the chair,
 The men lay on the grass,
And all the time we halted there
 I prayed my cup might pass.

It didn't pass — it didn't pass —
 It didn't pass from me.
I drank it when we met the gas
 Beyond Gethsemane!

ГЕФСИМАНСКИЙ САД

Была как Гефсиманский сад
 Пика́рдия для нас.
И провожал нас каждый взгляд
 На гибель каждый час.
На гибель нас, на гибель нас —
 Хоть каждый выжить рад.
И заползал под маски газ
 Там, где кончался сад.

Светился Гефсиманский сад
 Сияньем женских глаз.
Но чаша близилась для нас —
 И меркнул женский взгляд.
Да минет нас, да минет нас
 Она на этот раз.
Помилуй, Боже, упаси —
 И мимо пронеси.

Он не пронес, он не упас,
 Не спас любимых чад!
Был в чаше смертоносный газ
 Там, где кончался сад.

Перевод В. Топорова

EPITAPHS OF THE WAR

«EQUALITY OF SACRIFICE»

A. «I was a Have.» B. «I was a 'have-not.'»
(Together.) «What hast thou given which I gave not?»

A SERVANT

We were together since the War began.
He was my servant — and the better man.

A SON

My son was killed while laughing at some jest. I would I knew
What it was, and it might serve me in a time when jests are few.

AN ONLY SON

I have slain none except my Mother. She
(Blessing her slayer) died of grief for me.

EX-CLERK

Pity not! The Army gave
Freedom to a timid slave:
In which Freedom did he find
Strength of body, will, and mind:

By which strength he came to prove
Mirth, Companionship, and Love:
For which Love to Death he went:
In which Death he lies content.

THE WONDER

Body and Spirit I surrendered whole
To harsh Instructors — and received a soul...
If mortal man could change me through and through
From all I was — what may The God not do?

HINDU SEPOY IN FRANCE

This man in his own country prayed we know not to what Powers.
We pray Them to reward him for his bravery in ours.

THE COWARD

I could not look on Death, which being known,
Men led me to him, blindfold and alone.

SHOCK

My name, my speech, my self I had forgot.
My wife and children came — I knew them not.
I died. My Mother followed. At her call
And on her bosom I remembered all.

A GRAVE NEAR CAIRO

Gods of the Nile, should this stout fellow here
Get out — get out! He knows not shame nor fear.

PELICANS IN THE WILDERNESS

(A grave near Halfa)

The blown sand heaps on me, that none may learn
 Where I am laid for whom my children grieve...
O wings that beat at dawning, ye return
 Out of the desert to your young at eve!

TWO CANADIAN MEMORIALS

I

We giving all gained all.
 Neither lament us nor praise.
Only in all things recall,
 It is Fear, not Death that slays.

II

From little towns in a far land we came,
 To save our honour and a world aflame.
By little towns in a far land we sleep;
 And trust that world we won for you to keep.

THE FAVOUR

Death favoured me from the first, well knowing I could not endure
To wait on him day by day. He quitted my betters and came
Whistling over the fields, and, when he had made all sure,
«Thy line is at end», he said, «but at least I have saved its name.»

THE BEGINNER

On the first hour of my first day
 In the front trench I fell.
(Children in boxes at a play
 Stand up to watch it well.)

R. A. F. (AGED EIGHTEEN)

Laughing through clouds, his milk-teeth still unshed,
 Cities and men he smote from overhead.
His deaths delivered, he returned to play
 Childlike, with childish things now put away.

THE REFINED MAN

I was of delicate mind. I stepped aside for my needs,
 Disdaining the common office. I was seen from afar and killed. ...
How is this matter for mirth? Let each man be judged by his deeds.
 I have paid my price to live with myself on the terms that I willed.

NATIVE WATER-CARRIER (M. E. F.)

Prometheus brought down fire to men.

 This brought up water.

The Gods are jealous — now, as then,

 Giving no quarter.

BOMBED IN LONDON

On land and sea I strove with anxious care

To escape conscription. It was in the air!

THE SLEEPY SENTINEL

Faithless the watch that I kept: now I have none to keep.

I was slain because I slept: now I am slain I sleep.

Let no man reproach me again, whatever watch is unkept —

I sleep because I am slain. They slew me because I slept.

BATTERIES OUT OF AMMUNITION

If any mourn us in the workshop, say

We died because the shift kept holiday.

COMMON FORM

If any question why we died,

Tell them, because our fathers lied.

A DEAD STATESMAN

I could not dig: I dared not rob:
Therefore I lied to please the mob.
Now all my lies are proved untrue
And I must face the men I slew.
What tale shall serve me here among
Mine angry and defrauded young?

THE REBEL

If I had clamoured at Thy Gate
For gift of Life on Earth,
And, thrusting through the souls that wait,
Flung headlong into birth —
Even then, even then, for gin and snare
About my pathway spread,
Lord, I had mocked Thy thoughtful care
Before I joined the Dead!
But now? ... I was beneath Thy Hand
Ere yet the Planets came.
And now — though Planets pass, I stand
The witness to Thy shame!

THE OBEDIENT

Daily, though no ears attended,
Did my prayers arise.
Daily, though no fire descended,
Did I sacrifice.
Though my darkness did not lift,
Though I faced no lighter odds,
Though the Gods bestowed no gift,

None the less,
None the less, I served the Gods!

A DRIFTER OFF TARENTUM

He from the wind-bitten North with ship and companions descended,
Searching for eggs of death spawned by invisible hulls.
Many he found and drew forth. Of a sudden the fishery ended
In Hame and a clamorous breath known to the eye-pecking gulls.

DESTROYERS IN COLLISION

For Fog and Fate no charm is found
To lighten or amend.
I, hurrying to my bride, was drowned —
Cut down by my best friend.

CONVOY ESCORT

I was a shepherd to fools
Causelessly bold or afraid.
They would not abide by my rules.
Yet they escaped. For I stayed.

UNKNOWN FEMALE CORPSE

Headless, lacking foot and hand,
Horrible I come to land.
I beseech all women's sons
Know I was a mother once.

RAPED AND REVENGED

One used and butchered me: another spied
Me broken — for which thing an hundred died.
So it was learned among the heathen hosts
How much a freeborn woman's favour costs.

SALONIKAN GRAVE

I have watched a thousand days
Push out and crawl into night
Slowly as tortoises.
Now I, too, follow these.
It is fever, and not the fight —
Time, not battle, — that slays.

THE BRIDEGROOM

Call me not false, beloved,
 If, from thy scarce-known breast
So little time removed,
 In other arms I rest.

For this more ancient bride,
 Whom coldly I embrace,
Was constant at my side
 Before I saw thy face.

Our marriage, often set —

By miracle delayed —
At last is consummate,
And cannot be unmade.

Live, then, whom Life shall cure,
Almost, of Memory,
And leave us to endure
Its immortality.

V. A. D. (MEDITERRANEAN)

Ar, would swift ships had never been, for then we ne'er had found,
These harsh Ægean rocks between, this little virgin drowned,
Whom neither spouse nor child shall mourn, but men she
nursed through pain
And — certain keels for whose return the heathen look in vain.

ACTORS

On a Memorial Tablet in Holy Trinity Church,
Stratford-on-Avon

We counterfeited once for your disport
Men's joy and sorrow: but our day has passed.
We pray you pardon all where we fell short —
Seeing we were your servants to this last.

JOURNALISTS

On a Panel in the Hall of the Institute of Journalists

We have served our day.

ВОЕННЫЕ ЭПИТАФИИ

1. НА АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА ПОРОВНУ

А: Был толстосум я. Б: Я — из бедноты.

Оба: Чего не отдал я, что отдал ты?

2. ДЕНЩИК

День изо дня служил мне этот малый,
А надо бы наоборот, пожалуй.

3. СЫН

Мой сын убит, когда смеялся шутке. Ну так —
Над чем же? Пошучу, коль будет не до шуток.

4. ЕДИНСТВЕННЫЙ СЫН

Убить врага мне было не под силу —
Лишь мать свою, погибнув, свел в могилу.

5. БЫВШИЙ КЛЕРК

Неча плакать! Все дала
Армия ему по сути:
В чин его произвела —
И конец душевной смуте!

Королю он присягнул,
В дружбе и любви был волен:
Смерти в лапы он шагнул,
Пал — и в общем-то доволен.

6. ЧУДО

Взамен души и тела, сильным духом
Обязан я тычкам и оплеухам.
И если так меня капрал уделал,
То мощи Бога, верно, нет предела.

7. СИПАЙ ВО ФРАНЦИИ

Те Силы, что в родном краю он мог молить и славить,
Героя в нашей стороне мы молим не оставить.

8. ТРУС

На смерть всегда смотрел с большой опаской —
Меня к ней отвели тогда с повязкой.

9. ШОК

Забыл я имя, речь и все на свете.
Пришла жена. Я — ноль эмоций. Дети...
И умер я. За мною следом мать.
У ног ее я вспомнил все опять.

10. МОГИЛА БЛИЗ КАИРА

Верните парня вы, о боги Нила!
Его души и пуля не склонила!

11. ПЕЛИКАНЫ В ПУСТЫНЕ

(Могила близ Хайфы)

Просоленный песок меня накрыл —
И дети не отыщут место это.
Лишь на закате трепет белых крыл
К птенцам дойдет, поднявшийся с рассвета.

12. ДВА КАНАДЦА

I

Лежу не внакладе я всяко —
Тревожить не стоит мой прах.
Товарищ, запомни, однако —
Не смерть убивает, а страх.

II

Из городишек далекой страны мы пришли
Спасти нашу честь и народы этой земли.
Близ городишек далекой страны мы лежим
И надеемся — мир, оплаченный кровью, вами храним.

13. ЛЮБИМЧИК

Смерть, ведая о том, сколь тяжко ожиданье,
 Не стала для меня откладывать свиданье —
Со свистом изрекла, тряся костями своими:
 «Я оборву твой род — зато оставлю имя».

14. НОВОБРАНЕЦ

В окопе в первой из атак
 Узнал я жизни цену.
(Встают в театре дети так,
 Когда не видно сцену.)

15. ЛЕТЧИК

Восемнадцать лет

Его улыбка детская витала
 Над черными руинами квартала.
Ребенку нынче не до бомб и пушек —
 Но больше нет сожженных им игрушек.

16. ЭСТЕТ

Из строя вышел помочиться на опушку —
 И прямо снайперу на мушку.
Смешно? Я поплатился? Ну и что же?!
 Мне принципы дороже!

17. ТУЗЕМЕЦ-ВОДОНОС

Средний Восток

Нес Прометей огонь с Небес,
А этот нес нам воду.
К титану был жесток Зевés,
А Бог — к людскому роду.

18. ПОГИБШИЙ ПРИ БОМБЕЖКЕ ЛОНДОНА

Побегал от повестки я немало,
Но с воздуха она меня достала.

19. УСНУВШИЙ НА ПОСТУ

Как мог, я охранял какой-то склад закрытый.
Убит я, так как спал — и сплю теперь убитый.
Никто не укорит, что плохо я стоял:
Я сплю, так как убит. Убит, поскольку спал.

20. БАТАРЕЯ БЕЗ СНАРЯДОВ

Быть может, нас в цеху оплачет кто-то
Из тех, кто знает: выходной — суббота.

21. ВЗЫСКУЮЩИМ ПРИЧИН НАШЕЙ ГИБЕЛИ

В ответ взыскующим скажи:
«Благодаря отцовской лжи!»

22. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРУП

Я ни на труд, ни на грабеж —
Я был способен лишь на ложь.
Теперь все выплыло на свет
За жертвы мне держать ответ.
Но что солгу на этот раз
Под гневным взглядом мертвых глаз?

23. ВОЗРОПТАВШИЙ

Когда я у Твоих Ворот
Возжаждал воплощенья
И первым среди тех, кто ждет,
Добился разрешенья,
Уже тогда я знал: мой путь
Тенетам отдан скрытым.
Не верил я Тебе ничуть,
Пред тем, как быть убитым!
Меня вела Твоя Рука
Среди силков и петель —
Но Твоего я на века
Стыда теперь свидетель!

24. БЛАГОЧЕСТИВЫЙ

Твердо, хоть мне не внимали,
Молитвы я возносил.
Твердо, хоть их не принимали,
Жертвы я приносил.
Хоть и не подняла Тьма своего покрывала,
И не удостоен я знаменья,
Хоть Небо мне Дара и не ниспослало,

Несмотря, несмотря ни на что,
Тверд в вере, как камень, я!

25. МИННЫЙ ТРАЛЬЩИК

Таранто

Тащил он с севера трал. Команда — десять голов.
Смерти икру собирал, выметанную в нóчи.
Много ее натаскал. Закончился этот лов
Взрывом у черных скал и чайкой, клюющей очи.

26. СТОЛКНОВЕНИЕ ЭСМИНЦЕВ

Когда сошлись в едином месте
Туман с Судьбою вдруг,
Меня, спешившего к невесте,
На дно отправил друг.

27. КОМАНДИР МОРСКОГО КОНВОЯ

Всё норовили поперек —
Я их, как стадо, пас!
Баранов-то я уберег —
А вот себя не спас.

28. НЕОПОЗНАННЫЙ ТРУП ЖЕНЩИНЫ

Без головы, без рук, без ног
Усну теперь в могиле.
Ты смотришь с ужасом, сынок?
Поверь, меня любили.

29. ИЗНАСИЛОВАННАЯ ТУЗЕМНЫМ НАЕМНИКОМ

Один меня убил, другой смотрел —
И подвели полроты под расстрел.
Пусть думают, скоты — была ли сходной
Цена любви у женщины свободной.

30. МОГИЛА В САЛОННИКАХ

Тысячу суток в темени
Все проглядел глаза я.
Нес я вахту свою,
Черепашкою выползая.
От простуды я, не в бою,
Пал не от пули — от времени.

31. ЖЕНИХ

Я чист перед тобою —
Изменой не зови
То, что делю с другою
Объятия любви.

Хоть нет ее древнее,
И смотрит холоднó,
Но что поделать — с нею
Я обручён давно.

И рад я избежать бы —
И чудом избегал!

Но нынче нашей свадьбы
Последний срок настал.

Да будет жизнь живою
И память коротка —
Оставьте нас в покое
На вечные века.

32. СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

Средиземное море

Когда б не эти корабли, когда б не этот флот,
Мы век бы деву не нашли среди Эгейских вод.
И не семья о ней скорбит, но те, с кем боль делила,
Да пара клёпанных корыт, для коих дно — могила.

33. ФРОНТОВЫЕ АКТЕРЫ

На мемориальной доске
в здании Церкви Святой Троицы,
Стратфорд-на-Эйвоне

Мы, как умели, забавляли вас,
Героев представляя и злодеев —
И хоть мы пьесу комкали подчас,
Не поминайте лихом лицедеев.

34. ЖУРНАЛИСТЫ

На стене в Зале Заседаний Союза Журналистов

Свой век мы служили своему веку.

Перевод С. Степанова

THE PRESS

The Soldier may forget his Sword,
The Sailor the Sea,
The Mason may forget the Word
And the Priest his Litany.
The Maid may forget both jewel and gem,
And the Bride her wedding-dress —
But the Jew shall forget Jerusalem
Ere we forget the Press!

Who once hath stood through the loaded hour
Ere, roaring like the gale,
The Harrild and the Hoe devour
Their league-long paper-bale,
And has lit his pipe in the morning calm
That follows the midnight stress —
He hath sold his heart to the old Black Art
We call the daily Press.

Who once hath dealt in the widest game
That all of a man can play,
No later love, no larger fame
Will lure him long away.
As the war-horse snuffeth the battle afar,
The entered Soul, no less,
He saith: «Ha! Ha!» where the trumpets are
And the thunders of the Press!

Canst thou number the days that we fulfil,
Or the *Times* that we bring forth?
Canst thou send the lightnings to do thy will,
And cause them reign on earth?
Hast thou given a peacock goodly wings,
To please his foolishness?
Sit down at the heart of men and things,
Companion of the Press!

The Pope may launch his Interdict,
The Union its decree,
But the bubble is blown and the bubble is pricked
By Us and such as We.
Remember the battle and stand aside
While Thrones and Powers confess
That King over all the children of pride
Is the Press — the Press — the Press!

ГАЗЕТА

Моряк забудет моря соль,
Солдат забудет битву,
Масон забудет свой пароль,
Монах — свою молитву.
Влюбленный — о том, что он любим,
Красотка — о новом браслете,
Еврей забудет Иерусалим
Прежде, чем мы — о газете!

Если ты дождался хотя бы раз,
Пока, грохоча, как слон,
Не начнет машина в полночный час
За рулоном глотать рулон;
Если ты пережил запарки кошмар,
Затянулся с утра сигаретой,
Значит за гонорар продал душу и дар
Тому, что зовется газетой.

Если этот азарт вошел тебе в кровь
(Да и кто не склонен к нему?),
Ни страсть, ни честь, ни власть, ни любовь
Теперь тебе ни к чему.
Как конь боевой, почуявший бой,
Душа пропащая эта
Воспрянет, едва ежедневной трубой
Ее позовет газета!

Для «Таймс» ты писал про Вест и про Ост,
Ей жизни отдал половину:
Твоим пером украшен хвост
Спесивого павлина;
Чтоб поддержать ее тираж,
Ты колесил по свету,
Ведь сердце мира — метранпаж,
Верстающий газету!

Указами грозят цари,
Проклятьем — преподобные,
Мы — выдуваем пузыри!
И мы и нам подобные!
Спокойно стой над схваткой ты —
Признала вся планета,
Что правит миром суеты
Газета — газета — газета!

Перевод В. Дымшица

THE BALLAD OF EAST AND WEST

*Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet,
Till Earth and Sky stand presently at God's great Judgment Seat;
But there is neither East nor West, Border, nor Breed, nor Birth,
When two strong men stand face to face, though they come
from the ends of the earth!*

Kamal is out with twenty men to raise the Border-side,
And he has lifted the Colonel's mare that is the Colonel's pride.
He has lifted her out of the stable-door between the dawn and the day,
And turned the calkins upon her feet, and ridden her far away.
Then up and spoke the Colonel's son that led a troop of the Guides:
«Is there never a man off all my men can say where Kamal hides?»
Then up and spoke Mohammed Khan, the son of the Ressaldar:
«If ye know the track of the morning-mist, ye know where his pickets are.
«At dusk he harries the Abazai — at dawn he is in to Bonair,
«But he must go by Fort Bukloh to his own place to fare.
«So if ye gallop to Fort Bukloh as fast as a bird can fly,
«By the favour of God ye may cut him off ere he win to the Tongue of Jagai.
«But if he be past the Tongue of Jagai, right swiftly turn ye then,
«For the length and the breadth of that grisly plain is sown
with Kamal's men.
«There is rock to the left, and rock to the right, and low
lean thorn between,
«And ye may hear a breech-bolt snick where never a man is seen.»
The Colonel's son has taken horse, and a raw rough dun was he,
With the mouth of a bell and the heart of Hell and the
head of a gallows-tree.
The Colonel's son to the Fort has won, they bid him stay to eat
Who rides at the tail of a Border thief, he sits not long at his meat.
He's up and away from Fort Bukloh as fast as he can fly,

Kamal has gripped him by the hand and set him upon his feet.
«No talk shall be of dogs», said he, «when wolf and grey wolf meet.
«May I eat dirt if thou hast hurt of me in deed or breath;
«What dam of lances brought thee forth to jest at the dawn with Death?»
Lightly answered the Colonel's son: «I hold by the blood of my clan:
«Take up the mare for my father's gift — by God, she has carried a man!»
The red mare ran to the Colonel's son, and nuzzled against his breast;
«We be two strong men», said Kamal then, «but she loveth
the younger best.
«So she shall go with a lifter's dower, my turquoise-studded rein,
«My 'broidered saddle and saddle-cloth, and silver stirrups twain.»
The Colonel's son a pistol drew, and held it muzzle-end,
«Ye have taken the one from a foe», said he. «Will ye take
the mate from a friend?»
«A gift for a gift», said Kamal straight; «a limb for the risk of a limb.
«Thy father has sent his son to me, I'll send my son to him!»
With that he whistled his only son, that dropped from a mountain-crest —
He trod the ling like a buck in spring, and he looked like a lance in rest.
«Now here is thy master», Kamal said, «who leads a troop of the Guides,
«And thou must ride at his left side as shield on shoulder rides.
«Till Death or I cut loose the tie, at camp and board and bed,
«Thy life is his — thy fate it is to guard him with thy head.
«So, thou must eat the White Queen's meat, and all her foes are thine,
«And thou must harry thy father's hold for the peace of the Border-line.
«And thou must make a trooper tough and hack thy way to power —
«Belike they will raise thee to Ressaldar when I am hanged in Peshawur!»
They have looked each other between the eyes, and there
they found no fault.
They have taken the Oath of the Brother-in-Blood on
leavened bread and salt:
They have taken the Oath of the Brother-in-Blood on fire
and fresh-cut sod,
On the hilt and the haft of the Khyber knife, and the
Wondrous Names of God.
The Colonel's son he rides the mare and Kamal's boy the dun,
And two have come back to Fort Bukloh where there went forth but one.
And when they drew to the Quarter-Guard, full twenty
swords flew clear —

There was not a man but carried his feud with the blood
of the mountaineer.
«Ha' done! ha' done!», said the Colonel's son. «Put up the
steel at your sides!
«Last night ye had struck at a Border thief — to-night
'tis a man of the Guides!»

*Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet,
Till Earth and Sky stand presently at God's great Judgment Seat;
But there is neither East nor West, Border, nor Breed, nor Birth,
When two strong men stand, face to face, though they come
from the ends of the earth!*

БАЛЛАДА О ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ

*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанут Небо с Землей на Страшный Господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет; что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?*

Камал бежал с двадцатью людьми на границу мятежных племен,
И кобылу полковника, гордость его, угнал у полковника он.
Из самой конюшни ее он угнал на исходе ночных часов,
Шипы на подковах у ней повернул, вскочил и был таков.
Но вышел и молвил полковничий сын, что разведчиков водит отряд:
«Неужели никто из моих молодцов не укажет, где конокрад?»
И Мохаммед Хан, Рисальдара сын, вышел вперед и сказал:
«Кто знает ночного тумана путь, знает его привал.
Проскачет он в сумерки Абазай, в Бонаире он встретит рассвет
И должен проехать близ форта Букло́, другого пути ему нет.
И если помчишься ты в форт Букло летящей птицы быстрее,
То с помощью Божьей нагонишь его до входа в ущелье Джагей.
Но если он ми́нул ущелье Джагей, скорей поверни назад:
Опасна там каждая пядь земли, там люди Камала кишат.
Там справа скала и слева скала, терновник и груды песка...
Услышишь, как щелкнет затвор ружья, но нигде не
увидишь стрелка».

И взял полковничий сын коня, вороного коня своего:
Словно колокол рот, ад в груди его бьет, крепче виселиц шея его.
Полковничий сын примчался в форт, там зовут его на обед,
Но кто вора с границы задумал догнать, тому отдыхать не след.
Скорей на коня и от форта прочь, летящей птицы быстрее,
Пока не завидел кобылы отца у входа в ущелье Джагей,
Пока не завидел кобылы отца, и Камал на ней скакал...
И чуть различил ее глаз белок, он взвел курок и нажал.
Он выстрелил раз, и выстрелил два, и свистнула пуля в кусты...
«По-солдатски стреляешь, — Камал сказал, — покажи,
как едешь ты».

Из конца в конец по ущелью Джагей стая демонов пыли взвилась,
Вороной летел как юный олень, но кобыла как серна неслась.
Вороной закусил зубами мундштук, вороной дышал тяжелей,
Но кобыла играла легкой уздой, как красotka перчаткой своей.
Вот справа скала и слева скала, терновник и груды песка...
И трижды щелкнул затвор ружья, но нигде он не видел стрелка.
Юный месяц они прогнали с небес, збрю выстукал стук копыт,
Вороной несется как раненый бык, а кобыла как лань летит.
Вороной споткнулся о груды камней и скатился в горный поток,
А Камал кобылу сдержал свою и наезднику встать помог.
И он вышиб из рук у него пистолет: здесь не место было борьбе.
«Слишком долго, — он крикнул, — ты ехал за мной,

слишком милостив был я к тебе.

Здесь на двадцать миль не сыскать скалы, ты здесь пня

бы найти не сумел,

Где, припав на колени, тебя бы не ждал стрелок с ружьем на прицел.

Если б руку с поводьями поднял я, если б я опустил ее вдруг,

Быстроногих шакалов сегодня в ночь пировал бы веселый круг.

Если б голову я захотел поднять и ее наклонил чуть-чуть,

Этот коршун несытый наелся бы так, что не мог бы

крылом взмахнуть».

Легко ответил полковничий сын: «Добро кормить зверей,

Но ты рассчитай, что стоит обед, прежде чем звать гостей.

И если тысяча сабель придут, чтоб взять мои кости назад,

Пожалуй, цены за шакалий обед не сможет платить конокрад;

Их кони вытопчут хлеб на корню, зерно солдатам пойдет,

Сначала вспыхнет соломенный кров, а после вырежут скот.

Что ж, если тебе нипочем цена, а братьям на жатву спрос —

Шакал и собака отродье одно, — зови же шакалов, пес.

Но если цена для тебя высока — людьми, и зерном, и скотом, —

Верни мне сперва кобылу отца, дорогу мы сыщем потом».

Камал вцепился в него рукой и посмотрел в упор.

«Ни слова о псах, — промолвил он, — здесь волка с волком спор.

Пусть будет тогда мне падаль еда, коль причину тебе вред,

И самую смерть перешутишь ты, тебе преграды нет».

Легко ответил полковничий сын: «Честь рода я храню,

Отец мой дарит кобылу тебе — ездок под стать коню».

Кобыла уткнулась хозяину в грудь и тихо ласкалась к нему.

«Нас двое могучих, — Камал сказал, — но она верна одному...
Так пусть конокрада уносит дар, поводья мои с бирюзой,
И стремя мое в серебре, и седло, и чепрак узорчатый мой».
Полковничий сын схватил пистолет и Камалу подал вдруг:
«Ты отнял один у врага, — он сказал, — вот этот дает
тебе друг».

Камал ответил: «Дар за дар и кровь за кровь возьму,
Отец твой сына за мной послал, я сына отдам ему».
И свистом сыну он подал знак, и вот, как олень со скал,
Сбежал его сын на вереск долин и, стройный, рядом встал.
«Вот твой хозяин, — Камал сказал, — он разведчиков водит отряд.
По правую руку его ты встань и будь ему щит и брат.
Покуда я или смерть твоя не снимем этих уз,
В дому и в бою, как жизнь свою, храни ты с ним союз.
И хлеб королевы ты будешь есть, и помнить, кто ей враг,
И для спокойствия страны ты мой разоришь очаг.
И верным солдатом будешь ты, найдешь дорогу свою,
И, может быть, чин дадут тебе, а мне дадут петлю».
Друг другу в глаза поглядели они, и был им неведом страх,
И братскую клятву они принесли на соли и кислых хлебах,
И братскую клятву они принесли, сделав в дёрне широкий надрез,
На клинке, и на черенке ножа, и на имени бога чудес.
И Камалов мальчик вскочил на коня, взял кобылу полковничий сын,
И двое вернулись в форт Букло́, откуда приехал один.
Но чуть подскакали к казармам они, двадцать
сабель блеснуло в упор,
И каждый был рад обогреть клинок кровью жителя гор...
«Назад, — закричал полковничий сын, — назад и оружие прочь!
Я прошлую ночью за вором гнался, я друга привел в эту ночь».

*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанут Небо с Землей на Страшный Господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет; что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?*

Перевод Е. Полонской

THE GLORY OF THE GARDEN

Our England is a garden that is full of stately views,
Of borders, beds and shrubberies and lawns and avenues,
With statues on the terraces and peacocks strutting by;
But the Glory of the Garden lies in more than meets the eye.

For where the old thick laurels grow, along the thin red wall,
You will find the tool- and potting-sheds which are the heart of all;
The cold-frames and the hot-houses, the dungpits and the tanks,
The rollers, carts and drain-pipes, with the barrows and the planks.

And there you'll see the gardeners, the men and 'prentice boys
Told off to do as they are bid and do it without noise;
For, except when seeds are planted and we shout to scare the birds,
The Glory of the Garden it abideth not in words.

And some can pot begonias and some can bud a rose,
And some are hardly fit to trust with anything that grows;
But they can roll and trim the lawns and sift the sand and loam,
For the Glory of the Garden occupieth all who come.

Our England is a garden, and such gardens are not made
By singing: — «Oh, how beautiful!» and sitting in the shade,
While better men than we go out and start their working lives
At grubbing weeds from gravel-paths with broken dinner knives.

There's not a pair of legs so thin, there's not a head so thick,
There's not a hand so weak and white, nor yet a heart so sick,
But it can find some needful job that's crying to be done,
For the Glory of the Garden glorifieth every one.

Then seek your job with thankfulness and work till further orders,
If it's only netting strawberries or killing slugs on borders;
And when your back stops aching and your hands begin to harden.
You will find yourself a partner in the Glory of the Garden.

Oh, Adam was a gardener, and God who made him sees
That half a proper gardener's work is done upon his knees,
So when your work is finished, you can wash your hands and pray
For the Glory of the Garden, that it may not pass away!
And the Glory of the Garden it shall never pass away!

СЛАВА САДА

Подобна саду Англия — не сыщется милей
Ее цветущих клумб и гряд, газонов и аллей.
Ее павлинов и деревьев, и статуй, и террас,
Но Слава Сада в том, чего отнюдь не видит глаз.

И если дальше отойти — к стене, на самый край,
Для инструментов и горшков увидишь ты сарай.
Теплицы там и парники, и тачки, и носилки,
Дренаж и ряд навозных куч, насосы и косилки.

Увидишь там садовников и их учеников,
Что приучаются к труду, причем без лишних слов,
Без крику — лишь пугая птиц, кричим мы по весне,
А Славе Сада проку нет в досужей болтовне.

Одни рассаду из горшков выносят на гряде,
Других не стоит допускать к столь тонкому труду:
Им лучше стричь, копать, косить, и подсыпать, и мечь —
Работа, кто бы ни пришел, во Славу Сада есть.

Подобна саду Англия — но этакому саду
Не быть, когда бы день-деньской вкушали мы прохладу,
Когда бы те, кто лучше нас, в горячие деньки
С обломками ножей не шли войной на сорняки.

И нет ни слишком чистых рук, ни слишком тонких ног,
Ни слабоватого ума — любой найти бы смог
Себе занятие по душе, работу по плечу —
А Славе Сада дать не жаль от Славы по лучу.

Засучивай же рукава и делай, что велят
Пусть будет то борьба со тлём или прополка гряд.
Когда же стихнет боль в спине и высохнут мозоли,
Тогда во Славе Сада ты достоин будешь доли.

Адама поместил в Эдем садовником Господь —
И на коленках гряды тот не брезговал полоть.
Умойся же и помолись, окончив все дела,
Чтоб Слава Сада твоего немеркнувшей была.
И Славе Сада вечно быть такою, как была!

Перевод С. Степанова

JOBSON'S AMEN

«Blessed be the English and all their ways and works.
Cursed be the Infidels, Hereticks, and Turks!»
«Amen», quo' Jobson, «but where I used to lie
Was neither Candle, Bell nor Book to curse my brethren by,

«But a palm-tree in full bearing, bowing down, bowing down,
To a surf that drove unsparing at the brown, walled town —
Conches in a temple, oil-lamps in a dome —
And a low moon out of Africa said: 'This way home!」»

«Blessed be the English and all that they profess.
Cursed be the Savages that prance in nakedness!»
«Amen», quo' Jobson, «but where I used to lie
Was neither shirt nor pantaloons to catch my brethren by:

«But a well-wheel slowly creaking, going round, going round,
Be a water-channel leaking over drowned, warm ground —
Parrots very busy in the trellised pepper-vine —
And a high sun over Asia shouting: 'Rise and shine!」»

«Blessed be the English and everything they own.
Cursed be the Infidels that bow to wood and stone!»
«Amen», quo' Jobson, «but where I used to lie
Was neither pew nor Gospelleer to save my brethren by:

«But a desert stretched and stricken, left and right, left and right,
Where the piled mirages thicken under white-hot light —
A skull beneath a sand-hill and a viper coiled inside —
And a red wind out of Libya roaring: ‘Run and hide!’»

«Blessed be the English and all they make or do.
Cursed be the Hereticks who doubt that this is true!»
«Amen», quo’ Jobson, «but where I mean to die
Is neither rule nor calliper to judge the matter by:

«But Himalaya heavenward-heading, sheer and vast, sheer and vast,
In a million summits bedding on the last world’s past —
A certain sacred mountain where the scented cedars climb,
And — the feet of my Beloved hurrying back through Time!»

МОЛИТВА ДЖОБСОНА

«Благословим англичан и все их дела и занятия.
Еретикам и неверным да будет навеки проклятье!»
«Аминь, — повторяет Джобсон, — но там, где мой отчий дом,
Ни Библии не было, ни свечей, и песни там о другом:

Наклонились пальмы, стоя над водою, над водою,
К беспокойному прибою под стеною городскою,
В храме масляные лампы только теплятся чуть-чуть,
А над Африкою месяц тихо шепчет: „Вот твой путь!“»

«Благословим англичан и все, что взлелеяно ими.
Прокляты будь дикари, которые пляшут нагими!»
«Аминь, — повторяет Джобсон, — но там, где мой отчий дом,
Ни курток не было, ни панталон, и заботы совсем о другом:

Ворот старого колодца — поворот, поворот,
И вода в каналы льется, и течет, и жизнь несет,
В гуще веток попугаи собирают урожай,
А над Азией вставая, солнце крикнуло: „Вставай!“»

«Благословим англичан и власть их над морем и миром.
Да будет проклятье неверным, припавшим к обманным кумирам!»
«Аминь, — повторяет Джобсон, — но там, где мой отчий дом,
Ни священника не было, ни церквей, и спасенье было в другом:

Вновь раскинулась пустыня, как вчера, как вчера,
Спят миражи в знойной сини, и жара стоит с утра,
Череп бархан хоронит, в их глазницах змеи спят,
А ливийский ветер стонет: „Улепетывай назад!“»

«Благословим англичан и все их благие примеры.
Прокляты еретики, не принявшие истинной веры!»
«Аминь, — повторяет Джобсон, — но там, где мой смертный дом,
Ни Завета нет, ни Закона нет, и дело совсем в другом:

Возлежит на Гималаях свод небес, свод небес,
Не разрушил за века их этот вес, упав на лес,
Кедры ввысь неутомимо на святой горе растут,
Где стопы моей любимой вспять по Времени бегут».

Перевод Н. Голя

SOUTH AFRICA

Lived a woman wonderful,
 (May the Lord amend her!)
Neither simple, kind, nor true,
But her Pagan beauty drew
Christian gentlemen a few
 Hotly to attend her.

*Christian gentlemen a few
 From Berwick unto Dover;
For she was South Africa,
And she was South Africa,
She was Our South Africa,
 Africa all over!*

Half her land was dead with drouth,
 Half was red with battle;
She was fenced with fire and sword,
Plague on pestilence outpoured,
Locusts on the greening sward
 And murrain on the cattle!

*True, ah, true, and overtrue.
 That is why we love her!
For she is South Africa,
And she is South Africa,
She is Our South Africa,
 Africa all over!*

Bitter hard her lovers toiled,
 Scandalous their payment, —
Food forgot on trains derailed;
Cattle-dung where fuel failed;
Water where the mules had staled;
 And sackcloth for their raiment!

So she filled their mouths with dust
 And their bones with fever;
Greeted them with cruel lies;
Treated them despiteful-wise;
Meted them calamities
 Till they vowed to leave her!

They took ship and they took sail,
 Raging, from her borders —
In a little, none the less,
They forgot their sore duress,
They forgave her frowardness
 And returned for orders!

They esteemed her favour more
 Than a Throne's foundation.
For the glory of her face
Bade farewell to breed and race —
Yea, and made their burial-place
 Altar of a Nation!

Wherefore, being bought by blood,
 And by blood restored
To the arms that nearly lost,
She, because of all she cost,
Stands, a very woman, most
 Perfect and adored!

On your feet, and let them know

This is why we love her!

For she is South Africa,

She is Our South Africa,

Is Our Own South Africa,

Africa all over!

ЮЖНАЯ АФРИКА

Что за женщина жила
 (Бог ее помилуй!) —
Не добра и не верна,
Жуткой прелести полна,
Но мужчин влекла она
 Сатанинской силой.

*Да, мужчин влекла она
 Даже от Сент-Джаста,
Ибо Африкой была,
Южной Африкой была,
Нашей Африкой была,
 Африкой — и баста!*

В реках девственных вода
 Напрочь пересохла,
От огня и от меча
Стала почва горяча,
И жирела саранча,
 И скотина дохла.

*Много страсти сберегла
 Для энтузиаста,
Ибо Африкой была,
Южной Африкой была,
Нашей Африкой была,
 Африкой — и баста!*

Хоть любовники ее
 Не бывали робки,
Уделяла за труды
Крохи краденой еды,
Да мочу взамен воды,
 Да кизяк для топки.

Забивала в глотки пыль,
 Чтоб смирнее стали,
Пронимала до кості
Лихорадками в пути,
И клялись они уйти
 Прочь, куда подале.

Отплывали, но опять,
 Как ослы, упрямы,
Под собой рубили сук,
Вновь держали путь на юг,
Возвращались под каблук
 Этой дикой дамы.

Все безумней лик ее
 Чтили год от года —
В упоенье, в забытьи
Отрекались от семьи,
Звали кладбища свои
 Алтарем народа.

Кровью куплена твоей,
 Слаще сна и крова,
Стала больше чем судьбой
И нежней жены любой —
Женщина перед тобой
 В полном смысле слова!

*Встань! Подобная жена
Встретится нечасто —
Южной Африке салют,
Нашей Африке салют,
Нашей собственной салют
Африке — и баста!*

Перевод Е. Витковского

THE SONG OF THE CITIES

BOMBAY

Royal and Dower-royal, I the Queen
Fronting thy richest sea with richer hands —
A thousand mills roar through me where I glean
All races from all lands.

CALCUTTA

Me the Sea-captain loved, the River built,
Wealth sought and Kings adventured life to hold.
Hail, England! I am Asia — Power on silt,
Death in my hands, but Gold!

MADRAS

Clive kissed me on the mouth and eyes and brow,
Wonderful kisses, so that I became
Crowned above Queens — a withered beldame now,
Brooding on ancient fame.

RANGOON

Hail, Mother! Do they call me rich in trade?
Little care I, but hear the shorn priest drone,
And watch my silk-clad lovers, man by maid,
Laugh 'neath my Shwe Dagon.

SINGAPORE

Hail, Mother! East and West must seek my aid
Ere the spent hull may dare the ports afar.
The second doorway of the wide world's trade
Is mine to loose or bar.

HONG-KONG

Hail, Mother! Hold me fast; my Praya sleeps
Under innumerable keels to-day.
Yet guard (and landward), or to-morrow sweeps
Thy warships down the bay!

HALIFAX

Into the mist my guardian prows put forth,
Behind the mist my virgin ramparts lie,
The Warden of the Honour of the North,
Sleepless and veiled am I!

QUEBEC AND MONTREAL

Peace is our portion. Yet a whisper rose,
Foolish and causeless, half in jest, half hate.
Now wake we and remember mighty blows,
And, fearing no man, wait!

VICTORIA

From East to West the circling word has passed,
Till West is East beside our land-locked blue;
From East to West the tested chain holds fast,
The well-forged link rings true!

CAPETOWN

Hail! Snatched and bartered oft from hand to hand,
I dream my dream, by rock and heath and pine,
Of Empire to the northward. Ay, one land
From Lion's Head to Line!

MELBOURNE

Greeting! Nor fear nor favour won us place,
Got between greed of gold and dread of drouth,
Loud-voiced and reckless as the wild tide-race
That whips our harbour-mouth!

SYDNEY

Greeting! My birth-stain have I turned to good;
Forcing strong wills perverse to steadfastness:
The first flush of the tropics in my blood,
And at my feet Success!

BRISBANE

The northern stock beneath the southern skies —
I build a Nation for an Empire's need,
Suffer a little, and my land shall rise,
Queen over lands indeed!

HOBART

Man's love first found me; man's hate made me Hell;
For my babes' sake I cleansed those infamies.
Earnest for leave to live and labour well,
God flung me peace and ease.

AUCKLAND

Last, loneliest, loveliest, exquisite, apart —
 On us, on us the unswerving season smiles,
Who wonder 'mid our fern why men depart
 To seek the Happy Isles!

ПЕСНЬ ГОРОДОВ

БОМБЕЙ

Наследник королей, — моря твои досель
Готов одаривать я щедрыми руками
И перемалывать народы всех земель
Своими жерновами!

КАЛЬКУТТА

Мне капитан был муж. Мне жизнь дала Река.
В бой, чтобы мной владеть, шли короли когда-то.
Я — Азия, я — Власть на троне из песка,
И Смерть в руке моей, и Злато!

МАДРАС

Клайв эту землю — губы-берега
И очи-острова — лобзал, на власть венчая;
Теперь моя земля, как старая карга,
О прошлом грезит, увядая.

РАНГУН

О мать! Кругом шипят: «Торгаш и скряга он!»
А мне плевать! Гляди, как мой монах бормочет
И как стоят вдвоем у храма Шве Дагон
Любовники, и девушка хохочет!

СИНГАПУР

О мать! Передо мной и Запад, и Восток
Склоняются в мольбе, за счастьем уплывая:
Могу открыть врата, могу замкнуть замок —
И сделаю, как пожелаю!

ГОНКОНГ

Мать, береги меня — и берегись меня:
Спит в гавани волна под килем терпеливо,
А завтра вздыбится, бушуя и гоня
Твой флот военный из залива!

ГАЛИФАКС

Через туман плывет дозор сторожевой,
И крепости мои густым туманом скрыты.
Честь Северных Земель за мной, как за стеной,
Всегда глаза мои открыты.

КВЕБЕК И МОНРЕАЛЬ

Мир — наш удел. Но шепотки слышны —
То ль наговор врага, то ль шутка вертопраха;
Мы бодрствуем. Мы помним гул войны.
Мы ждем, не поддаваясь страху.

ВИКТОРИЯ

С Востока к Западу кругами вод морских
Шло Слово; замкнут круг — и Запад стал Востоком,
И натянулась цепь, связующая их
В единстве нежном и жестоком.

КЕЙПТАУН

О мать! Моя земля познала сотни рук,
И грезят в полусне деревья, травы, скалы:
На Север мы идем! Одна страна вокруг,
Единая — от Капа до Кампалы!

МЕЛЬБУРН

Нас создали, о мать, не страх и не успех,
А жадность золота и жажда вековая,
И глотка гавани горланит громче всех,
Приливы дней и волн глотая.

СИДНЕЙ

Свой первородный стыд я обратил в почет,
Тем, кто силен, я дал всевластие в придачу.
Жар юных тропиков в крови моей течет,
Лежит у ног моих удача.

БРИСБЕН

Кует Империи единую семью
Под светом южных звезд здесь северное племя.
Час близок — подниму я голову свою,
Словно владыка, надо всеми!

ХОБАРТ

Меня вела любовь, а злоба в ад свела.
Я смыл с себя позор для процветанья рода.
Благословив на жизнь и добрые дела,
Бог дал мне мир и дал свободу.

ОКЛЕНД

К далеким, сказочным, наипоследним — к нам
Улыбчивые дни спускаются в долины.
Отсюда в долгий путь к Счастливым Островам
Уходят из дому мужчины!

Перевод Н. Голя

ENGLAND'S ANSWER

Truly ye come of The Blood; slower to bless than to ban,
Little used to lie down at the bidding of any man —
Flesh of the flesh that I bred, bone of the bone that I bare;
Stark as your sons shall be — stern as your fathers were.
Deeper than speech our love, stronger than life our tether,
But we do not fall on the neck nor kiss when we come together.
My arm is nothing weak, my strength is not gone by;
Sons, I have borne many sons, but my dugs are not dry.
Look, I have made ye a place and opened wide the doors,
That ye may talk together, your Barons and Councillors —
Wards of the Outer March, Lords of the Lower Seas,
Ay, talk to your grey mother that bore you on her knees! —
That ye may talk together, brother to brother's face —
Thus for the good of your peoples — thus for the Pride of the race.
Also, we will make promise. So long as The Blood endures,
I shall know that your good is mine: ye shall feel that my strength is yours:
In the day of Armageddon, at the last great fight of all,
That Our House stand together and the pillars do not fall.
Draw now the threefold knot firm on the ninefold bands,
And the Law that ye make shall be law after the rule of your lands.
This for waxen Heath, and that for the Wattle-bloom,
This for the Maple-leaf, and that for the Southern Broom.
The Law that ye make shall be law and I do not press my will,
Because ye are Sons of The Blood and call me Mother still.
Now must ye speak to your kinsmen and they must speak to you,
After the use of the English, in straight-flung words and few.
Go to your work and be strong, halting not in your ways,
Baulking the end half-won for an instant dole of praise.
Stand to your work and be wise — certain of sword and pen,
Who are neither children nor Gods, but men in a world of men!

ОТВЕТ АНГЛИИ

Поистине ваша Кровь — Кровь моих сыновей:
В ней — Закон и Запрет, нету Покорства в ней.
Плоть от плоти моей, кость от моей кости —
Дети пошли в отцов, внукам в детей пойти.
Наша связь и любовь крепче, чем жизнь и речь,
На ласки не тратим мы мгновенья коротких встреч.
Та же сила во мне, что и в былые дни,
Для тысяч новых детей набухли сосцы мои.
Я вам построила дом и дверь помогла открыть,
Советников вам дала, чтоб вы могли говорить —
Стражи южных морей, Лорды свободных трасс —
С матерью вашей седой, выпестовавшей вас,
Чтоб могли говорить друг с другом в краях любых
От имени Крови своей во имя братьев своих.
Порукой общая кровь. Знаем и вы, и я:
Ваше благо — мое, ваша сила — моя!
И знайте: нас обойдет грядущий Армагеддон,
Не рухнет наш прочный свод, не хрустнут кости колонн.
Сыромятный ремень стяните тройным узлом,
Прочным, как наш Закон, объединивший дом,
Закон, связавший в одно мильоны умов и душ —
Степь и Кленовый Лист, Ракитник и Южный Буш.
Вас не надо учить, как закон создавать;
Вы, мои сыновья, не предадите мать.
Вам пора разговор теперь начинать с роднёй,
На то вам и дан язык — английский, а не иной.
Ступайте к своим трудам и будьте в пути смелы,
Не торопите побед, не ждите скорой хвалы,
Пусть станет острее меч, пусть станет перо мудрей —
Не дети, не боги вы, но люди в мире людей!

Перевод Н. Голя

THE EXILES' LINE

Now the New Year reviving old desires,
The restless soul to open sea aspires,
 Where the Blue Peter flickers from the fore,
And the grimed stoker feeds the engine-fires.

Coupons, alas, depart with all their rows,
And last year's sea-met loves where Grindlay knows;
 But still the wild wind wakes off Gardafui,
And hearts turn eastward with the P. & O's.

Twelve knots an hour, be they more or less —
Oh, slothful mother of much idleness,
 Whom neither rivals spur nor contracts speed!
Nay, bear us gently! wherefore need we press?

The Tragedy of all our East is laid
On those white decks beneath the awning shade —
 Birth, absence, longing, laughter, love and tears,
And death unmaking ere the land is made.

And midnight madresses of souls distraught
Whom the cool seas call through the open port,
 So that the table lacks one place next morn,
And for one forenoon men forgo their sport.

The shadow of the rigging to and fro
Sways, shifts, and flickers on the spar-deck's snow,
 And like a giant trampling in his chains,
The screw-blades gasp and thunder deep below;

And, leagued to watch one flying-fish's wings,
Heaven stoops to sea, and sea to Heaven clings;
 While, bent upon the ending of his toil,
The hot sun strides, regarding not these things:

For the same wave that meets our stem in spray
Bore Smith of Asia eastward yesterday,
 And Delhi Jones and Brown of Midnapore
To-morrow follow on the self-same way.

Linked in the chain of Empire one by one,
Flushed with long leave, or tanned with many a sun,
 The Exiles' Line brings out the exiles' line,
And ships them homeward when their work is done.

Yea, heedless of the shuttle through the loom,
The flying keels fulfil the web of doom.
 Sorrow or shouting — what is that to them?
Make out the cheque that pays for cabin-room!

And how so many score of times ye flit
With wife and babe and caravan of kit,
 Not all thy travels past shall lower one fare,
Not all thy tears abate one pound of it.

And how so high thine earth-born dignity,
Honour and state, go sink it in the sea,
 Till that great one upon the quarter-deck,
Brow-bound with gold, shall give thee leave to be.

Indeed, indeed from that same line we swear
Off for all time, and mean it when we swear;
 And then, and then we meet the Quartered Flag,
And, surely for the last time, pay the fare.

And Green of Kensington, estrayed to view
In three short months the world he never knew,
 Stares with blind eyes upon the Quartered Flag
And sees no more than yellow, red and blue.

But we, the gipsies of the East, but we —
Waifs of the land and wastrels of the sea —
 Come nearer home beneath the Quartered Flag
Than ever home shall come to such as we.

The camp is struck, the bungalow decays,
Dead friends and houses desert mark our ways,
 Till sickness send us down to Prince's Dock
To meet the changeless use of many days.

Bound in the wheel of Empire, one by one,
The chain-gangs of the East from sire to son,
 The Exiles' Line takes out the exiles' line
And ships them homeward when their work is done.

How runs the old indictment? «Dear and slow»,
So much and twice so much. We gird, but go.
 For all the soul of our sad East is there,
Beneath the house-flag of the P. & O.

ПУТЕМ ИЗГНАННИКОВ

Под Новый год вскипает старый жар —
Ты чувствуешь толчок, пинок, удар,
 И — снова в путь, и вьется Синий Питер,
И сытно топку кормит кочегар.

Любовь иссякла, сгнула давно.
Куда б она ни делась, все одно:
 Путь на Восток укажет сердцу ветер
И наше Пароходство — Р. & О.

Куда спешить? По чайной ложке в час —
Пусть ход и малый, но для нас — как раз.
 Мы светлый праздник праздности встречаем
И ради Бога, не тревожьте нас!

Здесь, под навесом, поднятым, как щит,
Боль нашего Востока возлежит:
 Рожденье, смех, любовь, тоска и слезы,
И смерть, которой все принадлежит.

Здесь и безумье тех, кто в полночь зван
Однажды был в прохладный океан —
 И утром за столом пустует место,
И зря стоят тарелка и стакан.

Сплетая тени в смутный лабиринт,
Раскачивает снасти фордевинд,
 И словно великан, влачащий цепи,
Внизу, ворча, ворочается винт.

Чтоб рыб летучих разглядеть полет,
Друг к другу льнут вода и небосвод,
И солнце, устремленное к закату,
Само не замечает, как ползет.

Приподнят над волнами наш бушприт.
Вчера на них глядел делийский Смит,
А завтра Джонсу из Ахмадабада
Их повстречать, быть может, предстоит.

Разлуки — здесь, свидания — вдали,
Как звенья в цепь Империи легли.
Изгнанников, ушедших в путь изгнанья,
Вернут обратно те же корабли —

Когда мы труд окончим. А пока
Наш киль скользит подобьем челнока
По нитям волн; и нам ли, ткущим саван,
Ворчать, что плата слишком высока?

Переезжай хоть сотню раз подряд
С женой, хозяйством, выводком ребят —
Все это не дает ни йоты льготы,
Все пени даже пенни не скостят!

Чины и деньги не спасут — отнюдь!
Уж лучше им пропасть и утонуть:
Ты жизнь свою вручаешь капитану,
Как только избираешь этот путь!

Мы поумнеть клянемся наперед
И верим клятве, верим, что спасет,
 Но встретив алый крест на белом фоне,
Вновь делаем как раз наоборот.

Вот некий Грин. И что ж влекло его
В поездку? — Суета и баловство.
 Грин видит алый крест на белом фоне —
А больше он не видит ничего!

Но мы — Востоком созданный народ,
Гуляки суши и бродяги вод:
 Нас этот алый крест на белом фоне
Подводит к дому — и не подведет!

Самой судьбой начертана стезя:
Разрушен кров и умерли друзья,
 А впереди — болезнь и богадельня,
Где дни проходят, медленно скользя.

Раскручены имперским колесом,
Кандалники Востока, мы несем
 Свой крест изгнанья по пути изгнанья,
Чтоб, кончив труд, опять вернуться в дом.

Терпи: терпенье мудрости равно.
Так, только так, иного не дано.
 Мы вместе с болью нашего Востока —
Под флагом Пароходства P. & O!

Перевод Н. Голя

SUSSEX

God gave all men all earth to love,
 But, since our hearts are small,
Ordained for each one spot should prove
 Beloved over all;
That, as He watched Creation's birth,
 So we, in godlike mood,
May of our love create our earth
 And see that it is good.

So one shall Baltic pines content,
 As one some Surrey glade,
Or one the palm-grove's droned lament
 Before Levuka's Trade.
Each to his choice, and I rejoice
 The lot has fallen to me
In a fair ground — in a fair ground —
 Yea, Sussex by the sea!

No tender-hearted garden crowns,
 No bosomed woods adorn
Our blunt, bow-headed, whale-backed Downs,
 But gnarled and writhen thorn —
Bare slopes where chasing shadows skim,
 And, through the gaps revealed,
Belt upon belt, the wooded, dim,
 Blue goodness of the Weald.

Clean of officious fence or hedge,
Half-wild and wholly tame,
The wise turf cloaks the white cliff-edge
As when the Romans came.
What sign of those that fought and died
At shift of sword and sword?
The barrow and the camp abide,
The sunlight and the sward.

Here leaps ashore the full Sou'west
All heavy-winged with brine,
Here lies above the folded crest
The Channel's leaden line;
And here the sea-fogs lap and cling,
And here, each warning each,
The sheep-bells and the ship-bells ring
Along the hidden beach.

We have no waters to delight
Our broad and brookless vales —
Only the dewpond on the height
Unfed, that never fails —
Whereby no tattered herbage tells
Which way the season flies —
Only our close-bit thyme that smells
Like dawn in Paradise.

Here through the strong and shadeless days
The tinkling silence thrills;
Or little, lost, Down churches praise
The Lord, who made the hills:
But here the Old Gods guard their round,
And, in her secret heart,
The heathen kingdom Wilfrid found
Dreams, as she dwells, apart.

Though all the rest were all my share,
 With equal soul I'd see
Her nine-and-thirty sisters fair,
 Yet none more fair than she.
Choose ye your need from Thames to Tweed,
 And I will choose instead
Such lands as lie 'twixt Rake and Rye,
 Black Down and Beachy Head.

I will go out against the sun
 Where the rolled scarp retires,
And the Long Man of Wilmington
 Looks naked toward the shires;
And east till doubling Rother crawls
 To find the fickle tide,
By dry and sea-forgotten walls,
 Our ports of stranded pride.

I will go north about the shaws
 And the deep ghylls that breed
Huge oaks and old, the which we hold
 No more than Sussex weed;
Or south where windy Piddinghoe's
 Begilded dolphin veers,
And red beside wide-banked Ouse
 Lie down our Sussex steers.

So to the land our hearts we give
 Till the sure magic strike,
And Memory, Use, and Love make live
 Us and our fields alike —
That deeper than our speech and thought,
 Beyond our reason's sway,
Clay of the pit whence we were wrought
 Yearns to its fellow clay.

*God gives all men all earth to love,
But, since man's heart is small,
Ordains for each one spot shall prove
Beloved over all.
Each to his choice, and I rejoice
The lot has fallen to me
In a fair ground — in a fair ground —
Yea, Sussex by the sea!*

САССЕКС

Мы любим землю, но сердца
У нас не беспредельны,
И каждому рукой Творца
Дан уголок отдельный,
Чтоб он, как милосердный Бог,
Трудясь над мирозданьем,
Свой добрый мир построить мог
С божественным стараньем.

Балтийских сосен аромат
Нам дорог или звуки,
Что в пальмах пробудил пассат,
Летящий из Левуки?
Свой рай по сердцу выбирай,
А я, с судьбой не споря,
Люблю мой край, мой дивный край, —
Да, Сассекс мой у моря!

Не украшают ни сады,
Ни ласковые рощи
Китообразные гряды —
Один терновник тощий!
Зато — какая благодать! —
Просвет в нагой теснине
Нам позволяет увидеть
Уильд лесистый, синий.

Здесь полудик, небоязлив,
Дёрн мудрый — нелюдимо
Прилег на меловой обрыв,
Как при солдатах Рима.
Где бившихся и павших след,
Превратной славы знаки?
Остались травы, солнца свет,
Курганы, бивуаки.

Тяжелый, крылья просолив,
Зюйд-вест летит вдоль пляжа.
Свинцовой линией пролив
Прочерчен против кряжа.
О том, что отмель скрыла мгла,
Здесь, на своем наречье,
Гремят судов колокола,
Бубенчики овечьи.

Здесь нет ключей, долин красы,
И только на вершине,
Без вод подспудных, пруд росы
Всегда есть в котловине.
Пророча летних дней конец,
Трава у нас не чахнет,
Ощипан овцами, чабрец
Восходом райским пахнет!

Безмолвием звенящим весь
Пронизан день прелестный!
Творца холмов мы славим здесь,
В забытой церкви местной.
Но есть иные божества.
Свой круг блюдет их ревность,
И, в тайнике его, жива
Языческая древность.

Достанься мне земель-сестер
 Прекрасных наших сорок,
Я разрешил бы равных спор:
 Мне старый Сассекс дорог!
Меж Темзою и Твидом край
 Возьми любой зеленый,
Холмы мне дай, и Рейк, и Рай,
 И берег укрепленный.

К изгибу горного хребта
 Направлюсь против солнца.
На графство смотрит нагота
 Верзилы Уилмингтонца.
Здесь Ротер, сделав круг, притих.
 Он ищет, оробелый,
Прилива подле дамб сухих
 Гордыни обмелелой!

Пущусь на север, в тишь дубрав,
 В ущелья, к древним сеням
Дубов, хоть ниже сорных трав
 Мы в Сассексе их ценим!
Иль в Пиддингхó пойду, на юг:
 Дельфином золочёным
Играет ветер, и на луг
 Волы бредут по склонам.

Привычка, память и любовь
 Твердят нам: «До кончины
Свой край всем сердцем благословь!
 Ты и земля — едины!»
Не пробуй это побороть!
 В тупик твой разум станет:
Из глины созданную плоть
 К родимой глине тянет!

*Мы любим землю, но сердца
У нас не беспредельны,
И каждому, рукой Творца,
Дан уголок отдельный.
Свой рай по сердцу выбирай,
А я, с судьбой не споря,
Люблю мой край, мой дивный край, —
Да, Сассекс мой у моря!*

Перевод В. Потаповой

«And this they wrote that another man wrote of a carl in Norroway.»

«Ye have read, ye have felt, ye have guessed, good lack!

Ye have hampered Heaven's Gate;

«There's little room between the stars in idleness to prate!

«For none may reach by hired speech of neighbour, priest and kin

«Through borrowed deed to God's good meed that lies so fair within;

«Get hence, get hence to the Lord of Wrong, for the doom has yet to run,

«And... the faith that ye share with Berkeley Square

uphold you, Tomlinson!»

.

The Spirit gripped him by the hair, and sun by sun they fell

Till they came to the belt of Naughty Stars that rim the mouth of Hell.

The first are red with pride and wrath, the next are white with pain,

But the third are black with clinkered sin that cannot burn again.

They may hold their path, they may leave their path, with

never a soul to mark:

They may burn or freeze, but they must not cease in the

Scorn of the Outer Dark.

The Wind that blows between the Worlds, it nipped him to the bone,

And he yearned to the flare of Hell-gate there as the light

of his own hearth-stone.

The Devil he sat behind the bars, where the desperate legions drew,

But he caught the hasting Tomlinson and would not let him through.

«Wot ye the price of good pit-coal that I must pay?» said he,

«That ye rank yoursel' so fit for Hell and ask no leave of me?

«I am all o're-sib to Adam's breed that ye should give me scorn,

«For I strove with God for your First Father the day that he was born.

«Sit down, sit down upon the slag, and answer loud and high

«The harm that ye did to the Sons of Men or ever you came to die.»

And Tomlinson looked up and up, and saw against the night

The belly of a tortured star blood-red in Hell-Mouth light;

And Tomlinson looked down and down, and saw beneath his feet

The frontlet of a tortured star milk-white in Hell-Mouth heat.

«O I had a love on earth», said he, «that kissed me to my fall;

«And if ye would call my love to me I know she would answer all.»

— «All that ye did in love forbid it shall be written fair,

«But now ye wait at Hell-Mouth Gate and not in Berkeley Square:

ТОМЛИНСОН

На Берклей-сквере Томлинсон скончался в два часа.
Явился Призрак и схватил его за волоса.
Схватил его за волоса, чтоб далеко нести,
И он услышал шум воды, шум Млечного Пути,
Шум Млечного Пути затих, рассеялся в ночь,
Они стояли у ворот, где Петр хранит ключи.
«Восстань, восстань же, Томлинсон, и говори скорей
Какие добрые дела ты сделал для людей,
Творил ли добрые дела для ближних ты иль нет?»
И стала голая душа белее, чем скелет.
«О, — так сказал он, — у меня был друг любимый там,
И если б был он здесь сейчас, он отвечал бы вам».
«Что ты любил своих друзей — прекрасная черта,
Но только здесь не Берклей-сквер, а райские врата.
Хоть с ложа вызван твой друг сюда — не скажет он ничего.
Ведь каждый на гонках бежит за себя, а не двое за одного».
И Томлинсон взглянул вокруг, но выигрыш был небольшой,
Смеялись звезды в высоте над голой его душой.
А буря мировых пространств его бичами жгла,
И начал Томлинсон рассказ про добрые дела.
«О, это читал я, — он сказал, — а это был голос молвы,
А это я думал, что думал другой про графа из Москвы».
Столпились стаи добрых душ, совсем как голубки,
И загремел ключами Петр от гнева и тоски.
«Ты читал, ты слышал, ты думал, — он рёк, — но толку в сказе нет!
Во имя плоти, что ты имел, о делах твоих дай ответ!»
И Томлинсон взглянул вперед, потом взглянул назад —
Был сзади мрак, а впереди — створки небесных врат.
«Я так ощущал, я так заключил, а это слышал потом.

А так писали, что кто-то писал о грубом норвежце одном». «Ты читал, заключал, ощущал — добро! Но в райской тишине, Среди высоких, ясных звезд не место болтовне. О, не тому, кто у друзей взял речи напрокат И в долг у ближних все дела, от Бога ждать наград. Ступай, ступай к владыке зла, ты мраку обречен, Да будет вера Берклей-сквера с тобою, Томлинсон!»

.....

Его от солнца к солнцу вниз та же рука несла
До пояса Печальных звезд, близ адского жерла.
Одни, как молоко, белы, другие красны, как кровь,
Иным от черного греха не загореться вновь.
Держат ли путь, изменяют ли путь — никто не отметит никак,
Горящих во тьме и замерзших давно, поглотил их великий мрак,
А буря мировых пространств леденила насквозь его,
И он стремился на адский огонь, как на свет очага своего.
Дьявол сидел среди толпы погибших темных сил,
И Томлинсона он поймал и дальше не пустил.
«Не знаешь, видно, ты, — он рёк, — ценёны на уголь, брат,
Что, пропуск у меня не взяв, ты лезешь прямо в ад.
С родом Адама я в близком родстве, не презирай меня,
Я дрался с Богом из-за него с первого же дня.
Садись, садись сюда на шлак и расскажи скорей,
Что злого, пока еще был жив, ты сделал для людей».
И Томлинсон взглянул наверх и увидел в глубокой мгле
Кроваво-красное чрево звезды, терзаемой в адском жерле.
И Томлинсон взглянул к ногам, пылало внизу светло
Терзаемой в адском жерле звезды молочное чело.
«Я любил одну женщину, — он сказал, — от нее пошла вся беда,
Она бы вам рассказала все, если вызвать ее сюда».
«Что ты вкушал запретный плод — прекрасная черта,
Но только здесь не Берклей-сквер, но адские врата.

Хоть мы и свистнули ее, и она пришла, любя,
Но каждый в грехе, совершенном вдвоем, отвечает сам за себя». И буря мировых пространств его бичами жгла,
И начал Томлинсон рассказ про скверные дела:
«Раз я смеялся над силой любви, дважды над смертным концом,
Трижды давал я Богу пинков, чтобы прослыть храбрецом». На кипящую душу дьявол подул и поставил остыть слегка:
«Неужели свой уголь потрачу я на безмозглого дурака?
Гроша не стоит шутка твоя, и нелепы твои дела!
Я не стану своих джентльменов будить, охраняющих вертела». И Томлинсон взглянул вперед, потом взглянул назад,
Легион бездомных душ в тоске толпился близ адских врат.
«Это я слышал, — сказал Томлинсон, — за границую прошлый год,
А это в бельгийской газете прочел покойный французский лорд». «Ты читал, ты слышал, ты знал — добро! Но начни
сначала рассказ —
Из гордыни очей, из желаний плотских согрешил ли ты хоть раз?»
За решетку схватился Томлинсон и завопил: «Пусти!
Мне кажется, я чужую жену сбил с праведного пути!»
Дьявол громко захохотал и жару в топку поддал:
«Ты в книге прочел этот грех?» — он спросил, и
Томлинсон молвил: «Да!»
А дьявол на ногти себе подул, и явился взвод дьяволят:
«Пускай замолчит этот ноющий вор, что украд человекный наряд.
Просейте его между звезд, чтоб узнать, что стоит этот урод,
Если он вправду отродье земли, то в упадке Адамов род». В аду малыши — совсем голыши, от жары им легко пропасть,
Льют потоки слез, что малый рост не дает грешить им всласть;
По угольям гнали душу они и рылись в ней без конца —
Так дети шарят в вороньем гнезде или в шкатулке отца.
В клочьях они привели его, как после игр и драк,
Крича: «Он душу потерял, не знаем, где и как!
Мы просеяли много газет, и книг, и ураган речей,
И много душ, у которых он крал, но нет в нем души своей.
Мы качали его, мы терзали его, мы прожгли его насквозь,
И если зубы и ногти не врут, души у него не нашлось». Дьявол главу склонил на грудь и начал воркотню:
«С родом Адама я в близком родстве, я ли его прогоню?»

Мы близко, мы лежим глубоко, но когда он останется тут,
Мои джентльмены, что так горды, совсем меня засмеют.
Скажут, что я — хозяин плохой, что мой дом — общежитье старух,
И уж, конечно, не стоит того какой-то никчемный дух».
И дьявол глядел, как отрепья души пытались в огонь пролезть,
О милосердье думал он, но берёг свое имя и честь:
«Я, пожалуй, могу не жалеть угля и жарить тебя всегда,
Если сам до кражи додумался ты?», и Томлинсон молвил: «Да!»
И дьявол тогда облегченно вздохнул, и мысль его стала светла:
«Душа блохи у него, — он сказал, — но я вижу в ней корни зла.
Будь я один здесь властелин, я бы впустил его,
Но Гордыни закон изнутри силен, и он сильнее моего.
Где сидят проклятые Разум и Честь — при каждом Блудница и Жрец,
Бываю там я редко сам, тебе же там конец.
Ты не дух, — он сказал, — и ты не гном, ты не книга, и ты не зверь.
Не позорь же доброй славы людей, воплотись еще раз теперь.
С родом Адама я в близком родстве, не стал бы тебя я гнать,
Но припаси получше грехов, когда придешь опять.
Ступай отсюда! Черный конь заждался твоей души.
Сегодня они закопают твой гроб. Не опоздай! Спеши!
Живи на земле и уст не смыкай, не закрывай очей
И отнеси Сынам Земли мудрость моих речей:
Что каждый грех, совершенный двумя, и тому, и другому вменен.
И... Бог, что ты вычитал из книг, да будет с тобой, Томлинсон!»

Перевод А. Оношкович-Яцына

THE «MARY GLOSTER»

I've paid for your sickest fancies; I've humoured your crackedest whim —
Dick, it's your daddy, dying; you've got to listen to him!
Good for a fortnight, am I? The doctor told you? He lied.
I shall go under by morning, and — Put that nurse outside.
'Never seen death yet, Dickie? Well, now is your time to learn,
And you'll wish you held my record before it comes to your turn.
Not counting the Line and the Foundry, the Yards and the village, too,
I've made myself and a million; but I'm damned if I made you.
Master at two-and-twenty, and married at twenty-three —
Ten thousand men on the pay-roll, and forty freighters at sea!
Fifty years between 'em, and every year of it fight,
And now I'm Sir Anthony Gloster, dying, a baronite:
For I lunched with his Royal 'Ighness — what was it the papers had?
«Not the least of our merchant-princes.» Dickie, that's me, your dad!
I didn't begin with askings, I took my job and I stuck;
I took the chances they wouldn't, an' now they're calling it luck.
Lord, what boats I've handled — rotten and leaky and old —
Ran 'em, or — opened the bilge-cock, precisely as I was told.
Grub that 'ud bind you crazy, and crews that 'ud turn you grey,
And a big fat lump of insurance to cover the risk on the way.
The others they dursn't do it; they said they valued their life
(They've served me since as skippers). I went, and I took my wife.
Over the world I drove 'em, married at twenty-three,
And your mother saving the money and making a man of me.
I was content to be master, but she said there was better behind;
She took the chances I wouldn't, and I followed your mother blind.
She egged me to borrow the money, an'she helped me to clear the loan,
When we bought half-shares in a cheap un and hoisted a flag of our own.
Patching and coaling on credit, and living the Lord knew how,
We started the Red Ox freighters — we've eight-and-thirty now.
And those were the days of clippers, and the freights were
clipper-freights,
And we knew we were making our fortune, but she died
in Macassar Straits —

By the Little Paternosters, as you come to the Union Bank —
And we dropped her in fourteen fathom: I pricked it off
where she sank.

Owners we were, full owners, and the boat was christened for her,
And she died in the *Mary Gloster*. My heart, how young we were!
So I went on a spree round Java and well-nigh ran her ashore,
But your mother came and warned me and I wouldn't liquor no more:
Strict I stuck to my business, afraid to stop or I'd think,
Saving the money (she warned me), and letting the other men drink.
And I met M'Cullough in London (I'd saved five 'undred then),
And 'tween us we started the Foundry — three forges and twenty men.
Cheap repairs for the cheap 'uns. It paid, and the business grew;
For I bought me a steam-lathe patent, and that was a gold mine too.
«Cheaper to build 'em than buy 'em», I said, but M'Cullough he shied,
And we wasted a year in talking before we moved to the Clyde.
And the Lines were all beginning, and we all of us started fair,
Building our engines like houses and staying the boilers square.
But M'Cullough 'e wanted cabins with marble and maple and all,
And Brussels an' Utrecht velvet, and baths and a Social Hall,
And pipes for closets all over, and cutting the frames too light,
But M'Cullough he died in the Sixties, and — Well, I'm dying to-night. ...
I knew — I knew what was coming, when we bid on the *Byfleet's* keel —
They piddled and piffled with iron. I'd given my orders for steel!
Steel and the first expansions. It paid, I tell you, it paid,
When we came with our nine-knot freighters and collared
the long-run trade!
And they asked me how I did it, and I gave 'em the Scripture text,
«You keep your light so shining a little in front o' the next!»
They copied all they could follow, but they couldn't copy my mind,
And I left 'em sweating and stealing a year and a half behind,
Than came the armour-contracts, but that was M'Cullough's side;
He was always best in the Foundry, but better, perhaps, he died.
I went through his private papers; the notes was plainer than print;
And I'm no fool to finish if a man'll give me a hint.
(I remember his widow was angry.) So I saw what his drawings meant,
And I started the six-inch rollers, and it paid me sixty per cent.
Sixty per cent *with* failures, and more than twice we could do,
And a quarter-million to credit, and I saved it all for you!

But he couldn't lie if you paid him, and he's starve before he stole.
He'll take the *Mary* in ballast — you'll find her a lively ship;
And you'll take Sir Anthony Gloster, that goes on 'is wedding-trip,
Lashed in our old deck-cabin with all three port-holes wide,
The kick o' the screw beneath him and the round blue seas outside!
Sir Anthony Gloster's carriage — our 'ouse-flag flyin' free —
Ten thousand men on the pay-roll and forty freighters at sea!
He made himself and a million, but this world is a fleetin show,
And he'll go to the wife of 'is bosom the same as he ought to go —
By the heel of the Paternosters — there isn't a chance to mistake —
And Mac'll pay you the money as soon as the bubbles break!
Five thousand for six weeks' cruising, the staunchest freighter afloat,
And Mac he'll give you your bonus the minute I'm out o' the boat!
He'll take you round to Macassar, and you'll come back alone;
He knows what I want o' the *Mary*. ... I'll do what I please with my own.
Your mother 'ud call it wasteful, but I've seven-and-thirty more;
I'll come in my private carriage and bid it wait at the door. ...
For my son 'e was never a credit: 'e muddled with books and art,
And 'e lived on Sir Anthony's money and 'e broke Sir Anthony's heart.
There isn't even a grandchild, and the Gloster family's done —
The only one you left me — O mother, the only one!
Harrer and Trinity College — me slavin' early an' late —
An' he thinks I'm dying crazy, and you're in Macassar Strait!
Flesh o' my flesh, my dearie, for ever an' ever amen,
That first stroke come for a warning. I ought to ha' gone to you then.
But — cheap repairs for a cheap 'un — the doctors said I'd do.
Mary, why didn't *you* warn me? I've alius heeded to you,
Excep' — I know — about women; but you are a spirit now;
An', wife, they was only women, and I was a man. That's how.
An' a man 'e must go with a woman, as you could not understand;
But I never talked 'em secrets. I paid 'em out o' hand,
Thank Gawd, I can pay for my fancies! Now what's five thousand to me,
For a berth off the Paternosters in the haven where I would be?
I believe in the Resurrection, if I read my Bible plain,
But I wouldn't trust 'em at Wokin'; we're safer at sea again.
For the heart it shall go with the treasure — go down to the sea in ships.
I'm sick of the hired women. I'll kiss my girl on her lips!
I'll be content with my fountain. I'll drink from my own well,

And the wife of my youth shall charm me — an' the rest can go to Hell!
(Dickie, *he* will, that's certain.) I'll lie in our standin'-bed,
An' Mac'll take her in ballast — an' she trims best by the head. ...
Down by the head an' sinkin', her fires are drawn and cold,
And the water's splashin' hollow on the skin of the empty hold —
Churning an' choking and chuckling, quiet and scummy and dark —
Full to her lower hatches and risin' steady. Hark!
That was the after-bulkhead. ... She's flooded from stem to stern. ...
'Never seen death yet, Dickie? ... Well, now is your time to learn!

«МЭРИ ГЛОСТЕР»

Я платил за твои капризы, не запрещал ничего.
Дик! Твой отец умирает, ты выслушать должен его.
Доктора говорят — две недели. Врут твои доктора,
Завтра утром меня не будет... и... скажи, чтоб вышла сестра.
Не видывал смерти, Дикки? Учись, как кончаем мы,
Тебе нечего будет вспомнить на пороге вечной тьмы.
Кроме судов, и завода, и верфей, и десятин,
Я создал себя и миллионы, но я проклят — ты мне не сын!
Капитан в двадцать два года, в двадцать три женат,
Десять тысяч людей на службе, сорок судов прокат.
Пять десятков среди них я прожил и сражался немало лет,
И вот я, сэра Антони Глостер, умираю — баронет!
Я бывал у Его Высочества, в газетах была статья:
«Один из властителей рынка» — ты слышишь, Дик, это — я!
Я начал не с просьб и жалоб. Я смело взялся за труд.
Я хватался за случай, и это — удачей теперь зовут.
Что за судами я правил! Гниль и на щели щель!
Как было приказано, точно, я топил и сажал их на мель.
Жратва, от которой шалеют! С командой не совладать!
И жирный куш страховки, чтоб рейса риск оправдать.
Другие, те не решались — мол, жизнь у нас одна.
(Они у меня шкиперами.) Я шел, и со мной жена.
Женатый в двадцать три года, и передышки ни дня,
А мать твоя деньги копила, выводила в люди меня.
Я гордился, что стал капитаном, но матери было видней,
Она хваталась за случай, я следовал слепо за ней.
Она уломала взять денег, рассчитан был каждый шаг,
Мы купили дешевых акций и подняли собственный флаг.
В долг забирали уголь, нам нечего было есть,
«Красный бык» был наш первый клипер, теперь их тридцать шесть!
То было клиперов время, блестящие были дела,
Но в Макассарском проливе Мэри моя умерла.

У Малого Патерностера спит она в синей воде,
На глубине в сто футов. Я отметил на карте — где.
Нашим собственным было судно, на котором скончалась она,
И звалось в честь нее «Мэри Глостер»: я молод был в те времена.
Я запил, минуя Яву, и чуть не разбился у скал,
Но мне твоя мать явилась — в рот спиртного с тех пор я не брал.
Я цепко держался за дело, не покладая рук,
Копил (так она велела), а пили другие вокруг.
Я в Лондоне встретил Мак-Кулло (пятьсот было в кассе моей),
Основали сталелитейный — три кузницы, двадцать людей.
Дешевый ремонт дешевки. Я платил, и дело росло,
Патент на станок приобрел я, и здесь мне опять повезло,
Я сказал: «Нам выйдет дешевле, если сделает их наш завод»,
Но Мак-Кулло на разговоры потратил почти что год.
Пароходства как раз рождались — работа пошла сама,
Котлы мы ставили прочно, машины были — дома!
Мак-Кулло хотел, чтоб в каютах были мрамор и всякий там клен,
Брюссельский и утрехтский бархат, ванны и общий салон,
Водопроводы в клозетах и слишком легкий каркас,
Но он умер в шестидесятых, а я — умираю сейчас...
Я знал — шла стройка «Байфлита», — я знал уже в те времена
(Они возились с железом), я знал — только сталь годна.
И сталь себя оправдала. И мы спустили тогда,
За шиворот взяв торговлю, девятиузловы́е суда.
Мне задавали вопросы, по Писанью был мой ответ:
«Тако да воссияет перед людьми ваш свет».
В чем могли, они подражали, но им мыслей моих не украсть:
Я их всех позади оставил потеть и списывать всласть.
Пошли на броню контракты, здесь был Мак-Кулло силен,
Он был мастер в литейном деле, но лучше, что умер он.
Я прочел все его заметки, их понял бы новичок,
И я не дурак, чтоб не кончить там, где мне дан толчок.
(Помню, вдова сердилась.) А я чертежи разобрал.
Шестьдесят процентов, не меньше, приносил мне прокатный вал.
Шестьдесят процентов с браковкой, вдвое больше, чем дало б литье,
Четверть миллиона кредита — и все это будет твое.
Мне казалось — но это неважно, — что ты очень походишь на мать,
Но тебе уже скоро сорок, и тебя я успел узнать.

Харроу и Тринити-колледж. А надо б отправить в моря!
Я дал тебе воспитанье, и дал его, вижу, зря.
Тому, что казалось мне нужным, ты вовсе не был рад,
И то, что зовешь ты жизнью, я называю — разврат.
Гравюры, фарфор и книги — вот твоя колея,
В колледже квартирой шлюхи была квартира твоя.
Ты женился на этой костлявой, длинной, как карандаш,
От нее ты набрался спеси; но скажи, где ребенок ваш?
Катят по Кромвель-роуд кареты твои день и ночь,
Но докторский кэб не виден, чтоб хозяйке родить помочь!
(Итак, ты не дал мне внука, Глостеров кончен род.)
А мать твоя в каждом рейсе носила под сердцем плод.
Но все умирали, бедняжки. Губил их морской простор.
Только ты, ты один это вынес, хоть мало что вынес с тех пор!
Лгун и лентяй, и хилый, скáредный, как щенок,
Роющийся в объедках. Не помощник такой сынок.
Триста тысяч ему в наследство, кредит и с процентов доход,
Я не дам тебе их в руки, все пущено в оборот.
Можешь не пачкать пальцев, а не будет у вас детей,
Все вернется обратно в дело. Что будет с женой твоей!
Она стонет, кусая платочек, в экипаже своем внизу:
«Папочка! умирает!» — и старается выжать слезу.
Благодарен? О да, благодарен. Но нельзя ли подальше ее?
Твоя мать бы ее не любила, а у женщин бывает чутье.
Ты услышишь, что я женился во второй раз. Нет, это не то!
Бедной Эджи дай адвоката и выдели фунтов сто.
Она была самой славной — ты скоро встретишься с ней!
Я с матерью все улажу, а ты успокой друзей.
Что мужчине нужна подруга, женщинам не понять,
А тех, кто с этим согласен, не принято в жены брать.
О той хочу говорить я, кто леди Глостер еще,
Я нынче в путь отправляюсь, чтоб повидать ее.
Стой и звонка не трогай! Пять тысяч тебе заплачу,
Если будешь слушать спокойно и сделаешь то, что хочу.
Докажут, что я — сумасшедший, если ты не будешь тверд.
Кому я еще доверюсь? (Отчего не мужчина он, черт?)
Кое-кто тратит деньги на мрамор (Мак-Кулло мрамор любил).
Мрамор и мавзолеи — я зову их гордыней могил.

Для похорон мы чинили старые корабли,
И тех, кто так завещали, безумцами не сочли.
У меня слишком много денег, люди скажут... но я был слеп,
Надеясь на будущих внуков, купил я в Уокинге склеп.
Довольно! Откуда пришел я, туда возвращаюсь вновь,
Ты возьмешься за это дело, Дик, мой сын, моя плоть и кровь!
Десять тысяч миль отсюда — с твоей матерью лечь я хочу,
Чтоб меня не послали в Уокинг, вот за что я тебе плачу.
Как это надо сделать, я думал уже не раз,
Спокойно, прилично и скромно — вот тебе мой приказ.
Ты линию знаешь? Не знаешь? В контору письмо пошли,
Что, смертью моей угнетенный, ты хочешь поплавать вдали.
Ты выберешь «Мэри Глостер» — мной приказ давно уже дан, —
Ее приведут в порядок, и ты выйдешь на ней в океан.
Это чистый убыток, конечно, пароход без дела держать...
Я могу платить за причуды — на нем умерла твоя мать.
Близ островов Патерностер в тихой, синей воде
Спит она... я говорил уж... я отметил на карте — где
(На люке она лежала, волны ма́слены и густы),
Долготы сто восемнадцать и ровно три широты.
Три градуса точка в точку — цифра проста и ясна.
И Макэндрию на случай смерти копия мною дана.
Он глава пароходства Маори, но отпуск дадут старине,
Если ты напишешь, что нужен он по личному делу мне.
Для них пароходы я строил, аккуратно выполнил все,
А Мака я знаю давненько, а Мак знал меня... и ее.
Ему передал я деньги — удар был предвестник конца, —
К нему придешь ты за ними, предав глубине отца.
Недаром ты сын моей плоти, а Мак — мой старейший друг,
Его я не звал на обеды, ему не до этих штук.
Говорят, за меня он молился, старый ирландский шакал!
Но он не солгал бы за деньги, подох бы, но не украл.
Пусть он «Мэри» нагрузит балластом — полюбуешься, что за ход!
На ней сэр Антони Глостер в свадебный рейс пойдет.
В капитанской рубке, привязанный, иллюминатор открыт,
Под ним винтовая лопасть, голубой океан кипит.
Плывет сэр Антони Глостер — вымпела на ветру летят, —
Десять тысяч людей на службе, сорок судов прокат.

Он создал себя и миллионы, но это все суета,
И вот он идет к любимой, и совесть его чиста!
У самого Патерностера — ошибиться нельзя никак...
Пузыри не успеют лопнуть, как тебе заплатит Мак.
За рейс в шесть недель пять тысяч, по совести — куш хорош.
И, отца предав океану, ты к Маку за ним придешь.
Тебя высадит он в Макассаре, и ты возвратишься один.
Мак знает, чего хочу я... И над «Мэри» я — господин!
Твоя мать назвала б меня мотом — их еще тридцать
шесть — ничего!

Я приеду в своем экипаже и оставлю у двери его;
Всю жизнь я не верил сыну — он искусство и книги любил,
Он жил за счет сэра Антони и сердце сэра разбил.
Ты даже не дал мне внука, тобою кончен наш род...
Единственный наш, о мать, единственный сын наш — вот!
Харроу и Тринити-колледж — а я сна не знал за барыш!
И он думает — я сумасшедший, а ты в Макассаре спишь!
Плоть моей плоти, родная, аминь во веки веков!
Первый удар был предвестник, и к тебе я идти был готов.
Но — дешевый ремонт дешевки — сказали врачи: баловство!
Мэри, что ж ты молчала? Я тебе не жалел ничего!
Да, вот женщины... Знаю... Но ты ведь бесплотна теперь!
Они были женщины только, а я — мужчина. Поверь!
Мужчине нужна подруга, ты понять никак не могла,
Я платил им всегда чистоганом, но не говорил про дела.
Я могу заплатить за прихоть! Что мне тысяч пять
За место у Патерностера, где я хочу почивать?
Я верую в Воскресенье и Писанье читал не раз,
Но Уокингу я не доверюсь: море надежней для нас.
Пусть сердце, полно сокровищ, идет с кораблем ко дну...
Довольно продажных женщин, я хочу обнимать одну!
Буду пить из родного колодца, целовать любимый рот,
Подруга юности рядом, а других пусть черт поберет!
Я лягу в вечной постели (Дикки сделает, не предаст!),
Чтобы был дифферент на нос, пусть Мак разместит балласт.
Вперед, погружаясь носом, котлы погасив, холодна...
В обшивку пустого трюма глухо плещет волна,
Журча, клопоча, качая, спокойна, темна́ и зла,

Врывается в люки... Все выше... Переборка сдала!
Слышишь? Все затопило, от носа и до кормы.
Ты не видывал смерти, Дикки? Учись, как уходим мы!

Перевод А. Оношкович-Яцына и Г. Фиша

McANDREW'S HYMN

Lord, Thou hast made this world below the shadow of a dream,
An', taught by time, I tak' it so — exceptin' always Steam.
From coupler-flange to spindle-guide I see Thy Hand, O God —
Predestination in the stride o' yon connectin'-rod.
John Calvin might ha' forged the same — enormous, certain, slow —
Ay, wrought it in the furnace-flame — *my* «Institutio.»
I cannot get my sleep to-night; old bones are hard to please;
I'll stand the middle watch up here — alone wi' God an' these
My engines, after ninety days o' race an' rack an' strain
Through all the seas of all Thy world, slam-bangin' home again.
Slam-bang too much — they knock a wee — the crosshead-gibs are loose,
But thirty thousand miles o' sea has gied them fair excuse. ...
Fine, clear an' dark — a full-draught breeze, wi' Ushant out o' sight,
An' Ferguson relievin' Hay. Old girl, ye'll walk to-night!
His wife's at Plymouth. ... Seventy — One — Two —
Three since he began —
Three turns for Mistress Ferguson... and who's to blame the man?
There's none at any port for me, by drivin' fast or slow,
Since Elsie Campbell went to Thee, Lord, thirty years ago.
(The year the *Sarah Sands* was burned. Oh, roads we used to tread,
Fra' Maryhill to Pollokshaws — fra' Govan to Parkhead!)
Not but they're ceevil on the Board. Ye'll hear Sir Kenneth say:
«Good mornn, McAndrew! Back again? An' how's your bilge to-day?»
Miscallin' technicalities but handin' me my chair
To drink Madeira wi' three Earls — the auld Fleet Engineer
That started as a boiler-whelp — when steam and he were low.
I mind the time we used to serve a broken pipe wi' tow?
Ten pound was all the pressure then — Eh! Eh! — a man wad drive;
An' here, our workin' gauges give one hundred sixty-five!
We're creepin' on wi' each new rig — less weight an' larger power;
There'll be the loco-boiler next an' thirty mile an hour!
Thirty an' more. What I ha' seen since ocean-steam began
Leaves me na doot for the machine; but what about the man?
The man that counts, wi' all his runs, one million miles o' sea:
Four time the span from earth to moon. ... How far, O Lord, from Thee

That wast beside him night an' day? Ye mind my first typhoon?
It scoughed the skipper on his way to jock wi' the saloon.
Three feet were on the stokehold-floor — just slappin' to an' fro —
An' cast me on a furnace-door. I have the marks to show.
Marks! I ha' marks o' more than burns — deep in my soul an' black,
An' times like this, when things go smooth, my wickedness comes back.
The sins o' four an' forty years, all up an' down the seas,
Clack an' repeat like valves half-fed. ... Forgie's our trespasses!
Nights when I'd come on deck to mark, wi' envy in my gaze,
The couples kittlin' in the dark between the funnel-stays;
Years when I raked the Ports wi' pride to fill my cup o' wrong —
Judge not, O Lord, my steps aside at Gay Street in Hong-Kong?
Blot out the wastrel hours of mine in sin when I abode —
Jane Harrigan's an' Number Nine, The Reddick an' Grant Road!
An' waur than all — my crownin' sin — rank blasphemy an' wild.
I was not four and twenty then — Ye wadna judge a child?
I'd seen the Tropics first that run — new fruit, new smells, new air —
How could I tell — blind-fou wi' sun — the Deil was lurkin' there?
By day like playhouse-scenes the shore slid past our sleepy eyes;
By night those soft, lasceevious stars leered from those velvet skies,
In port (we used no cargo-steam) I'd daunder down the streets —
An' ijjit grinnin' in a dream — for shells an' parrakeets,
An' walkin'-sticks o' carved bamboo an' blowfish stuffed an' dried —
Fillin' my bunk wi' rubbishry the Chief put overside.
Till, off Sambawa Head, Ye mind, I heard a land-breeze ca',
Milk-warm wi' breath o' spice an' bloom: «McAndrew, come awa'!»
Firm, clear an' low — no haste, no hate — the ghostly whisper went,
Just statin' evedential facts bey on' all argument:
«Your mither's God's a graspin' deil, the shadow o' yoursel',
«Got out o' books by meenisters clean daft on Heaven an' Hell.
«They mak' him in the Broomielaw, o' Glasgie cold an' dirt,
«A jealous, pridefu' fetich, lad, that's only strong to hurt.
«Ye'll not go back to Him again an' kiss His red-hot rod,
«But come wi' Us» (Now, who were *They*?) «an' know the Leevin' God,
«That does not kipper souls for sport or break a life in jest,
«But swells the ripenin' cocoanuts an' ripes the woman's breast.»
An' there it stopped — cut off — no more — that quiet, certain voice —
For me, six months o' twenty-four, to leave or take at choice.

'Twas on me like a thunderclap — it racked me through an' through —
Temptation past the show o' speech, unnameable an' new —
The Sin against the Holy Ghost? ... An' under all, our screw.
That storm blew by but left behind her anchor-shiftin' swell.
Thou knowest all my heart an' mind, Thou knowest, Lord, I fell —
Third on the *Mary Gloster* then, and first that night in Hell!
Yet was Thy Hand beneath my head, about my feet Thy Care —
Fra' Deli clear to Torres Strait, the trial o' despair,
But when we touched the Barrier Reef Thy answer to my prayer! ...
We dared na run that sea by night but lay an' held our fire,
An' I was drowsin' on the hatch — sick — sick wi' doubt an' tire:
«Better the sight of eyes that see than wanderin' o' desire!»
Ye mind that word? Clear as our gongs — again, an' once again,
When rippin' down through coral-trash ran out our moorin' chain:
An', by Thy Grace, I had the Light to see my duty plain.
Light on the engine-room — no more — bright as our carbons burn.
I've lost it since a thousand times, but never past return!

.

Obsairve! Per annum we'll have here two thousand souls aboard —
Think not I dare to justify myself before the Lord,
But — average fifteen hunder souls safe-borne fra' port to port —
I *am* o'service to my kind. Ye wadna blame the thought?
Maybe they steam from grace to Wrath — to sin by folly led —
It isna mine to judge their path — their lives are on my head.
Mine at the last — when all is done it all comes back to me,
The fault that leaves six thousand ton a log upon the sea.
We'll tak' one stretch — three weeks an' odd by ony road ye steer —
Fra' Cape Town east to Wellington — ye need an engineer.
Fail there — ye've time to weld your shaft — ay, eat it, ere ye're spoke;
Or make Kerguelen under sail — three jiggers burned wi' smoke!
An' home again — the Rio run: it's no child's play to go
Steamin' to bell for fourteen days o' snow an' floe an' blow.
The bergs like kelpies overside that girn an' turn an' shift
Whaur, grindin' like the Mills o' God, goes by the big South drift.
(Hail, Snow and Ice that praise the Lord. I've met them at their work,
An' wished we had anither route or they anither kirk.)
Yon's strain, hard strain, o' head an' hand, for though Thy Power brings

All skill to naught, Ye'll understand a man must think o' things.
Then, at the last, we'll get to port an' hoist their baggage clear —
The passengers, wi' gloves an' canes — an' this is what I'll hear:
«Well, thank ye for a pleasant voyage. The tender's cornin' now.»
While I go testin' follower-bolts an' watch the skipper bow.
They've words for every one but me — shake hands wi' half the crew,
Except the dour Scots engineer, the man they never knew.
An' yet I like the wark for all we've dam'-few pickin's here —
No pension, an' the most we'll earn 's four bunder pound a year.
Better myself abroad? Maybe. *I 'd sooner starve than sail*
Wi' such as call a snifter-rod *ross*. ... French for nightingale.
Commeesion on my stores? Some do; but I cannot afford
To lie like stewards wi' patty pans. I'm older than the Board.
A bonus on the coal I save? Ou ay, the Scots are close,
But when I grudge the strength Ye gave I'll grudge their food to *those*.
(There's bricks that I might recommend — an' clink the firebars cruel.
No! Welsh — Wangarti at the worst — an' damn all patent fuel!)
Inventions? Ye must stay in port to mak' a patent pay.
My Deferential Valve-Gear taught me how that business lay.
I blame go chaps wi' clearer heads for aught they make or sell.
I found that I could not invent an' look to these as well.
So, wrestled wi' Apollyon — Nah! — fretted like a bairn —
But burned the workin'-plans last run, wi' all I hoped to earn.
Ye know how hard an Idol dies, an' what that meant to me —
E'en tak' it for a sacrifice acceptable to Thee. ...
Below there! Oiler! What's your wark? Ye find it runnin' hard?
Ye needn't swill the cup wi' oil — this isn't the Cunard!
Ye thought? Ye are not paid to think. Go, sweat that off again!
Tck! Tck! It's deeficult to sweer nor tak' The Name in vain!
Men, ay, an' women, call me stern. Wi' these to oversee,
Ye'll note I've little time to burn on social repartee.
The bairns see what their elders miss; they'll hunt me to an' fro,
Till for the sake of — well, a kiss — I tak' 'em down below.
That minds me of our Viscount loon — Sir Kenneth's kin — the chap
Wi' Russia-leather tennis-shoon an' spar-decked yachtin'-cap.
I showed him round last week, o'er all — an' at the last says he:
«Mister McAndrew, don't you think steam spoils romance at sea?»
Damned ijjit! I'd been doon that morn to see what ailed the throws,

Manholin', on my back — the cranks three inches off my nose.
Romance! Those first-class passengers they like it very well,
Printed an' bound in little books; but why don't poets tell?
I'm sick of all their quirks an' turns — the loves an' doves they dream —
Lord, send a man like Robbie Burns to sing the Song o' Steam!
To match wi' Scotia's noblest speech yon orchestra sublime
Whaurto — uplifted like the Just — the tail-rods mark the time.
The crank-throws give the double-bass, the feed-pump sobs an' heaves,
An' now the main eccentrics start their quarrel on the sheaves:
Her time, her own appointed time, the rocking link-head bides,
Till — hear that note? — the rod's return whings

glimmerin' through the guides.

They're all awa'! True beat, full power, the clangin' chorus goes
Clear to the tunnel where they sit, my purrin' dynamoes.
Interdependence absolute, foreseen, ordained, decreed,
To work, Ye'll note, at ony tilt an' every rate o' speed.
Fra' skylight-lift to furnace-bars, backed, bolted, braced an' stayed,
An' singin' like the Mornin' Stars for joy that they are made;
While, out o' touch o' vanity, the sweatin' thrust-block says:
«Not unto us the praise, or man — not unto us the praise!»
Now, a'together, hear them lift their lesson — theirs an' mine:
«Law, Orrder, Duty an' Restraint, Obedience, Discipline!»
Mill, forge an' try-pit taught them that when roarin' they arose,
An' whiles I wonder if a soul was gied them wi' the blows.
Oh for a man to weld it then, in one trip-hammer strain.
Till even first-class passengers could tell the meanin' plain!
But no one cares except mysel' that serve an' understand
My seven thousand horse-power here. Eh, Lord! They're
grand — they're grand!

Uplift am I? When first in store the new-made beasties stood,
Were Ye cast down that breathed the Word declarin' all things good?
Not so! O' that warld-liftin' joy no after-fall could vex,
Ye've left a glimmer still to cheer the Man — the Arrtifex!
That holds, in spite o' knock and scale, o' friction, waste an' slip,
An' by that light — now, mark my word — we'll build the Perfect Ship.
I'll never last to judge her lines or take her curve — not I.
But I ha' lived an' I ha' worked. Be thanks to Thee, Most High!
An' I ha' done what I ha' done — judge Thou if ill or well —

Always Thy Grace preventin' me. ... Losh! Yon's the «Stand-by» bell.
Pilot so soon? His flare it is. The mornin'-watch is set.
Well, God be thanked, as I was sayin', I'm no Pelagian yet.
Bow I'll tak' on. ...

*'Morrn, Ferguson. Man, have ye ever thought
What your good leddy costs in coal? ... I'll burn 'em down to port.*

МОЛИТВА МАКЭНДРЮ

Тень сна, о Господи, ясна в сравненье с нашим светом,
Но Ты нам в дар придумал Пар — И Божий Промысл в этом!
На всем, от фланцев до винта, лежит Твоя Рука,
Дрожь Провиденья бьет борта и ход маховика.
Джон Кальвин нудно толковал о предопределенье,
Но в здешнем горне я ковал иное «Наставленье».
Я нынче ночью не засну — болят года во мне.
На вахте время потяну — с Тобой наедине.
Опять сойду в машинный мрак: пойду к моей машине,
В морях поднявшей кавардак в трехмесячной путине.
Не чересчур ли — кавардак?.. Бьют шпонки в шторм и в штиль.
Но, извините, как-никак — бьют тридцать тысяч миль!
Прошли Уэсан. Полный ход. Домой — куда ж иначе?
К машине Фергюсон идет. Задаст он шпоры кляче!
Жена ждет в Плимуте. Всех ждут. Уже прибавил он
Три оборота — как салют в честь миссис Фергюсон.
Лишь для меня любой причал — пустым-пустое место:
Уж тридцать лет, как Ты призвал к себе мою невесту.
(Сгорела «Сара Сэндс» в тот год. Все Глазго и кругом, —
Куда не шастает народ, — мы обошли вдвоем.)
На судне — не в почете спесь. Сэр Кеннет без раздумий:
«Привет, Макэндрю! Старина! А как делишки в трюме?»
В машине он ни в зуб ногой, но знает, что почем.
«Вот наш механик судовой». Мадеру с пэром пьем!
«Он начинал еще тогда — в машинном на подхвате!»
Не пароход был в те года — труба на самокате!
Давленье — десять фунтов. Смех! Иначе не назвать.
Теперь мы выдадим на всех аж сто шестьдесят пять!
Мы ковырялись так и сяк с убоищем мотора,
А ведь на тридцати узлах работать будем скоро!
Какое там на тридцати!.. За столько лет в пути
Машине, понял я, прости, людей не подвести.
Лишь люди могут сплеховать... Когда до миллиона
Счет миль дошел — как до Луны маршрут учетверенный!

А ты, о Боже, не со мной... Мой первый ураган:
В кают-компании хмельной был шкипер в стельку пьян,
А я — в машинном, и вода там ровно на три фута!
И ведь ни шагу никуда!.. Со мной шутили круто.
Остались шрамы с той поры. Что шрамы! Крик души —
Он вопиёт, горит и жжет как раз в такой тиши.
Грехи грохочут по ногам, как каторжные гири.
Мои скормить бы клапанам в морях сорок четыре!
Прости мне... С завистью смотрю, отвержен и не люб,
Как парочки и там, и тут снуют под сенью труб.
Я жадно пил из чаши зла и наливал по новой.
Меня нелегкая несла в любой кабак портовый.
Гонконг ли, Глазго — все одно: ломился я в бордель,
Прости, о Боже, заодно, и шлюх моих, и хмель.
Но хуже всех мой главный грех. Мне стукнул двадцать пятый...
Молю Творца: прости юнца, не требуя расплаты!
Впервые в тропики попав, все пробуя подряд,
Как мог понять я, что кровав дьявольский парад?
Днем — воздух, запахи, плоды — и все, что ни потребуй,
А ночью — влажный блеск звезды с панбархатного неба.
Весь день в порту на красоту смотрел, разинув рот,
Как, упоён, свой смотрит сон, блаженный идиот.
Резьбы скупал я костяной, безделки деревянной
И всякой дряни остальной — не хуже капитана!
Но вот Самбава. Мыс. — И там сам ветер мне поет:
«Макэндрию, припожалуй к нам!» — И млеко в звуках, мед!
Издадека, как в забытьи, охватывая разум
И все сомнения мои отбрасывая разом:
«Твой Бог не Бог, а Сатана. Хвостат он и рогат.
Твоих священников смешна молва про рай и ад.
Там, в грязном Глазго, в холода безжалостно царит Он,
И хоть и чтут его всегда, лишь боль и страх сулит Он.
Ты не ворóтишься к Нему. Он жалок и жесток.
Ты к нам прибеешься («К нам» — к кому?) — и жив, узнаешь, Бог.
Он не насмешник, не злодей. Он походя не губит.
Он любит истинно людей, любовь земную любит»...
И замер Глас — и замер враз — и вверг меня в полы́мя.
Я обольстительным речам искал хотя бы имя.

А Дух Святой?.. А грех какой?.. А как же — с остальными?..
Пронесся мимо этот шквал, но якорем упал
На дно души моей тогда. О Господи, я пал!
На «Мэри Глостер» я служил — и в пламени пылал!
Твоей, о Господи, Руки не чуял я сначала.
До входа в Тóрресов пролив безумье бушевало.
Но лишь прошли Барьерный риф, я понял: Небо вняло.
Ни зги не видно впереди, мы жгли огонь ночной.
Змеей сплелись в моей груди тоска и непокой.
«Глазами лучше погляди, а не блуждай душой!»
Звучало так и раз, и два — как гонг... И в самом деле? —
Когда в пучину якоря к кораллам полетели.
И суть проста речей Христа, и Свет горит доселе. —
В машинном отделенье свет — не более того!
Но сколько раз за столько лет терял я и его!

.....

Сам посуди! Две тыщи душ мы перевозим в год.
Я пред Тобой не прихвастну и не завышу счет.
Возьмем скромней величину: ну, тысячу пятьсот.
А если вспомнить глубину и необъятность вод!
Я — Твой слуга. Их воля — плыть, хоть в рай, хоть в бездну ада, —
Да ведь не мне людей судить: перевозить их надо.
Моя вина — но лишь одна — не будет прощена:
Когда шесть тысяч здешних тонн поглотит глубина.
Маршрут из Кейпа в Веллингтон определил Всевышний:
Болтанки на недели три — механик здесь не лишней.
Однажды попадешь впросак — и двигатель заглох, —
И в Кергелён на парусах тащись, пока не сдох.
А юг Америки! А крюк меж льдами в океане!
Не для детишек этот трюк со склянками в тумане.
Там айсберг стылою спиной вот-вот тебя столкнет,
Как окаянный водяной, в ночной водоворот.
Там Божьих Мельниц жернова гремят в потоках вод.
(И снег, и лед полны хвалой — Тебе! — Но, зная меру,
Маршрут я выбрал бы другой — иль им другую веру.)
Там пот, кровавый пот с нас льет. И тщетно льет. Наш труд
Ты сводишь, Господи, на нет. О Господи, ты крут!

Потом, в конце концов, придем в порт назначенья. Трости
Рукою в лайке подхватив, простятся наши гости.
«Спасибо, капитан, за все». — Любезности в ответ.
А мне пора в машинный трюм, и мне «спасибо» нет.
Спасибо вам. И вам. И вам. Всем руки пожимают.
А старый шотт бочком пройдет — никто его не знает.
Но мне работа по нутру и чертов пароход.
Страховки нет, а весь доход — четыре сотни в год.
На судне — славно?.. Что за бред! От здешних вечных мук вы
Послали б этот драндулет на все четыре буквы!
А приворовывать? Ловчить? — Мне чужд такой азарт.
Ведь я механик как-никак — не кок и не стюárd.
А экономить на угле?.. Шотландцы скуповаты,
Но лучше пусто на столе, да густо — на лопаты.
(Не всякий уголь подойдет, не всякий в топку гожд.
Валлийский — тот не подведет, и австралийский тожд.)
Изобретать? — А добывать патент: где взять терпенья?
Я прекратил патентовать мои изобретенья.
Я не порочу тех, кто смог — и даже преуспел,
Но не по мне любой наскок в край канцелярских дел.
Меня подмял Аполлион, скажу без святотатства.
Я сжег расчеты, чертежи, надежды на богатство.
Ты знаешь, как упряма кумир. Я сжег его, пойми, —
И жертву горькую мою, не брезгуя, прими.
Убавь! Залей! Куда глядишь? Вы слишком много жжете!
Ты на посудине, а вишь, жжешь, как на пакетботе!
За «думал» — денег не дают! Не думай, а трудись!
О Господи, попробуй тут разок не чертыхнись!
Слыву я хамом у мужчин. У дам — не кавалером.
С моей компашкой у машин — откуда быть манерам?
Лихие парни слабака мгновенно обомнут.
Пока рука моя крепка, о Господи, я крут!
Недавно тут один виконт в изысканном костюме
(Он сэру Кеннету родня) прилип, как муха, в трюме —
И задает мне, идиот, всерьез вопрос такой:
«Не портит ли ваш пар красот романтики морской?»
А я — ход поршня проверял, внушающий опаску,
Я в саже на спине лежал, уткнувшись носом в смазку...

Романтику ему подай! Проклятый первый класс! —
Да в чистых томиках издай. — А кто споет про нас?
Любовь и кровь, любовь и кровь — тошнит от перегара!
О Боже, нужен новый Бёрнс, чтоб создал Песню Пара!
А если наша кутерьма Певца не вдохновит,
Машина может и сама — ей правый путь открыт.
Угрюмо поршни пробасят, а помпы — чуть визгливо,
Эксцентрики заголосят и заскрежещут шкивы,
И передачи подадут свой глас в урочный час,
И вал — услышишь! — подпоет, в великий хор включась.
Вот это песня! В ней — напор, и слаженность, и сила.
Она машинный коридор мгновенно охватила.
И голоса наперебой — и все понятны мне! —
Звучат на скорости любой и при любой волне.
От крышки люка до котла — единое стремленье.
Как зорька ясная, светла их Песнь Благодаренья. —
За что? — За то, что, их создав, Ты оказался прав.
За то, что щедр и величав, Ты, Боже, их создав.
Канон совместный — их и мой — в затверженном звучанье:
«Закон, Порядок, Служба, Долг, Надежность, Послушанье!»
Так их сработали навек, такую мысль внуша, —
Подумать может человек, что есть у них душа.
И пусть им жизнь дает не мать, а — плавка,ковка, сварка, —
Их невозможно не понять, когда вздыхают жарко!
Но никого не вразумлял их голос никогда.
Семь тысяч лошадиных сил... О Господи, о да!
Я — пьян?.. Когда Ты создал мир, в начале было Слово, —
И не оно ль внушало нам, что создал образцово?
Когда бы так!.. Разобран был Тобою образец —
И Сборщик к делу приступил. Но Сборщик сам — Творец!
Механик и мастеровой, порой — простой трудяга,
Он соберет, о Боже, Твой Ковчег Добра и Блага!
Не мне судить, хорош иль плох он будет на плаву.
Но я — хвала Тебе — тружусь. Хвала Тебе — живу!
Судить положено не мне. Судить — Твоя затея.
Судить, прощать... Эй вы, не спать! На задний ход скорее!
Откуда лоцман в этот час? Ах, час уже такой...
Я верю в Первородный Грех и Вышний Промысл Твой!

И потому-то...

Фергюсон, твоя жена влетела

Нам этой ночью в пару тонн угля... Живей за дело!

Перевод В. Топорова

THE SECRET OF THE MACHINES

Modern Machinery

We were taken from the ore-bed and the mine,
 We were melted in the furnace and the pit —
We were cast and wrought and hammered to design,
 We were cut and filed and tooled and gauged to fit.
Some water, coal, and oil is all we ask,
 And a thousandth of an inch to give us play:
And now, if you will set us to our task,
 We will serve you four and twenty hours a day!

 We can pull and haul and push and lift and drive,
 We can print and plough and weave and heat and light,
 We can run and race and swim and fly and dive.
 We can see and hear and count and read and write!

Would you call a friend from half across the world?
 If you'll let us have his name and town and state,
You shall see and hear your cracking question hurled
 Across the arch of heaven while you wait.
Has he answered? Does he need you at his side?
 You can start this very evening if you choose,
And take the Western Ocean in the stride
 Of seventy thousand horses and some screws!

 The boat-express is waiting your command!
 You will find the *Mauretania* at the quay,
 Till her captain turns the lever 'neath his hand,
 And the monstrous nine-decked city goes to sea.

Do you wish to make the mountains bare their head
And lay their new-cut forests at your feet?
Do you want to turn a river in its bed,
Or plant a barren wilderness with wheat?
Shall we pipe aloft and bring you water down
From the never-failing cisterns of the snows,
To work the mills and tramways in your town,
And irrigate your orchards as it flows?

It is easy! Give us dynamite and drills!
Watch the iron-shouldered rocks lie down and quake,
As the thirsty desert-level floods and fills,
And the valley we have dammed becomes a lake.

But remember, please, the Law by which we live,
We are not built to comprehend a lie,
We can neither love nor pity nor forgive.
If you make a slip in handling us you die!
We are greater than the Peoples or the Kings —
Be humble, as you crawl beneath our rods! —
Our touch can alter all created things,
We are everything on earth — except The Gods!

*Though our smoke may hide the Heavens from your eyes,
It will vanish and the stars will shine again,
Because, for all our power and weight and size,
We are nothing more than children of your brain!*

ТАЙНА МАШИН

В котлованах нас и шахтах добывали,
С коксом, с флюсами переплавляли в сталь,
Формовали, отливали и ковали,
На станке точили каждую деталь.
Дай свободы нам всего на долю дюйма
И немного угля, смазки и воды,
От работы нашей пользы будет уйма,
И не требуем мы платы за труды.

Мы всеильны: мы печатаем и пишем,
Мы приносим свет, и воду, и тепло,
Мы читаем и считаем, видим, слышим.
Ни летать, ни плавать нам не тяжело.

Ты решил поговорить с далеким другом,
Что живет за океанской синевой, —
Дай нам адрес — и твой друг к твоим услугам:
Затрещит за облаками голос твой.
Ты в ответ узнал, что другу нужен срочно, —
Винтовыми лопастями овладей! —
Загрохочут в поршнях, выкованных прочно,
Сразу восемьдесят тысяч лошадей!

Набегающим прибоем сердце радуй! —
«Мавритания» на рейде ждет тебя —
Поплывет десятипалубной громадой
Целый город, пеня воду и трубя!

Хочешь, снимут шляпу горные вершины?
Хочешь, лес мы привезем к ногам твоим?
Хочешь, хлеб в песках начнут растить машины?
Хочешь, реками пустыню напоим?
Хочешь, влагу из цистерн возьмем ледовых
И по трубам вниз направим в города?
Чтобы в шлангах ожила она садовых
И трамвайные питала провода!

Это просто! Дай взрывчатку нам и буры!
От удара вздрогнет горный исполин!
Заблестит озёрной гладью панцирь бурый
Загороженных плотинами долин.

Помни только, обуздать нас будет нечем:
Не умеем мы жалеть, прощать, любить.
Перепутаешь команду — искалечим,
Подведешь — не поколеблемся убить!
Осторожней трогай стержни, оси, зубья, —
Мы могущественней наций и держав!
Боги нашего боятся властолюбья,

*Мы сильны, но только если ты позволишь —
Трубы фабрик отдымят, и сгинет тьма,
Будут звезды вновь светить — ведь мы всего лишь
Порожденья человеческого ума!*

Перевод Р. Дубровкина

THE KING

«Farewell, Romance!» the Cave-men said;
 «With bone well carved He went away.
«Flint arms the ignoble arrowhead,
 «And jasper tips the spear to-day.
«Changed are the Gods of Hunt and Dance,
«And He with these. Farewell, Romance!»

«Farewell, Romance!» the Lake-folk sighed;
 «We lift the weight of flatling years;
«The caverns of the mountain-side
 «Hold Him who scorns our hutted piers.
«Lost hills whereby we dare not dwell,
«Guard ye His rest. Romance, Farewell!»

«Farewell, Romance!» the Soldier spoke;
 «By sleight of sword we may not win,
«But scuffle 'mid uncleanly smoke
 «Of arquebus and culverin.
«Honour is lost, and none may tell
«Who paid good blows. Romance, farewell!»

«Farewell, Romance!» the Traders cried;
 «Our keels have lain with every sea.
«The dull-returning wind and tide
 «Heave up the wharf where we would be;
«The known and noted breezes swell
«Our trudging sails. Romance, farewell!»

«Good-bye, Romance!» the Skipper said;
 «He vanished with the coal we burn.
«Our dial marks full-steam ahead,
 «Our speed is timed to half a turn.
«Sure as the ferried barge we ply
«'Twixt port and port. Romance, good-bye!»

«Romance!» the season-tickets mourn,
 «*He* never ran to catch His train,
«But passed with coach and guard and horn —
 «And left the local — late again!
«Confound Romance!» ... And all unseen
Romance brought up the nine-fifteen.

His hand was on the lever laid,
 His oil-can soothed the worrying cranks,
His whistle waked the snotbound grade,
 His fog-horn cut the reeking Banks;
By dock and deep and mine and mill
The Boy-god reckless laboured still!

Robed, crowned and throned, He wove His spell,
 Where heart-blood beat or hearth-smoke curled,
With unconsidered miracle,
 Hedged in a backward-gazing world:
Then taught His chosen bard to say:
«Our King was with us — yesterday!»

КОРОЛЕВА

«Романтика, прощай навек!
С резною костью ты ушла, —
Сказал пещерный человек, —
И бьет теперь кремнём стрела.
Бог плясок больше не в чести.
Увы, романтика! Прости».

«Ушла! — вздыхал народ озёр. —
Теперь мы жизнь влачим с трудом,
Она живет в пещерах гор,
Ей незнаком наш свайный дом.
Холмы, вы сон ее блюсти
Должны. Романтика, прости!»

И мрачно говорил солдат:
«Кто нынче битвы господин?
За нас сражается снаряд
Плюющих дымом кулеврин.
Удар никак не нанести!
Где честь? Романтика, прости!»

И говорил купец, брезглив:
«Я обошел моря кругом —
Все возвращается прилив,
И каждый ветер мне знаком.
Я знаю все, что ждет в пути
Мой бриг. Романтика, прости!»

И возмущался капитан:
 «С углем исчезла красота;
Когда идем мы в океан,
 Рассчитан каждый взмах винта.
Мы, как паром, из края в край
Идем. Романтика, прощай!»

И злился дачник, возмущен:
 «Мы ловим поезд, чуть дыша.
Бывало, ездил почтальон,
 Опаздывая, не спеша.
О черт!» Романтика меж тем
Водила поезд девять-семь.

Послушен под рукой рычаг,
 И смазаны золотники,
И будят насыпь и овраг
 Ее тревожные свистки;
Вдоль доков, мельниц, рудника
Ведет умелая рука.

Так сеть свою она плела,
 Где сердце — кровь и сердце — чад,
Каким-то чудом заперта
 В мир, обернувшийся назад.
И пел певец ее двора:
«Ее мы видели вчера!»

Перевод А. Оношкович-Яцына

TO THE TRUE ROMANCE

*Thy face is far from this our war,
Our call and counter-cry,
I shall not find Thee quick and kind,
Nor know Thee till I die.
Enough for me in dreams to see
And touch Thy garments' hem:
Thy feet have trod so near to God
I may not follow them!*

Through wantonness if men profess
They weary of Thy parts,
E'en let them die at blasphemy
And perish with their arts;
But we that love, but we that prove
Thine excellence august,
While we adore, discover more
Thee perfect, wise, and just.

Since spoken word Man's Spirit stirred
Beyond his belly-need,
What is is Thine of fair design
In Thought and Graft and Deed.
Each stroke aright of toil and fight,
That was and that shall be,
And hope too high, wherefore we die,
Has birth and worth in Thee.

Who holds by Thee hath Heaven in fee
 To gild his dross thereby,
And knowledge sure that he endure
 A child until he die —
For to make plain that man's disdain
 Is but new Beauty's birth —
For to possess in singleness
 The joy of all the earth.

As Thou didst teach all lovers speech,
 And Life all mystery,
So shalt Thou rule by every school
 Till life and longing die,
Who wast, or yet the Lights were set,
 A whisper in the Void,
Who shalt be sung through planets young
 When this is clean destroyed.

Beyond the bounds our staring rounds,
 Across the pressing dark,
The children wise of outer skies
 Look hitherward and mark
A light that shifts, a glare that drifts,
 Rekindling thus and thus —
Not all forlorn, for Thou hast borne
 Strange tales to them of us.

Time hath no tide but must abide
 The servant of Thy will;
Tide hath no time, for to Thy rhyme
 The ranging stars stand still —
Regent of spheres that lock our fears,
 Our hopes invisible,
Oh, 'twas certes at Thy decrees
 We fashioned Heaven and Hell!

Pure Wisdom hath no certain path
That lacks Thy morning-eyne,
And Captains bold by Thee controlled
Most like to Gods design.
Thou art the Voice to kingly boys
To lift them through the fight,
And Comfortress of Unsuccess,
To give the Dead good-night.

A veil to draw 'twixt God His Law
And Man's infirmity,
A shadow kind to dumb and blind
The shambles where we die;
A rule to trick th' arithmetic,
Too base, of leaguings odds —
The spur of trust, the curb of lust,
Thou handmaid of the Gods!

O Charity, all patiently
Abiding wrack and scaith!
O Faith, that meets ten thousand cheats
Yet drops no jot of faith!
Devil and brute Thou dost transmute
To higher, lordlier show,
Who art in sooth that lovely Truth
The careless angels know!

*Thy face is far from this our war,
Our call and counter-cry,
I may not find Thee quick and kind,
Nor know Thee till I die.
Yet may I look with heart unshook
On blow brought home or missed —*

*Yet may I hear with equal ear
The clarions down the List;
Yet set my lance above mischance
And ride the barriere —
Oh, hit or miss, how little 'tis,
My Lady is not there!*

К ИСТИННОЙ РОМАНТИКЕ

*Твой образ далече от смертной сечи,
От наших слез и скорбей.
Я твердо знаю, что вживе Тебя я
Не встречу до смерти моей.
Уж тем доволен, что изредка волен
Во сне прикоснуться к Плащу.
Твоя дорога так близко от Бога —
Идти за Тобой трепещу.*

Да будь хоть из стали те, что устали
Идти за Тебя на бой —
Погрязнут во прахе, смерть свою в страхе
Встретят, умрут с хулой.
А нам, что готовы снова и снова
Величье Твое утверждать
Является властно, сильнее всечасно
Премудрость и благодать.

С тех пор, как Слово изъяло земного
Адама из царства скотов,
В Тебе истоки всех вправду высоких
Помыслов, дел и трудов.
И утешенье идущим в сраженье,
Свершающим труд любой,
Ныне и присно — что подвиг их признан
И призван к жизни Тобой.

Нам Ты отрада, и Рай нам награда —
Он ржавь души позлатит,
И каждый в надежде не сгинуть прежде,
Чем дело свое свершит.
Один у нас ныне предмет гордыни —
Нетленной Красы восход.
Даруй же прозренья — в нашем твореньи —
Всей радости, что грядет.

Сынам человечьим нежные речи
И тайны Жизни вручив,
Ты учишь любого снова и снова,
Любого, пока он жив.
Еще в час творенья была Ты пенъем
Чуть слышимым Пустоты,
Не будет этой — над новой планетой
Споешь свою песню Ты.

И даже в безднах и далях надзвездных
Сквозь непроглядную тьму,
Мудрые дети созвездий этих
Глядят на нас, потому
Что в небе — свеченья, вспышки, теченья
Воздушные ловит глаз,
Что и туда им несешь Ты, мы знаем,
Странные сказки о нас.

Вне круговорота природы годы —
Тобою им дан закон,
Что годы круговороту природы —
Ведь он Тобой утвержден.
Царица сферы надежды и веры,
Скорбей и страхов земных!
Все, что я знаю об Аде и Рае,
Я знаю со слов Твоих.

Путь тернистый Премудрости чистой
Твои освещают огни,
Ты сил полководцу даешь бороться,
Чтоб стать бессмертным сродни,
Ты рыцарям юным голосом струнным
Пророчишь славу в бою —
И даришь покоем — не повезло им! —
Нашедших гибель свою.

Как полог неплотный, закон Господний
Ты прячешь от слабых нас,
Как тьма золотая, льешься, скрывая
От смертного смертный час.
Лишаются смысла жалкие числа —
С Тобой мы сильнее врагов.
Ты шпора веры, узда для скверны,
Служанка вечных богов!

О Божья Милость, что не утомилась
Служить сыновьям Земли,
Чьей веры чистой сто тысяч злостей
Поколебать не смогли,
Что черту злему и зверю лесному
Чистый облик дает —
Пусть он заколдован — но впрямь таков он
В глазах блаженных высот.

*Твой образ далече от смертной сечи,
От наших слез и скорбей.
Я твердо знаю, что вживе Тебя я
Не встречу до смерти моей.
Еще, о Боже, могу я без дрожи
Следить за полетом копья,*

*И внемлю зову рожка боевого —
Очередь биться моя.
Истёкши кровью, подняться готов я
И вновь оседлать коня —
Но крах ли, величье — нет мне различья,
Коль Дамы нет близ меня!*

Перевод В. Шубинского

THE DYKES

We have no heart for the fishing — we have no hand for the oar —
All that our fathers taught us of old pleases us now no more.
All that our own hearts bid us believe we doubt where we do not deny —
There is no proof in the bread we eat nor rest in the toil we ply.

Look you, our foreshore stretches far through sea-gate, dyke, and groin —
Made land all, that our fathers made, where the flats and the fairway join.
They forced the sea a sea-league back. They died, and their
work stood fast.
We were born to peace in the lee of the dykes, but the
time of our peace is past.

Far off, the full tide clambers and slips, mouthing and testing all,
Nipping the flanks of the water-gates, baying along the wall;
Turning the shingle, returning the shingle, changing the set of the sand...
We are too far from the beach, men say, to know how the outworks stand.

So we come down, uneasy, to look; uneasily pacing the beach.
These are the dykes our fathers made: we have never known a breach.
Time and again has the gale blown by and we were not afraid;
Now we come only to look at the dykes — at the dykes our fathers made.

O'er the marsh where the homesteads cower apart the
harried sunlight flies,
Shifts and considers, wanes and recovers, scatters and sickens and dies —
An evil ember bedded in ash — a spark blown west by the wind...
We are surrendered to night and the sea — the gale and the tide behind!

ДАМБЫ

Мы не ловим рыб в потоках, в лес не ходим за добычей,
Не сжимаем крепких вёсел — нам отцовский чужд обычай.
Угрызенья и сомненья настигают нас везде,
Нет нам счастья в трудном хлебе, нет нам отдыха в труде.

Отвоевана у моря суша узкою полоской,
За плотины, молы, шлюзы уходя равниной плоской.
Мирный дом от работающих получили мы отцов,
Но вода размочит насыпь и прорвет в конце концов.

Подступают к стенам волны, закипают, приливая,
Там заржавели ворота, там, подгнив, упала свая.
Перекатывая гальку, лижет отмели вода,
И не знаем мы, насколько дамба внешняя тверда.

В первый раз ступаем робко вдоль хранительного вала,
Никакая буря дамбу при отцах не прорывала.
Был взъяренный шквал пугающ, был нависший свод свинцов,
Мы бежали под защиту осмотрительных отцов.

В первый раз идем по топам, где, покорные бессилью,
Блики солнечные гаснут, с тусклой смешиваясь пылью.
Над ревущим морем запад рассыпается золой,
Ночь, сгущаясь, дышит в спину, оглушает ветер злой.

Над соленой влагой пастбищ нарастает рев коровий,
Странным бегством скот напуган, фонарями цвета крови.
Утонуть не дайте стаду, прочь губительный засов!
По каналам хлещет море, устремляясь в глубь лесов.

Грозно вал растет девятый над беспомощной плотиной,
Наползает сверху, давит, брызжет пеной, галькой, тиной,
Вымывает вереск, прутья, груды глины и песка, —
Так зубами рвет солому конь, сваливший седока.

Сберегайте хвост, паклю, деготь, факельное масло,
До утра следите, братья, чтобы пламя не погасло!
На сигнальной башне ночью не усните, звонари! —
Неизвестно, что откроет нам тревожный свет зари.

Мы должны дождаться утра, бесконечный стыд изведав.
Эти насыпи достались нам от прадедов и дедов.
Но о шлюзах мы забыли, не желая стать трезвей:
Мы, предав завет отцовский, погубили сыновей.

.

Молча бродим мы по дамбам, сторонясь щелей и трещин,
Долгий мир на твердой суше был отцами нам завещан,
О фашинах думать поздно: прежний мир недостижим.
Прочь идем, и дом отцовский сердцу кажется чужим.

Перевод Р. Дубровкина

МОРЕ И ГОРЫ

Море, кто счастлив тобой? Соленой водою без края,
Где грузные гребни зыбучих громад громами грозят, замирая,
Кто штилям тропическим рад с предательским их безразличьем,
Когда утихают шторма, чтоб с ревом наброситься бычьим, —
Таким он величьем пьянел, таким тяготился величьем
И Море молил о ветрах.

Счастье не меньшее, счастье не меньшее горцы находят в Горах.

Море, кто счастлив тобой? Кого не смутишь ты возмездьем
За бунт против бури, за буйный бушприт, бегущий
к бурунным созвездьям?

Кто выдержит мерный напор муссонов и ярость цунами,
Кто слушать на мачте готов, как парус гремит над волнами?
Такими он снами пьянел, такими он мучился снами
И Море молил о дарах.

Счастье не меньшее, счастье не меньшее горцы находят в Горах.

Море, кто счастлив тобой? Кто бросил осознанный вызов
Обманным туманам и сизой зиме и брызгам серебряных бризов?
И айсбергам лунных пустынь, чьим царством в каютах мы бредим,
Обломкам, ревушим впотьмах на зависть пернатым соседям, —
Таким он наследьем владел, с таким расставался наследьем
И Морю поведал свой страх.

Счастье не меньшее, счастье не меньшее горцы находят в Горах.

Море, кто счастлив тобой? Кто жаден до впадин свинцовых
Взамен толчей городских площадей и роскоши залов дворцовых?
Кто к пыльным холмам не бежит, к земным смертоносным орудьям
От донного мха, где покой бездонным храним правосудьем? —
Таким он безлюдьем владел, таким упивался безлюдьем,
 Он Морю оставил свой прах,
Счастье не меньшее, счастье не меньшее горцы находят в Горах.

Перевод Р. Дубровкина

THE BALLAD OF THE «BOLIVAR»

*Seven men from all the world back to Docks again,
Rolling down the Ratcliffe Road drunk and raising Cain.
Give the girls another drink 'fore we sign away —
We that took the Bolivar out across the Bay!*

We put out from Sunderland loaded down with rails;
We put back to Sunderland 'cause our cargo shifted;
We put our from Sunderland — met the winter gales —
Seven days and seven nights to The Start we drifted.

Racketing her rivets loose, smoke-stack white as snow,
All the coals adrift adeck, half the rails below,
Leaking like a lobster-pot, steering like a dray —
Out we took the *Bolivar*, out across the Bay!

One by one the Lights came up, winked and let us by;
Mile by mile we waddled on, coal and fo'c'sle short;
Met a blow that laid us down, heard a bulkhead fly;
Left The Wolf behind us with a two-foot list to port.

Trailing like a wounded duck, working out her soul;
Clanging like a smithy-shop after every roll;
Just a funnel and a mast lurching through the spray —
So we threshed the *Bolivar* out across the Bay!

Felt her hog and felt her sag, betted when she'd break;
Wondered every time she raced if she'd stand the shock;
Heard the seas like drunken men pounding at her stake;
Hoped the Lord 'ud keep His thumb on the plummer-block!

Banged against the iron decks, bilges choked with coal;
Flayed and frozen foot and hand, sick of heart and soul;
'Last we prayed she'd buck herself into Judgment Day —
Hi! we cursed the *Bolivar* knocking round the Bay!

O her nose flung up to sky, groaning to be still —
Up and down and back we went, never time for breath;
Then the money paid at Lloyds' caught her by the keel,
And the stars ran round and round dancin' at our death!

Aching for an hour's sleep, dozing off between:
'Heard the rotten rivets draw when she took it green;
'Watched the compass chase its tail like a cat at play —
That was on the *Bolivar*, south across the Bay!

Once we saw between the squalls, lyin' head to swell —
Mad with work and weariness, wishin' they was we —
Some damned Liner's lights go by like a grand hotel;
'Cheered her from the *Bolivar* swampin' in the sea.

Then a greybeard cleared us out, then the skipper laughed;
«Boys, the wheel has gone to Hell — rig the winches aft!
«Yoke the kicking rudder-head — get her under way!»
So we steered her, pully-haul, out across the Bay!

Just a pack o' rotten plates puttied up with tar,
In we came, an' time enough, 'cross Bilbao Bar.

Overloaded, undermanned, meant to founder, we
Euchred God Almighty's storm, bluffed the Eternal Sea!

*Seven men from all the world back to town again,
Rollin' down the Ratcliffe Road drunk and raising Cain:
Seven men from out of Hell. Ain't the owners gay,
'Cause we took the Bolivar safe across the Bay?*

БАЛЛАДА О «БОЛИВАРЕ»

*Снова мы вернулись в порт, — семь морских волков.
Пей, гуляй, на Рэтклиф-роуд хватит кабаков.
Краток срок на берегу — девки, не зевай!
Протащили «Боливар» мы через Бискай!*

Погрузились в Сандерленде, фрахт — стальные балки,
Только вышли — и назад: скачет груз козлом.
Починились в Сандерленде и поплыли валко:
Холодрыга, злые ветры, бури — как назло.

Корпус, гад, трещал по швам, сплевывал заклепки,
Уголь свален на корме, грузы — возле топки,
Днище будто решето, трубы — пропадай.
Вывели мы «Боливар», вывели в Бискай!

Маяки нам подмигнули: «Проходи, ребята!»
Маловат угля запас, кубрик тоже мал.
Вдруг удар — и переборка вся в гармошку смята,
Дали крен на левый борт, но ушли от скал.

Мы плелись подбитой уткой, напрягая душу,
Лязг, как в кузнице, и стук — заложило уши.
Трюмы залиты водой — хоть ведром черпай.
Так потрюхал «Боливар» в путь через Бискай!

Нас трепало, нас швыряло, нас бросало море,
Пьяной вцепится рукой, воеет и трясет.
Сколько жить осталось нам, драли глотки в споре,
Уповая, что Господь поршень подтолкнет.

Душит угольная пыль, в кровь разбиты рожи,
На сердце тоска и муть, ноги обморожены.
Проклинали белый свет — дьявол, забирай!
Мы послали «Боливар» к черту и в Бискай!

Нас вздымало к небесам, мучило и гнуло,
Вверх, и вниз, и снова вверх ну, не продохнуть,
А хозяйская страховка нас ко дну тянула,
Звезды в пляске смерти освещали путь.

Ни присесть и ни прилечь — ничего болтанка!
Волны рвут обшивку в хлам — ржавая, поганка!
Бешеным котом компас скачет, разбирай,
Где тут север, где тут юг, — так мы шли в Бискай!

Раз взлетели на волну, сверху замечаем:
Мчит плавучий гранд-отель, весь в огнях кают.
«Эй, на лайнере! — кричим. — Мы тут загораем,
Вам, салаги, бы сюда хоть на пять минут!»

Тут проветрило мозги нам порывом шквала.
«Ну-ка, парни, навались, румпель оторвало!»
Старый шкипер заорал: «Ворот закрепляй!»
Без руля, на тросах, мы прошли Бискай!

Связка сгнивших планок, залитых смолой,
Приплелась в Бильбао, каждый чуть живой.

Хоть не полагалось нам достичь земли,
Мы надули Божий Шторм, Море провели.

*Снова мы вернулись в порт, семь лихих ребят.
Миновали сто смертей, нам сам черт не брат.
Что ж, хозяин, ты не рад, старый скупердяй,
Оттого, что «Боливар» обманул Бискай?*

Перевод А. Долинина

THE BROKEN MEN

For things we never mention,
 For Art misunderstood —
For excellent intention
 That did not turn to good;
From ancient tales' renewing,
 From clouds we would not clear —
Beyond the Law's pursuing
 We fled, and settled here.

We took no tearful leaving,
 We bade no long good-byes.
Men talked of crime and thieving,
 Men wrote of fraud and lies.
To save our injured feelings
 'Twas time and time to go —
Behind was dock and Dartmoor,
 Ahead lay Callao!

The widow and the orphan
 That pray for ten per cent,
They clapped their trailers on us
 To spy the road we went.
They watched the foreign sailings
 (They scan the shipping still),
And that's your Christian people
 Returning good for ill!

God bless the thoughtful islands
 Where never warrants come;
God bless the just Republics
 That give a man a home,
That ask no foolish questions,
 But set him on his feet;
And save his wife and daughters
 From the workhouse and the street!

On church and square and market
 The noonday silence falls:
You'll hear the drowsy mutter
 Of the fountain in our halls,
Asleep amid the yuccas
 The city takes her ease —
Till twilight brings the land-wind
 To the clicking jalousies.

Day long the diamond weather,
 The high, unaltered blue —
The smell of goats and incense
 And the mule-bells tinkling through.
Day long the warder ocean
 That keeps us from our kin,
And once a month our levee
 When the English mail comes in.

You'll find us up and waiting
 To treat you at the bar;
You'll find us less exclusive
 That the average English are.
We'll meet you with a carriage,
 Too glad to show you round,
But — we do not lunch on steamers,
 For they are English ground.

We sail o' nights to England
And join our smiling Boards —
Our wives go in with Viscounts
And our daughters dance with Lords,
But behind our princely doings,
And behind each coup we make,
We feel there's Something Waiting
And — we meet It when we wake.

Ah, God! One sniff of England —
To greet our flesh and blood —
To hear the traffic slurring
Once more through London mud!
Our towns of wasted honour —
Our streets of lost delight!
How stands the old Lord Warden?
Are Dover's cliffs still white?

ИЗГОИ

За темные делишки,
 За то, о чем молчок,
За хитрые мыслишки,
 Что нам пошли не впрок,
Мишенью нас избрали
 Параграфы статей —
И поманили дали
 Свободою своей.

Нет, нас не провожали,
 Не плакали вослед;
Мы смылись, мы бежали —
 Мы заметали след
От наших злодеяний,
 А проще — наших бед.
За нами — каталажка,
 Пред нами — целый свет.

Ограбленные вдовы
 И сироты купцов
За нами бестолково
 По свету шлют гонцов;
Мы рыщем в океане,
 Они — на берегу.
И это христиане,
 Простившие врагу!

Но в досталь, слава Богу,
 На свете славных мест,
Куда забыл дорогу
 Наш ордер на арест;
Но есть архипелаги,
 Где люди нарасхват,
А мертвые бумаги
 Туда не допылят.

Там полдень — час покоя,
 Там ласков океан;
Дворцовые покои,
 И в них журчит фонтан.
Никто здесь не посмеет
 Прервать полдневный сон,
Покуда не повеет
 Прохладой из окн.

Природа — загляденье,
 Погода — первый сорт,
И райских птичек пенье,
 И океанский порт,
И праздник оттого, что
 Раз в месяц круглый год
Привозит нашу почту
 Британский пароход.

Мы поджидаем в баре
 Прибывших бедолаг —
Не чопорные баре,
 Но парни самый смак.
Мы важно тянем виски
 И с помом, и с самим,
Но на́ борт — он английский! —
 К ним в гости не спешим.

А ночью незаконно
Мы в Англии своей —
С князьями Альбиона
Знакомим дочерей,
И приглашают лорды
На танец наших жен,
Мы сами смотрим гордо,
Покуда... смотрим сон.

О Боже! Хоть понюшку
Нам Англии отсыпь —
Ту грязную речушку,
Ту лондонскую хлипь,
Задворки, закоулки
И клочья тощих нив...
А как там Лорд-Уорден?
А как там наш Пролив?

Перевод В. Топорова

THE FIRES

Men make them fires on the hearth
 Each under his roof-tree,
And the Four Winds that rule the earth
 They blow the smoke to me.

Across the high hills and the sea
 And all the changeful skies,
The Four Winds blow the smoke to me
 Till the tears are in my eyes.

Until the tears are in my eyes
 And my heart is wellnigh broke
For thinking on old memories
 That gather in the smoke.

With every shift of every wind
 The homesick memories come,
From every quarter of mankind
 Where I have made me a home.

Four times a fire against the cold
 And a roof against the rain —
Sorrow fourfold and joy fourfold
 The Four Winds bring again!

How can I answer which is best
 Of all the fires that burn?
I have been too often host or guest
 At every fire in turn.

How can I turn from any fire,
 On any man's hearthstone?
I know the wonder and desire
 That went to build my own!

How can I doubt man's joy or woe
 Where'er his house-fires shine,
Since all that man must undergo
 Will visit me at mine?

Oh, you Four Winds that blow so strong
 And know that this is true,
Stoop for a little and carry my song
 To all the men I knew!

Where there are fires against the cold,
 Or roofs against the rain —
With love fourfold and joy fourfold,
 Take them my songs again!

ОЧАГИ

Разводит огонь в очаге — каждый свой —
Каждый смертный под кровом своим,
И Четыре Ветра, что правят землей,
Отовсюду приносят дым.

То по холмам, то по далям морским
То в изменчивых небесах —
Все Четыре Ветра несут ко мне дым,
Так, что слезы стоят в глазах.

Так, что слезы от дыма стоят в глазах,
Что от скорби сердце щемит —
Весть о прежних днях, о былых часах
Каждый ветер в себе таит.

Стоит раз любому из них подуть —
Ту же весть различу я в нем:
В четырех краях пролегал мой путь,
И везде мне был кров и дом.

И везде был очаг средь ночей сырых,
В непогоду везде был кров.
Я скорблю и ликую за четверых
В память всех четырех краев.

И могу ль я с бесстрастной душой судить,
В чьем дому огонь горячей,
Если мне в одних довелось гостить,
А в других — принимать гостей?

И могу ль я чужим огнем пренебречь,
Пусть хозяин мне незнаком?
Разве просто было мне свой разжечь?
Как я бился над очагом!

И могу ли другого я не понять,
Скорбь и радость в его очах?
Это всё и мне пришлось испытать,
Это помнит и мой очаг.

О Четыре Ветра, вас нет быстрее,
Вы же знаете — я не лгу.
Донесите же песнь мою до друзей,
Пред которыми я в долгу,

Кто меня отогрел средь ночей сырых,
В непогоду — пустил под кров.
Я, любя и ликуя за четверых,
Спел им песнь Четырех Ветров.

Перевод В. Шубинского

We shall make walk preposterous ghosts of the glories we once created —
Immodestly smearing from muddled palettes amazing
pigments mismated —
And our friends will weep when we ask them with boasts
if our natural force be abated.

The Lamp of our Youth will be utterly out, but we shall
subsist on the smell of it;
And whatever we do, we shall fold our hands and suck
our gums and think well of it.
Yes, we shall be perfectly pleased with our work, and that
is the Perfectest Hell of it!

*This is our lot if we live so long and listen to those who love us —
That we are shunned by the people about and shamed by
the Powers above us.
Wherefore be free of your harness betimes; but, being free, be assured,
That he who hath not endured to the death, from his birth
he hath never endured!*

THE BENEFACTORS

*Ah! What avails the classic bent
And what the cultured word,
Against the undoctored incident
That actually occurred?*

*And what is Art whereto we press
Through paint and prose and rhyme —
When Nature in her nakedness
Defeats us every time?*

It is not learning, grace nor gear,
Nor easy meat and drink,
But bitter pinch of pain and fear
That makes creation think.

When in this world's unpleasing youth
Our godlike race began,
The longest arm, the sharpest tooth,
Gave man control of man;

Till, bruised and bitten to the bone
And taught by pain and fear,
He learned to deal the far-off stone,
And poke the long, safe spear.

So tooth and nail were obsolete
As means against a foe,
Till, bored by uniform defeat,
Some genius built the bow.

Then stone and javelin proved as vain
As old-time tooth and nail;
Till, spurred anew by fear and pain,
Man fashioned coats of mail.

Then was there safety for the rich
And danger for the poor,
Till someone mixed a powder which
Redressed the scale once more.

Helmet and armour disappeared
With sword and bow and pike,
And, when the smoke of battle cleared,
All men were armed alike. ...

And when ten million such were slain
To please one crazy king,
Man, schooled in bulk by fear and pain,
Grew weary of the thing;

And, at the very hour designed
To enslave him past recall,
His tooth-stone-arrow-gun-shy mind
Turned and abolished all.

*All Power, each Tyrant, every Mob
Whose head has grown too large,
Ends by destroying its own job
And works its own discharge;*

*And Man, whose mere necessities
Move all things from his path,
Trembles meanwhile at their decrees,
And deprecates their wrath!*

БЛАГОДЕТЕЛИ

*В литературном слове нет
Живого ничего —
А Жизнь подкинет нам сюжет
Такой, что о-го-го!*

*Искусство тени создает!
Натура всякий раз
Даст сто очков ему вперед —
Без всяческих прикрас!*

Отнюдь не голод и не труд,
Не знаний тяжкий пресс,
Но Страх и Боль наш Ум куют
И двигают прогресс.

В первоначальные века
Был Человек таков,
Что чтит убойность кулака
И остроту зубов,

Пока в крови и синяках
От вечного битья
Пращи не выдумал в сердцах
И длинного копья.

И вот сошел на нет диктат
Зубов и голых рук,
Против копья — как результат! —
Был выгнут первый лук.

И когти потерпели крах,
И в луке проку нет,
Когда кольчугу Боль и Страх
Произвели на свет.

Броню богатый приобрел —
Его не взять никак!
Но вскоре порох изобрел
Беспомощный бедняк.

Исчезли и броня, и шлем
В густом дыму войны...
Но дым сошел — и ясно всем,
Что силы-то равны!

Но миллионы мертвецов
Потребовались нам,
Чтоб Страх и Боль в конце концов
Нам дали по рукам.

Чтоб зубо-камне-пушко-Ум
Собрал остаток сил
И в результате тяжких дум
Оружье отменил!

*Тирана Власть и Власть Толпы,
Раскрыв кровавый рот,
Свои устои и столпы
В итоге подорвет.*

*А Боль и Страх свое вершат,
Препоны все презрев —
И люди чтут их и дрожат,
Чтоб не навлечь их гнев!*

Перевод С. Степанова

IN THE NEOLITHIC AGE

In the Neolithic Age savage warfare did I wage
For food and fame and woolly horses' pelt.
I was singer to my clan in that dim, red Dawn of Man,
And I sang of all we fought and feared and felt.

Yea, I sang as now I sing, when the Prehistoric spring
Made the piled Biscayan ice-pack split and shove;
And the troll and gnome and dwerg, and the Gods of Cliff and Berg
Were about me and beneath me and above.

But a rival, of Solutre, told the tribe my style was *outré* —
'Neath a tomahawk, of diorite, he fell.
And I left my views on Art, barbed and tanged, below the heart
Of a mammothistic etcher at Grenelle.

Then I stripped them, scalp from skull, and my hunting-dogs fed full,
And their teeth I threaded neatly on a thong;
And I wiped my mouth and said, «It is well that they are dead,
«For I know my work is right and theirs was wrong.»

But my Totem saw the shame; from his ridgepole-shrine he came,
And he told me in a vision of the night: —
«There are nine and sixty ways of constructing tribal lays,
«And every single one of them is right!»

.

Then the silence closed upon me till They put new clothing on me
Of whiter, weaker flesh and bone more frail;
And I stepped beneath Time's finger, once again a tribal singer,
And a minor poet certified by Traill!

Still they skirmish to and fro, men my messmates on the snow,
When we headed off the aurochs turn for turn;
When the rich Allobrogenses never kept amanuenses,
And our only plots were piled in lakes at Berne.

Still a cultured Christian age sees us scuffle, squeak, and rage,
Still we pinch and slap and jabber, scratch and dirk;
Still we let our business slide — as we dropped the half-dressed hide —
To show a fellow-savage how to work.

Still the world is wondrous large, — seven seas from marge to marge —
And it holds a vast of various kinds of man;
And the wildest dreams of Kew are the facts of Khatmandhu,
And the crimes of Clapham chaste in Martaban.

Here's my wisdom for your use, as I learned it when the moose
And the reindeer roamed where Paris roars to-night: —
*«There are nine and sixty ways of constructing tribal lays,
«And — every — single — one — of — them — is — right!»*

БЫЛ ДАЛЕКИЙ НЕОЛИТ...

Был далекий неолит красным заревом залит,
За еду, почет и шкуры для одежд
Я рубился топором, был бойцом и был певцом
Наших схваток, наших страхов и надежд.

Пел я годы напролет, и трещал Бискайский лед,
И тогда, Доисторической Весной,
Духи айсбергов, утесов, громоздящихся торосов
Отовсюду разговор вели со мной.

Но чужак из Солютре объявил мой стиль «outré»¹.
Я швырнул свой контрдовод — и попал.
А мой каменный топор завершил о вкусах спор
С тем, кто мамонта в Гренель нарисовал.

Скальпы с мертвых ловко снял, мясо их собакам дал,
Зубы их повесил я себе на грудь.
Мертвый враг — хороший враг. Не желаю слушать врак,
Что в искусстве хорошо, а что — отнюдь.

Той же ночью мой тотем застыдил меня совсем,
Он сказал, войдя в мой сон, как в сердце нож:
«Сотня способов и пять есть, чтоб песни сочинять,
И любой из них по-своему хорош».

.....

Надо мною мрак сомкнулся. В новой плоти я очнулся.
Стал я выше, тонкококостней и светлей.
У времен скользнув меж пальцев, я среди певцов-скитальцев
Стал не худшим в дикой Галлии моей.

¹ Outre – странный (франц.).

Пел я то, как сутки кряду наши славные отряды
Гнали зубров по отрогам снежных гор.
Но, к несчастью, аллоброги не слагали буквы в слóги —
Наши подвиги ушли на дно озёр.

Христианство нам не впрок. Сколько злобы, сколько склок.
Мы грыземся, рубим, режем — почем зря.
Миг — и в сторону дела, словно шкура с плеч сползла,
И давай учить собрата-дикаря.

Создал мир большим Творец: семь морей в один конец,
И народов на пути не перечесть.
То, о чем мечтают в Йорке — проза будней на Майорке.
То, что в Лондоне позор, в Рангуне — честь.

И не зря мне дух твердил в дни, когда олень бродил
Там, где нынче, весь в огнях, шумит Лимож:
*«Сотня способов и пять есть, чтоб песни сочинять,
И любой из них по-своему хорош».*

Перевод Е. Дунаевской

THE OLDEST SONG

«For before Eve was Lilith.» — Old Tale.

«These were never your true love's eyes.
Why do you feign that you love them?
You that broke from their constancies,
And the wide calm brows above them!

This was never your true love's speech.
Why do you thrill when you hear it?
You that have ridden out of its reach
The width of the world or near it!

This was never your true love's hair, —
You that chafed when it bound you
Screened from knowledge or shame or care,
In the night that it made around you!»

«All these things I know, I know.
And that's why my heart is breaking!»
«Then what do you gain by pretending so?»
«The joy of an old wound waking.»

САМАЯ СТАРАЯ ПЕСНЯ

Потому что прежде Евы была Лилит.

Предание

«Этих глаз не любил ты и лжешь,
Что любишь теперь и что снова
Ты в разлете бровей узнаёшь
Все восторги и муки былого!

Ты и гóлоса не любил,
Что ж пугают тебя эти звуки?
Разве ты до конца не убил
Чар его в роковой разлуке?

Не любил ты и этих волос,
Хоть сердце твое забывало
Стыд и долг и в бессилье рвалось
Из-под черного их покрывала!»

«Знаю все! Потому-то мое
Сердце бьется так глухо и странно!»
«Но зачем же притворство твое?»
«Счастлив я — ноет старая рана».

Перевод М. Фромана

MY RIVAL

I go to concert, party, ball —
 What profit is in these?
I sit alone against the wall
 And strive to look at ease.
The incense that is mine by right
 They burn before Her shrine;
And that's because I'm seventeen
 And she is forty-nine.

I cannot check my girlish blush,
 My colour comes and goes.
I redden to my finger-tips,
 And sometimes to my nose.
But She is white where white should be,
 And red where red should shine.
The blush that flies at seventeen
 Is fixed at forty-nine.

I wish I had her constant cheek:
 I wish that I could sing
All sorts of funny little songs,
 Not quite the proper thing.
I'm very *gauche* and very shy,
 Her jokes aren't in my line;
And, worst of all, I'm seventeen
 While She is forty-nine.

The young men come, the young men go,
Each pink and white and neat,
She's older than their mothers, but
They grovel at Her feet.
They walk beside Her '*rickshaw*-wheels —
None ever walk by mine;
And that's because I'm seventeen
And She is forty-nine.

She rides with half a dozen men
(She calls them «boys» and «mashes»),
I trot along the Mall alone;
My prettiest frocks and sashes
Don't help to fill my programme-card,
And vainly I repine
From ten to two a. m. Ah me!
Would I were forty-nine.

She calls me «darling», «pet», and «dear»,
And «sweet retiring maid.»
I'm always at the back, I know —
She puts me in the shade.
She introduces me to men —
«Cast» lovers, I opine;
For sixty takes to seventeen,
Nineteen to forty-nine.

But even She must older grow
And end Her dancing days,
She can't go on for ever so
At concerts, balls, and plays.
One ray of priceless hope I see
Before my footsteps shine;
Just think, that She'll be eighty-one
When I am forty-nine!

МОЯ СОПЕРНИЦА

Я езжу в оперу, на бал —
Но это ни к чему:
Я все одна, и до меня
Нет дела никому.
Не мне, а только ей одной
Все фимиам кадят,
Затем, что мне семнадцать лет,
А ей — под пятьдесят.

Я то бледна, то вспыхну вдруг
Вся — до корней волос,
Краснеют щеки у меня,
А часто даже нос.
У ней же краски на лице
Где надо, там лежат:
Румянец прочен у того,
Кому под пятьдесят.

Я не могу себя подать,
Всегда я так скромна!
О, если б только я могла
Смеяться, как она,
И петь все то, что я хочу, —
Не то, что мне велят!
Но мне всего семнадцать лет,
А ей — под пятьдесят.

Вниманья молодых людей
Не привлекаю я,

А с ней танцуют те, кто ей
Годится в сыновья.
Берем мы рикшу — лишь за ней
Любой побегать рад:
Ведь мне всего семнадцать лет,
А ей — под пятьдесят.

Своих любовников она
Мальчишками зовет,
Но к ней всегда мужчины льнут —
Ко мне никто не льнет.
И как бы ни оделась я.
На бал, на маскарад —
Я все одна... Скорей бы мне
Уж было пятьдесят!

Она добра ко мне, но я
При ней в тени всегда.
Она с мужчинами меня
Знакомит иногда.
Но разговаривать со мной
Лишь старики хотят,
А молодые рвутся к ней —
Ведь ей под пятьдесят!

Но ей не вечно танцевать!
Года возьмут свое!
Толпы поклонников уже
Не будет у нее!
И отыграюсь я тогда,
Пленяя всех подряд:
Ей будет восемьдесят два,
А мне — под пятьдесят.

Перевод Г. Бена

THE LOVERS' LITANY

Eyes of grey — a sodden quay,
Driving rain and falling tears,
As the steamer puts to sea
In a parting storm of cheers.

Sing, for Faith and Hope are high —
None so true as you and I —
Sing the Lovers' Litany: —
«Love like ours can never die!»

Eyes of black — a throbbing keel,
Milky foam to left and right;
Whispered converse near the wheel
In the brilliant tropic night.

Cross that rules the Southern Sky!
Stars that sweep, and turn, and fly
Hear the Lovers' Litany: —
«Love like ours can never die!»

Eyes of brown — a dusty plain
Split and parched with heat of June.
Flying hoof and tightened rein,
Hearts that beat the ancient tune.

Side by side the horses fly,
Frame we now the old reply
Of the Lovers' Litany: —
«Love like ours can never die!»

Eyes of blue — the Simla Hills
Silvered with the moonlight hoar;
Pleading of the waltz that thrills,
Dies and echoes round Benmore.

«*Mabel*», «*Officers*», «*Good-bye*»,
Glamour, wine, and witchery —
On my soul's sincerity,
«*Love like ours can never die!*»

Maidens, of your charity,
Pity my most luckless state,
Four times Cupid's debtor I —
Bankrupt in quadruplicate.

Yet, despite my evil case,
An a maiden showed me grace,
Four-and-forty times would I
Sing the Lovers' Litany: —
«*Love like ours can never die!*»

МОЛИТВА ВЛЮБЛЕННЫХ

Серые глаза. — Восход,
Доски мокрого причала.
Дождь ли? Слезы ли? Прощанье.
И отходит пароход...

Нашей верности года...
Вера и Надежда? Да:
Пой молитву всех влюбленных:
«Любим? Значит — навсегда!»

Черные глаза. — Молчи!
Шепот у штурвала длится.
Пена вдоль бортов струится
В блеск тропической ночи.

Южный Крест — прозрачной льда.
Снова падает звезда.
Вот молитва всех влюбленных:
«Любим? Значит — навсегда!»

Карие глаза. — Простор.
Степь. Бок о бок мчатся кони.
И сердцам в старинном тоне
Вторит топот эхом гор.

И — натянута узда...
И в ушах звучит тогда
Вновь молитва всех влюбленных:
«Любим? Значит — навсегда!»

Синие глаза. — Холмы
Серебрятся лунным светом,
И дрожит индийским летом
Вальс, манящий в гущу тьмы...
— Офицеры... Мэйбл... когда?..
Колдовство. Вино. Молчанье..
Эта искренность признанья:
«Любим? Значит — навсегда!»

Да... Но жизнь взглянула хмуро.
Сжальтесь надо мной: ведь вот —
Весь в долгах перед Амуром,
Я — четырежды банкрот!
И моя ли в том вина?
Если б снова хоть одна
Улыбнулась благосклонно,
Я бы сорок раз тогда
Спел молитву всех влюбленных:
«Любим? Значит — навсегда!»

Перевод В. Бетаки

THE LOVE SONG OF HAR DYAL

Alone upon the housetops to the North
I turn and watch the lightnings in the sky —
The glamour of thy footsteps in the North.
Come back to me, Beloved, or I die.

Below my feet the still bazar is laid —
Far, far below the weary camels lie —
The camels and the captives of thy raid.
Come back to me, Beloved, or I die.

My father's wife is old and harsh with years,
And drudge of all my father's house am I —
My bread is sorrow and my drink is tears.
Come back to me, Beloved, or I die.

ОДНА НА КРЫШЕ...

Одна на крыше, я гляжу на север,
Слежу зарниц вечернюю игру:
То отблески шагов твоих на север.
Вернись, любимый, или я умру.

Базар внизу безлюден и спокоен,
Устало спят верблюды на ветру,
И спят рабы — твоя добыча, воин.
Вернись, любимый, или я умру.

Жена отца сварливей год от году,
Гну спину днем, в ночи и поутру...
Слезами запиваю хлеб невзгоды.
Вернись, любимый, или я умру.

Перевод Э. Линецкой

THE LONG TRAIL

There's a whisper down the field where the year has shot her yield,
And the ricks stand grey to the sun,
Singing: «Over then, come over, for the bee has quit the clover,
«And your English summer's done.»

You have heard the beat of the off-shore wind,
And the thresh of the deep-sea rain;
You have heard the song — how long? how long?
Pull out on the trail again!
Ha' done with the Tents of Shem, dear lass,
We've seen the seasons through,
And it's time to turn on the old trail,
our own trail, the out trail,
Pull out, pull out, on the Long Trail —
the trail that is always new!

It's North you may run to the rime-ringed sun
Or South to the blind Horn's hate;
Or East all the way into Mississippi Bay,
Or West to the Golden Gate —
Where the blindest bluffs hold good, dear lass,
And the wildest tales are true,
And the men bulk big on the old trail,
our own trail, the out trail,
And life runs large on the Long Trail —
the trail that is always new.

The days are sick and cold, and the skies are grey and old,
And the twice-breathed airs blow damp;
And I'd sell my tired soul for the bucking beam-sea roll
Of a black Bilbao tramp,
 With her load-line over her hatch, dear lass,
 And a drunken Dago crew,
 And her nose held down on the old trail,
 our own trail, the out trail
 From Cadiz south on the Long Trail —
 the trail that is always new.

There be triple ways to take, of the eagle or the snake,
Or the way of a man with a maid;
But the sweetest way to me is a ship's upon the sea
In the heel of the North-East Trade.
 Can you hear the crash on her bows, dear lass,
 And the drum of the racing screw,
 As she ships it green on the old trail,
 our own trail, the out trail,
 As she lifts and 'scends on the Long Trail —
 the trail that is always new?

See the shaking funnels roar, with the Peter at the fore,
And the fenders grind and heave,
And the derricks clack and grate, as the tackle hooks the crate,
And the fall-rope whines through the sheave;
 It's «Gang-plank up and in», dear lass,
 It's «Hawsers warp her through!»
 And it's «All clear aft» on the old
 trail, our own trail, the out trail,
 We're backing down on the Long Trail —
 the trail that is always new.

O the mutter overside, when the port-fog holds us tied,
And the sirens hoot their dread,

When foot by foot we creep o'er the hueless, viewless deep
To the sob of the questing lead!
It's down by the Lower Hope, dear lass,
With the Gunfleet sands in view,
Till the Mouse swings green on the old
trail, our own trail, the out trail,
And the Gull Light lifts on the Long Trail —
the trail that is always new.

O the blazing tropic night, when the wake's a welt of light
That holds the hot sky tame,
And the steady fore-foot snores through the planet-powdered floors
Where the scared whale flukes in flame!
Her plates are flaked by the sun, dear lass,
And her ropes are taut with the dew,
For we're booming down on the old
trail, our own trail, the out trail.
We're sagging south on the Long Trail —
the trail that is always new.

Then home, get her home, where the drunken rollers comb,
And the shouting seas drive by,
And the engines stamp and ring, and the wet bows reel and swing,
And the southern Cross rides high!
Yes, the old lost stars wheel back, dear lass,
That blaze in the velvet blue.
They're all old friends on the old trail,
our own trail, the out trail,
They're God's own guides on the Long Trail —
the trail that is always new.

Fly forward, O my heart, from the Foreland to the Start —
We're steaming all too slow,
And it's twenty thousand miles to our little lazy isle
Where the trumpet-orchids blow!

You have heard the call of the off-shore wind
And the voice of the deep-sea rain;
You have heard the song — how long? — how long?
Pull out on the trail again!

The Lord knows what we may find, dear lass,
And The Deuce knows what we may do —
But we're back once more on the old trail, our own
trail, the out trail,
We're down, hull-down, on the Long Trail — the trail
that is always new!

ДАЛЬНИЙ ПУТЬ

Слышен шорох среди лугов, в сжатом поле меж стогов
Снова солнце косо легло,
В клевере не видно пчел, шепчут поле, луг и дол:
«Англичане, лето прошло».

Крепчая, ветер над морем шумит,
И волн не стихает хор —
Песня дальних морей: «Скорей, скорей,
В путь, в открытый простор!»
С шатрами Сима, милашка моя,
Расстаться душа вольна.
Окончена жатва, пред нами путь,
наш исконный путь, наш извечный путь,
Снова пора нам в Дальний Путь,
новый во все времена.

Снова нас к себе зовет бухта Золотых Ворот,
Мексиканский зовет залив,
Ждет нас север, где всегда солнце холоднее льда,
Ждет мыс Горн, суров и гневлив.
Там круты берега, милашка моя,
И соли хлебнешь сполна,
Там мужают люди, идущие в путь,
наш исконный путь, наш извечный путь,
И длиною в жизнь лежит Дальний Путь,
новый во все времена.

Эти дни тусклы, больны, а туманы холодны,
В серой мороси спит причал,
Душу я в заклад отдам, чтоб меня по всем морям
Пароход двухтрубный качал,
Что гружён под завязку, милашка моя,
Чья команда лихая хмельна,
Он ложится на курс и уходит в путь,
наш исконный путь, наш извечный путь,
На юг из Кадиса в Дальний Путь,
новый во все времена.

Ползать змею суждено, а орлу летать дано,
Человеку — искать жену,
Но счастливей пароход, что кренясь идет вперед,
Зарываясь носом в волну.
Грохочет винт, милашка моя,
И бьет в обшивку волна,
Средь пенных равнин мы держим путь,
наш исконный путь, наш извечный путь,
С ветром уходим в Дальний Путь,
новый во все времена.

Трубы черные пыхтят, кранцы подпевают в лад,
На причале брань работаг,
«Майна!» — полон третий трюм, вот умолк погрузки шум,
И взвивается синий флаг.
Приняли сходни, милашка моя,
Команда уже слышна:
«Отдать швартовы!» — и с Богом в путь,
наш исконный путь, наш извечный путь,
Снова уходим в Дальний Путь,
новый во все времена.

Сквозь туман едва ползем, не видать ни зги кругом,
Надрываясь, гудок ревет,

Весь фарватер облегла белая слепая мгла,
То и дело хлюпает лот.
Вон мыс Лоуэр-Хоуп, милашка моя,
Вон отмель Ганфли́т видна,
И нас маяки провожают в путь,
Наш исконный путь, наш извечный путь,
И снова пред нами Дальний Путь,
новый во все времена.

Блеск тропических ночей! За кормой струя огней
Затмевает небесный свет,
Море звездами горит, в пламени ныряет кит,
Оставляя искристый след.
Борта облупились, милашка моя,
Оснастка просоленá,
И в штиль, и в бурю мы держим путь,
Наш исконный путь, наш извечный путь,
Уводит нас к югу Дальний Путь,
новый во все времена.

Курс зюйд-вест и полный ход, клюзы пеной обдает,
И машина гулко стучит,
Средь рокочущих зыбёй нас валяет все сильнеей,
Южный Крест поднялся в зенит.
И пятятся звезды, милашка моя,
Встают по местам, как одна,
Сверкая во мраке, ведут нас в путь,
Наш исконный путь, наш извечный путь,
По Божьей Воле — в Дальний Путь,
новый во все времена.

Вдаль, о сердце, устремись, с мысом Форленд разминись,
Двадцать тысяч миль одолей,
Ах, как он пока далек, тот блаженный островок,
Где ждут раструбы орхидей!

И снова ветер над морем шумит,
И волн раздаётся хор —
Слышу зов морей: «Скорей, скорей,
В путь, в открытый простор!»

Бог весть в чем удача, милашка моя,
Черт знает почем она, —
Но снова уходим, уходим в путь,
наш исконный путь, наш извечный путь,
Нас ждет горизонт и Дальний Путь,
новый во все времена!

Перевод Н. Лебедевой

THE GIPSY TRAIL

The white moth to the closing bine,
The bee to the opened clover,
And the gipsy blood to the gipsy blood
Ever the wide world over.

Ever the wide world over, lass,
Ever the trail held true,
Over the world and under the world,
And back at the last to you.

Out of the dark of the gorgio camp,
Out of the grime and the gray
(Morning waits at the end of the world),
Gipsy, come away!

The wild boar to the sun-dried swamp,
The red crane to her reed,
And the Romany lass to the Romany lad
By the tie of a roving breed.

The pied snake to the rifted rock,
The buck to the stony plain,
And the Romany lass to the Romany lad,
And both to the road again.

Both to the road again, again!
Out on a clean sea-track —
Follow the cross of the gipsy trail
Over the world and back!

Follow the Romany patteran
North where the blue bergs sail,
And the bows are grey with the frozen spray,
And the masts are shod with mail.

Follow the Romany patteran
Sheer to the Austral Light,
Where the besom of God is the wild South wind,
Sweeping the sea-floors white.

Follow the Romany patteran
West to the sinking sun,
Till the junk-sails lift through the houseless drift.
And the east and west are one.

Follow the Romany patteran
East where the silence broods
By a purple wave on an opal beach
In the hush of the Mahim woods.

«The wild hawk to the wind-swept sky,
The deer to the wholesome wold,
And the heart of a man to the heart of a maid,
As it was in the days of old.»

The heart of a man to the heart of a maid —
Light of my tents, be fleet.
Morning waits at the end of the world,
And the world is all at our feet!

ЗНАК ЦЫГАНСКОЙ ТРОПЫ

Ночной мотылек — во цветущий сад,
Пчела — в заливные луга,
А цыганское сердце — цыганскому вслед
Через горы, моря и снега.

Через горы и доли, любовь моя,
Я, ведóm путеводной звездой,
Пройду весь свет за тобой вослед,
Чтобы встретиться снова с тобой.

Уходи, цыган, из чужих шатров,
Уходи и назад не гляди.
(Солнце за краем земли встает.)
Уходи, цыган, уходи!

Клыкастый вепрь — в болотную топь,
Выпь в камышовый затон,
А цыганка — туда, где цыган ее ждет,
Как велит цыганский закон.

Полосатый полоз — в глубокий овраг,
Козел — в каменистую падь,
А цыганка — туда, где цыган ее ждет,
И вдвоем в путь-дорогу опять!

Вдвоем в путь-дорогу опять, опять!
Там, где идут корабли,
Следуй знаку цыганской тропы —
Морем вокруг земли!

Пусть ведет тебя по свету знак-патеран
На Север, к плавучим льдам,
Твои палубы лед как броней закует,
Перекроет дорогу судам.

Пусть ведет тебя по свету знак-патеран
Курсом на сполохи Юга,
Где Господней метлой метет по морям
Дикая южная вьюга.

Пусть за солнцем ведет тебя знак-патеран
На Запад, где гаснет оно,
Где на глади вод парус джонки мелькнет,
Где Восток и Запад — одно.

Пусть ведет тебя по свету знак-патеран
На Восток, где, объят тишиной,
Замер лес у воды, где смывает следы
С белой дюны лиловый прибой.

«Степной орел — в небесный простор,
Серый перепел — в ковыли,
К сердцу женщины сердце мужчины влечет
С первых дней сотворенья земли.»

К сердцу женщины сердце мужчины влечет —
Гей, кибиток огни вдоль дорог!
Солнце за краем земли встает,
И весь мир — у наших ног!

Перевод В. Дымшица

GIPSY VANS

Unless you come of the gipsy stock

That steals by night and day,

Lock your heart with a double lock

And throw the key away.

Bury it under the blackest stone

Beneath your father's hearth,

And keep your eyes on your lawful own

And your feet to the proper path.

Then you can stand at your door and mock

When the gipsy vans come through...

For it isn't right that the Gorgio stock

Should live as the Romany do.

Unless you come of the gipsy blood

That takes and never spares,

Bide content with your given good

And follow your own affairs.

Plough and harrow and roll your land,

And sow what ought to be sowed;

But never let loose your heart from your hand,

Nor flitter it down the road!

Then you can thrive on your boughten food

As the gipsy vans come through...

For it isn't nature the Gorgio blood

Should love as the Romany do.

Unless you carry the gipsy eyes

That see but seldom weep,

Keep your head from the naked skies

Or the stars'll trouble your sleep.

Watch your moon through your window-pane

And take what weather she brews:

But don't run out in the midnight rain

Nor home in the morning dews.

Then you can huddle and shut your eyes

As the gipsy vans come through...

For it isn't fitting the Gorgio ryes

Should walk as the Romany do.

Unless you come of the gipsy race

That counts all time the same,

Be you careful of Time and Place

And Judgment and Good Name:

Lose your life for to live your life

The way that you ought to do;

And when you are finished, your God and your wife

And the Gipsies'll laugh at you!

Then you can rot in your burying-place

As the gipsy vans come through...

For it isn't reason the Gorgio race

Should die as the Romany do.

ЦЫГАНСКИЕ ТЕЛЕГИ

Если твой род — не цыганский род

(Мы и днем крадем и в ночи),

Сердце замкни на двойной оборот,

Выбрось подальше ключи.

Сунь их в черный крысиный лаз

Под очаг отцовский и бди,

Не своди с добра нажитого глаз,

С правых стезей не сходи.

И тогда ты в ухмылке скривишь свой рот,

Слыша скрип цыганских телег...

Ведь не дело, чтоб жил чужаков род,

Как романи, как человек.

Если кровь твоя — не цыганская кровь

(Где не клали, там мы берем),

Не твоя наша доля и наша любовь —

Оставайся-ка при своем.

Ты паши свое поле и борони,

Сей, что должен, а душу — в кулак,

Чтоб душа твоя (Боже ее храни!)

Не рванулась за нами во мрак!

И тогда никогда не покинешь свой кров,

Слыша скрип цыганских телег...

Ведь не в силах любить чужая кровь,

Как романи, как человек.

Если глаз твой — не черный цыганский глаз

(Что не знает ни слез, ни стыда),

В чистом поле ты не заснешь у нас,

Слишком ярко светит звезда.

На свою луну ты в окно гляди

И гадай о погоде, как все,

Но тебе — ни в дождливую полночь уйти,

Ни вернуться домой по росе.
*И тогда ты поднять не поднимешь глаз,
Слыша скрип цыганских телег...
Ведь не должен никто кочевать из вас,
Как романи, как человек.*

Если только родом ты не цыган
(Не загонишь цыгана в загон),
Береги свое Время и свой Карман,
Свое Место, Честь и Закон.
Проживи как должно отпущенный срок,
Чтоб услышать на склоне лет,
Как цыгане, жена твоя и твой Бог
Посмеются тебе вослед!
*И тогда ты сгниешь там, где сгнил твой клан,
Слыша скрип цыганских телег...
Ведь не может чужак умереть как цыган,
Как романи, как человек.*

Перевод В. Дымшица

«ANGUTIVAUN TAINA»

Our gloves are stiff with the frozen blood,
Our furs with the drifted snow,
As we come in with the seal — the seal!
In from the edge of the floe.

Au jana! Aua! Oha! Haq!
And the yelping dog-teams go;
And the long whips crack, and the men come back,
Back from the edge of the floe!

We tracked our seal to his secret place,
We heard him scratch below,
We made our mark, and we watched beside,
Out on the edge of the floe.

We raised our lance when he rose to breathe,
We drove it downward — so!
And we played him thus, and we killed him thus,
Out on the edge of the floe.

Our gloves are glued with the frozen blood,
Our eyes with the drifting snow;
But we come back to our wives again,
Back from the edge of the floe!

Au jana! Aua! Oha! Haq!
And the loaded dog-teams go;
And the wives can hear their men come back,
Back from the edge of the floe!

АНГУТИВАУН ТАИНА

Рукавицы у нас в замёрзшей крови —
Есть и людям, и псам еда!
Мы с тюленем, с тюленем спешим домой
Из-за края большого льда.

Ау яна! Ауа! Оха! Хак!
Хороша собачья езда!
Грозный бич свистит, и упряжка мчит
Из-за края большого льда.

Мы пошли за тюленем и лунку нашли
(Он всплывает дышать туда),
И поставили метку, и стали ждать
В середине большого льда.

А потом мы копьем убили его
(Мы без промаха бьем всегда)
И на сани вдвоем взвалили его
Там, у края большого льда.

Рукавицы у нас в ледяной крови —
Будет жирная всем еда!
К нашим женщинам в дом с тюленем идем
Из-за края большого льда.

Ау яна! Ауа! Оха! Хак!
Весела собачья езда!
Мы с добычей большой вернемся домой
Из-за края большого льда!

Перевод И. Комаровой

«OH, HUSH THEE, MY BABY»

Oh! hush thee, my baby, the night is behind us,
And black are the waters that sparkled so green.
The moon, o'er the combers, looks downward to find us
At rest in the hollows that rustle between.
Where billow meets billow, there soft be thy pillow;
Ah, weary wee flipperling, curl at thy ease!
The storm shall not wake thee, nor shark overtake thee,
Asleep in the arms of the slow-swinging seas.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ КОТИКУ

Малыш, баю-баю! Нас ночь укрывает,
Зеленые волны гуляют среди тьмы —
И только луна с высоты наблюдает,
Как в ямке меж волнами нежимся мы.
Для котика зыбка уютная зыбка,
Усталые лапки мы сложим на грудь.
Уснула акула, и буря уснула —
У моря в ладонях нельзя не уснуть.

Перевод С. Степанова

THE LAW OF THE JUNGLE

*Now this is the Law of the Jungle — as old and as true as the sky;
And the Wolf that shall keep it may prosper, but the Wolf
that shall break it must die.*

*As the creeper that girdles the tree-trunk the Law runneth
forward and back —
For the strength of the Pack is the Wolf, and the strength
of the Wolf is the Pack.*

Wash daily from nose-tip to tail-tip; drink deeply, but never too deep;
And remember the night is for hunting, and forget not the day is for sleep.

The Jackal may follow the Tiger, but, Cub, when thy whiskers are grown,
Remember the Wolf is a hunter — go forth and get food of thine own.

Keep peace with the Lords of the Jungle — the Tiger, the
Panther, the Bear;
And trouble not Hathi the Silent, and mock not the Boar in his lair.

When Pack meets with Pack in the Jungle, and neither will
go from the trail,
Lie down till the leaders have spoken — it may be fair words shall prevail.

When ye fight with a Wolf of the Pack, ye must fight him alone and afar,
Lest others take part in the quarrel, and the Pack be diminished by war.

The Lair of the Wolf is his refuge, and where he has made him his home,
Not even the Head Wolf may enter, not even the Council may come.

The Lair of the Wolf is his refuge, but where he has digged it too plain,
The Council shall send him a message, and so he shall change it again.

If ye kill before midnight, be silent, and wake not the woods
with your bay,
Lest ye frighten the deer from the crops, and the brothers go empty away.

Ye may kill for yourselves, and your mates, and your cubs
as they need, and ye can;
But kill not for pleasure of killing, and *seven times never kill Man!*

If ye plunder his Kill from a weaker, devour not all in thy pride;
Pack-Right is the right of the meanest; so leave him the head and the hide.

The Kill of the Pack is the meat of the Pack. Ye must eat where it lies;
And no one may carry away of that meat to his lair, or he dies.

The Kill of the Wolf is the meat of the Wolf. He may do what he will,
But, till he has given permission, the Pack may not eat of that Kill.

Cub-Right is the right of the Yearling. From all of his Pack he may claim
Full-gorge when the killer has eaten; and none may refuse him the same.

Lair-Right is the right of the Mother. From all of her year she may claim
One haunch of each kill for her litter; and none may deny her the same.

Cave-Right is the right of the Father — to hunt by himself for his own:
He is freed of all calls to the Pack; he is judged by the Council alone.

Because of his age and his cunning, because of his gripe and his paw.
In all that the Law leaveth open, the word of the Head Wolf is Law.

*Now these are the Laws of the Jungle, and many and mighty are they;
But the head and the hoof of the Law and the haunch and
the hump is — Obey!*

ЗАКОН ДЖУНГЛЕЙ

*Закон незыблем у Джунглей — и ты возьми его в толк:
Хорош Волк законопослушный, преступный Волк — мертвый Волк.*

*Закон и Джунгли едины. Так лиана ствол обрастает —
Ибо держится Стая на Волке, и держится Волк на Стае.*

Ежедневно вылизывай шкуру, пей вполводы — не со дна,
Помни: ночь для охоты; не забывай: день для сна.

Шакал пусть идет за Тигром, Волчонок же — сам с усам!
Помни, что Волк — охотник, поэтому кормится сам.

Помни: Владыки Джунглей — Тигр, Пантера, Медведь,
Кабан и Великий Хатхи. Их лучше в друзьях иметь.

Если столкнутся две Стаи — не проявляй свой нрав:
Жди, пока Вожаки не кончат переговоров.

С Волком из Стаи драться следует в стороне,
Чтоб не погрязла вся Стая в междоусобной войне.

Логово Волка — крепость, туда не войдет чужак,
Никто из Совета Стаи, не сунется даже Вожак.

Логово Волка — крепость, но если легко найти,
По решению Совета Стаи придется Волку уйти.

Волк, убивший оленя, не воет, а тихо ждет —
Ибо вспугнет другого — и Брат голодным уйдет.

Убей для себя и Волчицы, для Волчат, сколько надо, убей,
Но не убивай для потехи — и *убить человека не смей!*

Если отнял добычу у слабого — не вся тебе одному:
Право слабого помни — шкуру отдай ему.

Добыча Стаи — для Стаи: ешь ее прямо тут.
Ее про запас не тащат, утащишь — тебя убьют.

Добыча Волка — для Волка, слово его — закон.
Никто из Стаи не тронет, пока не позволит он.

Право Волков годовалых за сытым Волком подъесть.
В Стае никто не откажет — можешь есть, сколько есть.

Право Волчицы — долю с добычи сверстников брать.
В Стае никто не откажет — Волчатам отдаст ее мать.

Право матерого Волка — охотиться одному.
В Стаю его не кличут: его добыча — ему.

За то, что могуч и проворен, и мудрость его велика —
Там, где Закон безмолвствует, Закон — приказ Вожака.

*Законов у Джунглей много — помни их назначенье,
Но копыта и когти Закона, и голова — ПОДЧИНЕНЬЕ!*

Перевод С. Степанова

HARP SONG OF THE DANE WOMEN

What is a woman that you forsake her,
And the hearth-fire and the home-acre,
To go with the old grey Widow-maker?

She has no house to lay a guest in —
But one chill bed for all to rest in,
That the pale suns and the stray bergs nest in.

She has no strong white arms to fold you,
But the ten-times-fingering weed to hold you —
Out on the rocks where the tide has rolled you.

Yet, when the signs of summer thicken,
And the ice breaks, and the birch-buds quicken,
Yearly you turn from our side, and sicken —

Sicken again for the shouts and the slaughters.
You steal away to the lapping waters,
And look at your ship in her winter-quarters.

You forget our mirth, and talk at the tables,
The kine in the shed and the horse in the stables —
To pitch her sides and go over her cables.

Then you drive out where the storm-clouds swallow,
And the sound of your oar-blades, falling hollow,
Is all we have left through the months to follow.

Ah, what is Woman that you forsake her,
And the hearth-fire and the home-acre,
To go with the old grey Widow-maker?

АРФЫ ДАТСКИХ ЖЕНЩИН

Не жены радуют вас, а вдовы:
Вы бросить дом и очаг готовы,
Уйти к Разлучнице в край ледовый.

Ей муж прохожего не дороже,
Она вам стелет одно и то же
Под бледным солнцем пустое ложе.

Прибой вас бьет, по камням таская,
Не руки белые, а морская
Трава обнимет, не отпуская.

Но стоит зимним кострам потухнуть,
Фиордам вскрыться, торосам рухнуть,
И почкам чахлым берёз набухнуть,

Как вы пьяны предвкушеньем крови,
Забыв и думать об отчем крове,
Забросив стойло и хлев коровий;

Что вам веселье за мирной чашей! —
Оно побоищ для вас не краше:
По вёслам руки скучают ваши.

В ладьях уйдете вы остроносых,
А мы под сводом небес белёсых
Вас ждать останемся на утесах.

Нет, вам не жены нужны, а вдовы,
Вы бросить дом и очаг готовы,
Уйти к Разлучнице в край ледовый.

Перевод Р. Дубровкина

THE PRAYER OF MIRIAM COHEN

From the wheel and the drift of Things
Deliver us, Good Lord,
And we will face the wrath of Kings,
The faggot and the sword!

Lay not Thy Works before our eyes
Nor vex us with Thy Wars,
Lest we should feel the straining skies
O'ertrod by trampling stars.

Hold us secure behind the gates
Of saving flesh and bone,
Lest we should dream what Dream awaits
The Soul escaped alone.

Thy Path, Thy Purposes conceal
From our beleaguered realm,
Lest any shattering whisper steal
Upon us and overwhelm.

A veil 'twixt us and Thee, Good Lord,
A veil 'twixt us and Thee —
Lest we should hear too clear, too clear,
And unto madness see!

МОЛИТВА МИРИАМ КОЭН

О Господи, затми тщетой
Мятущийся наш взор,
Чтоб слепо шли мы на убой
И слепо на костер.

Свои Деяния от нас
И Битвы утай,
Чтоб мы не поднимали глаз
На небеса Твои.

И наши души сохрани
В неведение о том,
Куда, покинув плоть, они
Отправятся потом.

Свой Путь, Свой Промысел сокрой
И отврати Глагол,
Чтоб нас и Шепот даже Твой
В смущенье не привел.

Пусть вечно разделяет нас
Глухой завесой Тьма,
Чтоб Око Божие и Глас
Нас не свели с ума.

Перевод С. Степанова

THE GALLEY-SLAVE

Oh, gallant was our galley from her carven steering-wheel
To her figurehead of silver and her beak of hammered steel.
The leg-bar chafed the ankle and we gasped for cooler air,
But no galley on the waters with our galley could compare!

Our bulkheads bulged with cotton and our masts were stepped in gold —
We ran a mighty merchandise of niggers in the hold;
The white foam spun behind us, and the black shark swam below,
As we gripped the kicking sweep-head and we made the galley go.

It was merry in the galley, for we revelled now and then —
If they wore us down like cattle, faith, we fought and loved like men!
As we snatched her through the water, so we snatched a minute's bliss,
And the mutter of the dying never spoiled the lover's kiss.

Our women and our children toiled beside us in the dark —
They died, we filed their fetters, and we heaved them to the shark —
We heaved them to the fishes, but so fast the galley sped
We had only time to envy, for we could not mourn our dead.

Bear witness, once my comrades, what a hard-bit gang were we —
The servants of the sweep-head, but the masters of the sea!
By the hands that drove her forward as she plunged and
yawed and sheered,
Woman, Man, or God or Devil, was there anything we feared?

Was it storm? Our fathers faced it and a wilder never blew.
Earth that waited for the wreckage watched the galley struggle through.
Burning noon or choking midnight, Sickness, Sorrow, Parting, Death?
Nay, our very babes would mock you had they time for idle breath.

ГРЕБЕЦ ГАЛЕРЫ

Хороша была галера: румпель был у нас резной,
И серебряным тритоном нос украшен был стальной.
Кандалы нам терли ноги, воздух мы хватали ртом,
Полным ходом шла галера. Шли акулы за бортом.

Белый хлопок мы возили, слитки золота и шерсть,
Сколько ниггеров отменных мы распрóдали — не счесть.
Нет, галеры лучше нашей не бывало на морях,
И вперед галеру гнали наши руки в волдырях.

Как скотину, изнуряли нас трудом. Но в час гульбы
Брали мы в любви и в драке все, что можно, у Судьбы
И блаженство вырывали под предсмертный хрип других
С той же силой, что ломали мы хребты валóв морских.

Труд губил и женщин наших, и детей, и стариков.
Зá борт мы бросали мертвых, их избавив от оков.
Мы акулам их бросали, мы до одури гребли
И скорбеть не успевали, лишь завидовать могли.

Но — собратья мне порукой — в мире не было людей
Крепче, чем рабы галеры и властители морей.
Если с курса не сбивались мы при яростных волнах —
Человек ли, Бог ли, дьявол, — что могло внушить нам страх?

Шторм? Ну что ж, на предков наших тоже шли валы́ стеной,
Но галера одолела самый страшный шторм земной.
Скорбь? Недуги? Смерть?.. Оставьте! Да почли бы за позор
Даже дети на галере отвечать на этот вздор.

Но сегодня — всё. С галерой счеты кончены мои.
Имя от меня осталось — там, на бимсе, у скамьи.
Ну, а мне — свобода видеть, как с соленой синевой
Бьются люди, что свободны, кроме вёсел, от всего.

Но глаза мои слезятся: непривычен яркий свет.
Лишь клеймо я заработал и оков глубокий след.
От плетей рубцы и язвы, что вовек не заживут.
Но готов за ту же плату я продолжить тот же труд.

И пускай твердят всё громче, что недобрый час настал,
Что накрыть галеру должен с Севера идущий вал.
Если бунт поднимут негры, кровью палубу залив,
Дрогнет кормчий, и галера врежется в прибрежный риф.

Не спускайте флаг на мачте, не расходуйте ракет:
С моря к ней придут на помощь все гребцы минувших лет.
И себя привяжут люди, чья награда — цепь и кнут,
К оскопившей их скамейке, и с веслом в руках умрут.

Войско сильных и увечных, ссыльных, нанятых, рабов —
Все дворцы, лачуги, тюрьмы выставят своих бойцов
В день, когда дымится небо, палуба в огне дрожит
И у тех, кто тушит пламя, стиснуты в зубах ножи.

Я молю, чтоб в эту пору быть в живых мне повезло:
Пусть дерется тот, кто молод, я приму его весло.
И горжусь я, оставляя труд и муку за спиной,
Что Мужчины разделяли эту каторгу со мной.

Перевод Е. Дунаевской

THE ROMAN CENTURION'S SONG

Roman Occupation of Britain, A. D. 300

Legate, I had the news last night — my cohort ordered home
By ships to Portus Itius and thence by road to Rome.
I've marched the companies aboard, the arms are stowed below:
Now let another take my sword. Command me not to go!

I've served in Britain forty years, from Vectis to the Wall.
I have none other home than this, nor any life at all.
Last night I did not understand, but, now the hour draws near
That calls me to my native land, I feel that land is here.

Here where men say my name was made, here where my work was done;
Here where my dearest dead are laid — my wife — my wife and son;
Here where time, custom, grief and toil, age, memory, service, love,
Have rooted me in British soil. Ah, how can I remove?

For me this land, that sea, these airs, those folk and fields suffice.
What purple Southern pomp can match our changeful Northern skies,
Black with December snows unshed or pearly with August haze —
The clanging arch of steel-grey March, or June's long-lighted days?

You'll follow widening Rhodanus till vine and olive lean
Aslant before the sunny breeze that sweeps Nemausus clean
To Arelate's triple gate; but let me linger on,
Here where our stiff-necked British oaks confront Euroclydon!

You'll take the old Aurelian Road through shore-descending pines
Where, blue as any peacock's neck, the Tyrrhene Ocean shines.
You'll go where laurel crowns are won, but — will you e'er forget
The scent of hawthorn in the sun, or bracken in the wet?

Let me work here for Britain's sake — at any task you will —
A marsh to drain, a road to make or native troops to drill.
Some Western camp (I know the Pict) or granite Border keep,
Mid seas of heather derelict, where our old messmates sleep.

Legate, I come to you in tears — My cohort ordered home!
I've served in Britain forty years. What should I do in Rome?
Here is my heart, my soul, my mind — the only life I know.
I cannot leave it all behind. Command me not to go!

ПЕСНЯ РИМСКОГО ЦЕНТУРИОНА

Римское владычество в Британии, 300 г. н. э.

Легат, я получил приказ идти с когортой в Рим,
По морю к Порту Итию, а там — путем сухим;
Отряд мой отправленья ждет, взойдя на корабли,
Но пусть мой меч другой возьмет. Остаться мне вели!

Я прослужил здесь сорок лет, все сорок воевал,
Я видел и скалистый Вект, и Адрианов Вал,
Мне все места знакомы тут, но лишь узнав о том,
Что в Рим, домой, меня зовут, я понял: здесь мой дом.

Здесь счастлив был я в старину, здесь имя заслужил,
Здесь сына — сына и жену я в землю положил,
Здесь годы, память, пот и труд, любовь и боль утрат
Вросли навек в британский грунт. Как вырвать их, легат?

Я здешний полюбил народ, равнины и леса.
Ну лучше ль южный небосвод, чем наши небеса,
Где августа жемчужный свет, и мгла январских бурь,
И клочья туч, и марта луч сквозь бледную лазурь?

Вдоль Родануса вам идти, где зреет виноград
И клонит лозы бриз, летя в Немауз и Арелат.
Но мне позволь остаться здесь, где спорят испокон
Британский крепкошей дуб и злой эвроклидон.

Ваш путь туда, где сосен строй спускается с бугра
К волне Тирренской, что синей павлиньего пера.
Тебя лавровый ждет венок, но неужели там
Забудешь ты, как пахнет дрок, желтея по камням?

Я буду Риму здесь служить, пошли меня опять
Болота гатить, лес валить, иль пиктов усмирять,
Или в дозор водить отряд вдоль Северной Стены,
В разливы вёреска, где спят Империи сыны.

Легат, не скрывать мне слез — чуть свет уйдет когорта в Рим!
Я прослужил здесь сорок лет. Я буду там чужим!
Здесь сердце, память, жизнь моя, и нет родней земли.
Ну как ее покину я? Остаться мне вели!

Перевод А. Глебовской

DANE-GELD

A. D. 980—1016

It is always a temptation to an armed and agile nation
To call upon a neighbour and to say: —
«We invaded you last night — we are quite prepared to fight,
Unless you pay us cash to go away.»

And that is called asking for Dane-geld,
And the people who ask it explain
That you've only to pay 'em the Dane-geld
And then you'll get rid of the Dane!

It is always a temptation to a rich and lazy nation,
To puff and look important and to say: —
«Though we know we should defeat you, we have not the
time to meet you.
We will therefore pay you cash to go away.»

And that is called paying the Dane-geld;
But we've proved it again and again,
That if once you have paid him the Dane-geld
You never get rid of the Dane.

It is wrong to put temptation in the path of any nation,
For fear they should succumb and go astray;
So when you are requested to pay up or be molested,
You will find it better policy to say: —

«We never pay *any*-one Dane-geld,
No matter how trifling the cost;
For the end of that game is oppression and shame,
And the nation that plays it is lost!»

«ДАНЬ ДАНИИ»

980-1016 гг.

Соблазнительно для нации скорой на́ руку формации

Прийти с мечом к соседу и сказать:

«Вы уже окружены! Вложим мы мечи в ножны́,

Если вы согласны откуп дать».

И это зовется «Дань Дании»:

Захватчик дает вам понять,

Что если получит «Дань Дании»,

То армия двинется вспять.

Соблазнительно для нации обленившейся формации

Мошну свою похлопать и сказать:

«Мы могли бы и сразиться — только некогда возиться!

Мы предпочитаем откуп дать».

И это зовется «Дань Дании»:

Но, право, пора и понять,

Что стоит хоть раз дать «Дань Дании» —

Захватчик ворвется опять.

Отвратительна для нации перспектива оккупации,

Но ежели придется выбирать —

Откупиться ли деньгами или в бой вступить с врагами —

Будет лучше прямо им сказать:

«Отродясь не платили «Дань Дании»!
Да и дело совсем не в деньгах!
Ведь такой договор — это стыд и позор
И для нации гибель и крах!»

Перевод С. Степанова

SIR RICHARD'S SONG

A. D. 1066

I followed my Duke ere I was a lover,
 To take from England fief and fee;
But now this game is the other way over —
 But now England hath taken me!

I had my horse, my shield and banner,
 And a boy's heart, so whole and free;
But now I sing in another manner —
 But now England hath taken me!

As for my Father in his tower,
 Asking news of my ship at sea,
He will remember his own hour —
 Tell him England hath taken me!

As for my Mother in her bower,
 That rules my Father so cunningly,
She will remember a maiden's power —
 Tell her England hath taken me!

As for my Brother in Rouen City,
 A nimble and naughty page is he,
But he will come to suffer and pity —
 Tell him England hath taken me!

As for my little Sister waiting
 In the pleasant orchards of Normandie,
Tell her youth is the time for mating —
 Tell her England hath taken me!

As for my comrades in camp and highway,
That lift their eyebrows scornfully,
Tell them their way is not my way —
Tell them England hath taken me!

Kings and Princes and Barons famed,
Knights and Captains in your degree;
Hear me a little before I am blamed —
Seeing England hath taken me!

Howso great man's strength be reckoned,
There are two things he cannot flee.
Love is the first, and Death is the second —
And Love in England hath taken me!

ПЕСНЯ СЭРА РИЧАРДА

1066 г.

Я с герцогом Вильгельмом вместе
Отправился, броней звеня,
Взять в Англии себе поместье:
Но Англия взяла меня.

Что знал я? Меч, коня и сбрую,
Свободу юности храня.
Теперь я песнь пою иную:
Ведь Англия взяла меня.

Отец известий ожидает,
Моря и мой корабль кляня.
Он все поймет, когда узнает,
Что Англия взяла меня.

Мать из него веревки вяжет,
Хоть он упрямее кремня,
Мать вспомнит юность, как ей скажут,
Что Англия взяла меня.

Мой брат, веселый паж в Руане,
Седлает рыцарю коня,
Но сожалеть он, верно, станет,
Что Англия взяла меня.

Сестре пока всего дороже
Игра и шумная возня.
Ей объяснить сумеют тоже,
Что Англия взяла меня.

Друзья по битве и по чаше
Нахмурятся, меня браня,
Но разошлись дороги наши:
Ведь Англия взяла меня.

Собрание рыцарей известных,
Не сетуйте, меня вина,
А дайте объяснить вам честно,
Как Англия взяла меня.

Никто пройти не может мимо
Судьбой назначенного дня.
Любовь и Смерть неотвратимы,
И вот — Любовь взяла меня!

Перевод Г. Усовой

AN ASTROLOGER'S SONG

To the Heavens above us
 O look and behold
The Planets that love us
 All harnessed in gold!
What chariots, what horses
 Against us shall bide
While the Stars in their courses
 Do fight on our side?

All thought, all desires,
 That are under the sun,
Are one with their fires,
 As we also are one.
All matter, all spirit,
 All fashion, all frame,
Receive and inherit
 Their strength from the same.

Oh, man that deniest
 All power save thine own,
Their power in the highest
 Is mightily shown.
Not less in the lowest
 That power is made clear.
(Oh, man, if thou knowest,
 What treasure is here!)

Earth quakes in her throes,
 And we wonder for why.
But the blind planet knows
 When her ruler is nigh;
And, attuned since Creation
 To perfect accord,
She thrills in her station
 And yearns to her Lord.

The waters have risen,
 The springs are unbound —
The floods break their prison,
 And ravin around.
No rampart withstands 'em,
 Their fury will last,
Till the Sign that commands 'em
 Sinks low or swings past.

Through abysses unproven,
 O'er gulfs beyond thought,
Our portion is woven,
 Our burden is brought.
Yet They that prepare it,
 Whose Nature we share,
Make us who must bear it
 Well able to bear.

Though terrors o'ertake us
 We'll not be afraid.
No Power can unmake us
 Save that which has made:
Nor yet beyond reason
 Or hope shall we fall —
All things have their season,
 And Mercy crowns all!

Then, doubt not, ye fearful —
 The Eternal is King —
Up, heart, and be cheerful,
 And lustily sing: —
What chariots, what horses
 Against us shall bide
While the Stars in their courses
 Do fight on our side?

ПЕСНЯ АСТРОЛОГА

В полночные светы
 Вглядись же хоть раз —
Сверкают Планеты,
 Хранящие нас.
Неужто с врагами
 Нам не совладать,
Коль с нами — над нами! —
 Небесная рать.

Все наши желанья,
 И думы, и сны
Огнем Мирозданья
 Меж звезд зажжены.
И дух наш, и тело,
 И образ, и путь
От тех же пределов
 Наследуют суть.

Кто волей свободной
 Спесивился всласть,
Звезды Путеводной
 Не чувствовал Власть,
Звезды Недвижимой
 Не понял Закон,
Свободою мнимой
 Навек ослеплен.

Содвинутся горы —
 Знай — это Земля,
Из общего хора
 Владыке внемля,
Его Приближенье
 Услышит опять
И дрожь восхищенья
 Не сможет унять.

Подымутся воды,
 Прихлынут ручьи,
Стремя на свободу
 Потоки свои —
Бороться напрасно,
 Преграды им нет,
Их ярость подвластна
 Лишь ходу Планет.

Из хаоса нитей
 Над бездной времен
В цепочку событий
 Наш жребий вплетен,
И нить его Пряха
 Так держит в горсти́,
Чтоб ношу без страха
 Ты мог пронести.

Сомненья терзают —
 Ты помни одно:
Лишь Тот отнимает,
 Кем было дано,
Кто, голос твой слыша,
 Всему судит срок
И Милостью свыше
 Подводит итог!

Так будь же смелее —
 Предвечный с тобой!
Гляди веселее
 И весело пой:
Неужто с врагами
 Нам не совладать,
Коль с нами — над нами! —
 Небесная рать.

Перевод Т. Чернышевой

A ST. HELENA LULLABY

«How far is St. Helena from a little child at play?»
What makes you want to wander there with all the world between?
Oh, Mother, call your son again or else he'll run away.
(No one thinks of winter when the grass is green!)

«How far is St. Helena from a fight in Paris street?»
I haven't time to answer now — the men are falling fast.
The guns begin to thunder, and the drums begin to beat.
(If you take the first step, you will take the last!)

«How far is St. Helena from the field of Austerlitz?»
You couldn't hear me if I told — so loud the cannon roar.
But not so far for people who are living by their wits.
(«Gay go up» means «Gay go down» the wide world o'er!)

«How far is St. Helena from an Emperor of France?»
I cannot see — I cannot tell — the Crowns they dazzle so.
The Kings sit down to dinner, and the Queens stand up to dance.
(After open weather you may look for snow!)

«How far is St. Helena from the Capes of Trafalgar?»
A longish way — a longish way — with ten year more to run.
It's South across the water underneath a falling star.
(What you cannot finish you must leave undone!)

«How far is St. Helena from the Beresina ice?»
An ill way — a chill way — the ice begins to crack.
But not so far for gentlemen who never took advice.
(When you can't go forward you must e'en come back!)

«How far is St. Helena from the field of Waterloo?»
A near way — a clear way — the ship will take you soon.
A pleasant place for gentlemen with little left to do.
(Morning never tries you till the afternoon!)

«How far from St. Helena to the Gate of Heaven's Grace?»
That no one knows — that no one knows — and no one ever will.
But fold your hands across your heart and cover up your face,
And after all your trapesings, child, lie still!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ОСТРОВА СВ. ЕЛЕНЫ

«Далёко ль до Елены от светлых детских лет?»
Зачем блуждать в тех далях, что помнятся едва.
Ах, мама, кликни сына, спаси весь мир от бед.
(Кто думает про зиму, пока, шумит листва?)

«Далёко ль до Елены от уличных боёв?»
Нет времени ответить — наполнен смертью мрак.
В Париже барабаны, в Париже — пушек рев.
(За первым неизменно грядет последний шаг!)

«Далёко ль до Елены от Пра́ценских высот?»
Не спрашивай — не слышно, вокруг орудий гром.
Того, кто рвется к цели, успех не обойдет.
(Паденье будет быстрым, коль быстрым был подъем!)

«Далёко ль до Елены от царского венца?»
Слепят лучи Короны — не размежить мне век.
Вступает Император под гулкий свод дворца.
(За ясною погодой подчас приходит снег!)

«Далёко ль до Елены от мыса Трафальгар?»
О, долог путь, так долог — мне десять лет идти
К закату на Елене, что так багров и яр.
(Не можешь кончить дѣла — бросай на полпути!)

«Далёко ль до Елены от льда Березины?»
Нелегкий путь, недобрый, и трескается лед.
Тому, кто сам все знает, советы не нужны.
(Есть только путь обратно, где нет пути вперед!)

«Далёко ль до Елены от поля Ватерлоо?»
Так явствен путь, так ясен — корабль ждет давно.
Приют для тех, которым в конце не повезло.
(Узнать, в чем прелесть утра, лишь вечером дано!)

«Далёко ль от Елены до Врат на Небеса?»
О, путь туда неведом, неведом исконí.
Скрести привычно руки, закрой, дитя, глаза
И, наигравшись вдоволь, спокойным сном усни!

Перевод А. Глебовской

THE CRAFTSMAN

Once, after long-drawn revel at The Mermaid
He to the overbearing Boanerges
Jonson, uttered (if half of it were liquor,
Blessed be the vintage!)

Saying how, at an alehouse under Cotswold,
He had made sure of his very Cleopatra
Drunk with enormous, salvation-contemning
Love for a tinker.

How, while he hid from Sir Thomas's keepers,
Crouched in a ditch and drenched by the midnight
Dews, he had listened to gipsy Juliet
Rail at the dawning.

How at Bankside, a boy drowning kittens
Winced at the business; whereupon his sister —
Lady Macbeth aged seven — thrust 'em under,
Sombrely scornful.

How on a Sabbath, hushed and compassionate —
She being known since her birth to the townsfolk —
Stratford dredged and delivered from Avon
Dripping Ophelia.

So, with a thin third finger marrying
Drop to wine-drop domed on the table,
Shakespeare opened his heart till the sunrise
Entered to hear him.

London waked and he, imperturbable,
Passed from waking to hurry after shadows...
Busied upon shows of no earthly importance?
Yes, but he knew it!

МАСТЕР

Засидевшись за выпивкой в «Русалке»,
Он рассказывал Бену Громовержцу
(Если это вино в нем говорило —
Вакху спасибо!)

И о том, как под Челси он в трактире
Настоящую встретил Клеопатру,
Опьяневшую от безумной страсти
К меднику Дику;

И о том, как, скрываясь от лесничих,
В темном рву, от росы насквозь промокший,
Он подслушал цыганскую Джульетту,
Клявшую утро;

И о том, как малыш дрожал, не смея
Трех котят утопить, а вот сестрица,
Леди Макбет семи годков, их мрачно
Бросила в Темзу;

И о том, как в субботу приунывший
Стратфорд в Эвоне выловить пытался
Ту Офелию, что еще девчонкой
Знали повсюду.

Так Шекспир раскрывал в беседе сердце,
Обручая на столике мизинцем
Каплю с каплей вина, пока послушать
Солнце не встало.

Вместе с Лондоном он тогда, очнувшись,
Вновь помчался гоняться за тенями;
А что это пустое, может, дело,
Сам понимал он.

Перевод И. Оказова

«CITIES AND THRONES AND POWERS»

Cities and Thrones and Powers
Stand in Time's eye,
Almost as long as flowers,
Which daily die:
But, as new buds put forth
To glad new men,
Out of the spent and unconsidered Earth
The Cities rise again.

This season's Daffodil,
She never hears
What change, what chance, what chill,
Cut down last year's;
But with bold countenance,
And knowledge small,
Esteems her seven days' continuance
To be perpetual.

So Time that is o'er-kind
To all that be,
Ordains us e'en as blind,
As bold as she:
That in our very death,
And burial sure,
Shadow to shadow, well persuaded, saith,
«See how our works endure!»

ВРЕМЕНИ ОЧИ БЕЗГНЕВНЫ...

Времени очи безгневны,
Поступь тверда:
Словно цветы, однодневны
Силы и Города.
Гибнут престолы, но снова,
Травам под стать,
Город из праха земного
Жаждет восстать.

Разве рожденный сегодня
Знает нарцисс,
Как над землей прошлогодней
Холод навис.
Нет, он от юной отваги
Только пьяней:
Вечностью мнятся бедняге
Семь летних дней.

Время сочувствует людям —
Дерзким сынам.
Жить неизменно мы будем, —
Кажется нам.
И, не поддавшись смятенью,
Возле могилы самой,
Хвалится тень перед тенью:
«Труд не изгладится мой!»

Перевод Р. Дубровкина

THE GODS OF THE COPYBOOK HEADINGS

As I pass through my incarnations in every age and race,
I make my proper prostrations to the Gods of the Market Place.
Peering through reverent fingers I watch them flourish and fall,
And the Gods of the Copybook Headings, I notice, outlast them all.

We were living in trees when they met us. They showed us each in turn
That Water would certainly wet us, as Fire would certainly burn:
But we found them lacking in Uplift, Vision and Breadth of Mind,
So we left them to teach the Gorillas while we followed the
March of Mankind.

We moved as the Spirit listed. *They* never altered their pace,
Being neither cloud nor wind-borne like the gods of the Market-Place;
But they always caught up with our progress, and presently
word would come
That a tribe had been wiped off its icefield, or the lights
had gone out in Rome.

With the Hopes that our World is built on they were utterly out of touch.
They denied that the Moon was Stilton; they denied she was even Dutch.
They denied that Wishes were Horses; they denied that a Pig had Wings.
So we worshipped the Gods of the Market Who promised
these beautiful things.

When the Cambrian measures were forming, They
promised perpetual peace.
They swore, if we gave them our weapons, that the wars of
the tribes would cease.
But when we disarmed They sold us and delivered us bound to our foe,
And the Gods of the Copybook Headings said: «*Stick to
the Devil you know.*»

On the first Feminian Sandstones we were promised the Fuller Life
(Which started by loving our neighbour and ended by loving his wife)
Till our women had no more children and the men lost reason and faith,
And the Gods of the Copybook Headings said: «*The Wages
of Sin is Death.*»

In the Carboniferous Epoch we were promised abundance for all,
By robbing selected Peter to pay for collective Paul;
But, though we had plenty of money, there was nothing
our money could buy,
And the Gods of the Copybook Headings said: «*If you don't work you die.*»

Then the Gods of the Market tumbled, and their smooth-
tongued wizards withdrew,
And the hearts of the meanest were humbled and began to
believe it was true
That All is not Gold that Glitters, and Two and Two make Four —
And the Gods of the Copybook Headings limped up to
explain it once more.

.....

As it will be in the future, it was at the birth of Man —
There are only four things certain since Social Progress began: —
That the Dog returns to his Vomit and the Sow returns to her Mire,
And the burnt Fool's bandaged finger goes wabbling back to the Fire;

And that after this is accomplished, and the brave new world begins
When all men are paid for existing and no man must pay for his sins,
As surely as Water will wet us, as surely as Fire will burn,
The Gods of the Copybook Headings with terror and slaughter return!

БОГИ АЗБУЧНЫХ ИСТИН

Проходя сквозь века и страны в обличье всех рас земных,
Я сжился с Богами Тóржищ и чтил по-своему их.
Я видел их Мощь и их Немошь, я дань им платил сполна.
Но Боги Азбучных Истин — вот Боги на все времена!

Еще на деревьях отчих от Них усвоил народ:
Вода — непременно мочит. Огонь — непременно жжет.
Но нашли мы подход бескрылым: где Дух, Идеал, Порыв?
И оставили их Гориллам, на Стезю Прогресса вступив.

С Ветром Времени мы летели. Они не спешили ничуть.
Не мчались, как Боги Торжищ, куда бы ни стало дуть.
Но Слово к нам нисходило, чуть только мы воспарим,
И племя ждала могила, и рушился гордый Рим.

Они были глúхи к Надеждам, которыми жив Человек:
Молочные реки — где ж там! Нет и Медом текущих рек!
И ложь, что Мечты — это Крылья, и ложь, что Хотеть значит Мочь,
А Боги Торжищ твердили, что все так и есть, точь-в-точь.

Когда затевался Кембрий, возвестили нам Вечный мир:
Бросайте наземь оружье, сзывайте чужих на пир!
И продали нас, безоружных, в рабство, врагу под ярём,
А Боги Азбучных Истин сказали: «*Верь, да не всем!*»

Под клики «Равенство дамам!» жизнь в цвету нам сулил Девон,
И ближних мы возлюбили, но пуще всего — их жен.
И мужи о чести забыли, и жены детей не ждут,
А Боги Азбучных Истин сказали: «Гибель за блуд!»

Ну, а в смутное время Карбона обещали нам горы добра:
Нищий Павел, соединяйся и раздень богатея Петра!
Деньжищ у каждого — прорва, а товара нету нигде.
И Боги Азбучных Истин сказали: «Твой Хлеб — в Труде!»

И тут Боги Торжищ качнулись, льстивый хор их жрецов притих,
Даже нищие духом очнулись и дошло наконец до них:
Не все, что Блестит, то Золото, Дважды два — не три и не пять,
И Боги Азбучных Истин вернулись учить нас опять.

.....

Так было, так есть и будет, пока Человек не исчез.
Всего четыре Закона принес нам с собой Прогресс:
Пес придет на свою Блевотину, Свинья свою Лужу найдет,
И Дурак, набив себе шишку, снова об пол Лоб расшибет.

А когда, довершая дело, Новый мир пожалует к нам.
Чтоб воздать нам по нуждам нашим, никому не воздав по грехам, —
Как Воде суждено мочить нас, как Огню положено жечь,
Боги Азбучных Истин нагрянут, подъявши меч!

Перевод И. Грингольца и Т. Гринголец

THE PRODIGAL SON

Western Version

Here come I to my own again,
Fed, forgiven and known again,
Claimed by bone of my bone again
And cheered by flesh of my flesh.
The fatted calf is dressed for me,
But the husks have greater zest for me.
I think my pigs will be best for me,
So I'm off to the Yards afresh.

I never was very refined, you see,
(And it weighs on my brother's mind, you see)
But there's no reproach among swine, d'you see,
For being a bit of a swine.
So I'm off with wallet and staff to eat
The bread that is three parts chaff to wheat,
But glory be! — there's a laugh to it,
Which isn't the case when we dine.

My father glooms and advises me,
My brother sulks and despises me,
And Mother catechises me
Till I want to go out and swear.
And, in spite of the butler's gravity,
I know that the servants have it I
Am a monster of moral depravity,
And I'm damned if I think it's fair!

I wasted my substance, I know I did,
On riotous living, so I did,
But there's nothing on record to show I did
More than my betters have done.
They talk of the money I spent out there —
They hint at the pace that I went out there —
But they all forget I was sent out there
Alone as a rich man's son.

So I was a mark for plunder at once,
And lost my cash (can you wonder?) at once,
But I didn't give up and knock under at once.
I worked in the Yards, for a spell,
Where I spent my nights and my days with hogs,
And shared their milk and maize with hogs,
Till, I guess, I have learned what pays with hogs
And — I have that knowledge to sell!

So back I go to my job again,
Not so easy to rob again,
Or quite so ready to sob again
On any neck that's around.
I'm leaving, Pater. Good-bye to you!
God bless you, Mater! I'll write to you. ...
I wouldn't be impolite to you,
But, Brother, you *are* a hound!

БЛУДНЫЙ СЫН

На западный манер

Вот я и вернулся к своим опять,
Накормлен, прощен и любим опять,
Я признан сыном родным опять, —
Отец до беспамятства рад.
Закололи тельца потучней для меня.
Но бывали помои вкусней для меня.
Легче жить среди стада свиней для меня —
И решил я уйти назад.

Я изысканным сроду не слыл — ну что ж.
(Брат за это меня не любил. Ну что ж!)
А вот свиньям я истинно мил — ну что ж,
Значит, что-то во мне — от свиньи.
Пусть же посох дорожный мой снова стучит
В зачерствелых лепешках полóва горчит,
Но пусть рядом веселое слово звучит,
Что забудешь в кругу семьи.

Суровый отец поучает меня,
Заносчивый брат презирает меня,
Мать какой-нибудь притчей встречает меня —
Тут непросто смирить свой нрав.
Дворецкий услужлив, но рот кривит.
Для него я, конечно, — урод, чей вид
И честную семью, и весь род язвит.
Будь я проклят, если он прав!

Да, я разорился дотла — это так.
Все спустил на дурные дела — это так.
Но не слишком ли зла хула — и так
Я за все заплатил и плачу!
Кто здесь только не укорял меня,
Кто беспутством не попрекал меня,
А ведь это отец отослал меня —
Мол, положено богачу.

Там я легкой добычею стал тотчас,
Там добро свое все потерял тотчас,
Но ведь я же домой не сбежал тотчас,
А решил работать — и смог!
В хлеву, где я месяцы кряду жил —
Да, со всякой скотиною рядом жил! —
Где одно лишь себе я в награду нажил —
Опыт. Запасся впрок.

И вот я возвращаюсь туда опять.
Трудно к ворам уйти — навсегда! — опять.
Да все лучше, чем лить без стыда опять
Перед всеми потоки слез!
Я теперь, отец, ухожу к себе.
Прости, матушка, я напишу о себе...
Я обиды, братец, ношу в себе,
Но ты все же — поганый пес.

Перевод Т. Чернышевой

ДЕТИ МАРФЫ

Дети Марии легко живут, к части они рождены благой.
А Детям Марфы достался труд и сердце, которому чужд покой.
И за то, что упреки Марфы грешны были пред Богом,
пришедшим к ней,
Детям Марии служить должны Дети ее до скончанья дней.

Это на них во веки веков прокладка дорог в жару и в мороз,
Это на них ход рычагов; это на них вращенье колес.
Это на них всегда и везде погрузка, отправка вещей и Душ,
Доставка по суше и по воде Детей Марии в любую глушь.

«Сдвинься», — горé они говорят. «Исчезни», — они говорят реке,
И через скалы пути тóрят, и скалы покорствуют их руке.
И холмы исчезают с лица земли, осушаются реки за пядью пядь,
Чтоб Дети Марии потом могли в дороге спокойно и сладко спать.

Смерть сквозь перчатки им леденит пальцы, сплетающие провода,
Алчно за ними она следит, подстерегает везде и всегда.
А они на заре покидают жилье, и входят в страшное стойло к ней,
И дотемна укрощают ее, как, взяв на аркан, укрощают коней.

ZION

The Doorkeepers of Zion,
 They do not always stand
In helmet and whole armour,
 With halberds in their hand;
But, being sure of Zion,
 And all her mysteries,
They rest awhile in Zion,
Sit down and smile in Zion;
Ay, even jest in Zion;
 In Zion, at their ease.

The Gatekeepers of Baal,
 They dare not sit or lean,
But fume and fret and posture
 And foam and curse between;
For, being bound to Baal,
 Whose sacrifice is vain,
Their rest is scant with Baal,
They glare and pant for Baal,
They mouth and rant for Baal;
 For Baal in their pain.

But we will go to Zion,
 By choice and not through dread,
With these our present comrades
 And those our present dead;
And, being free of Zion
 In both her fellowships,
Sit down and sup in Zion —
Stand up and drink in Zion
Whatever cup in Zion
 Is offered to our lips!

СИОН

Привратники Сиона
 Не вечно на часах
Стоят в броне и шлемах
 С оружием в руках,
Но в святости Сиона
 Уверены вполне, —
Сидят у стен Сиона
Или у стен Сиона
 Смеются в полусне.

А стражники Ваала
 Страшатся встать и сесть,
И рвут они, и мечут,
 Затаивая месть,
Жгут жертвы в честь Ваала,
 Глухого божества;
И жаждет страж Ваала,
И страждет страж Ваала,
И песни в честь Ваала
 Звучат без торжества.

Дойдем же до Сиона
 За совесть, не за страх,
Возьмем друзей с собою
 И наших мертвых прах.
Два дружества Сиона
 Велят свободным нам
Сесть и поесть в Сионе,
Встать и поднести в Сионе
 Бокал вина к губам.

Перевод А. Шараповой

«NON NOBIS DOMINE!»

Non nobis Domine! —

Not unto us, O Lord!
The Praise or Glory be
Of any deed or word;
For in Thy Judgment lies
To crown or bring to nought
All knowledge or device
That Man has reached or wrought.

And we confess our blame —

How all too high we hold
That noise which men call Fame,
That dross which men call Gold.
For these we undergo
Our hot and godless days,
But in our hearts we know
Not unto us the Praise.

O Power by Whom we live —

Creator, Judge, and Friend,
Upholdingly forgive
Nor fail us at the end:
But grant us well to see
In all our piteous ways —
Non nobis Domine! —
Not unto us the Praise!

NON NOBIS DOMINE!

Non nobis Domine! —

Не нам хвала, Господь!
Тьму нечестивых дней
Очам не побороть.
Наш путь и крив, и крут,
Вслепую — каждый шаг,
Лишь Твой всевышний суд
Над нами — зряч и благ.

Но падок рабский ум,
Стыду наперекор,
На Славы праздный шум,
На Злата грязный сор:
Им души предаем
И служим, как богам,
Но втайне сознаём:
Не нам хвала, не нам!

О Движитель всего,
Бог, Судия, Творец!
От блага Твоего
Нам удели, Отец!
Но в смуте наших дней
Дай прозревать сердцам:
Non nobis Domine!
Не нам хвала, не нам!

Перевод Г. Кружкова

«

MY NEW-CUT ASHLAR»

My new-cut ashlar takes the light
Where crimson-blank the windows flare.
By my own work before the night,
Great Overseer, I make my prayer.

If there be good in that I wrought
Thy Hand compelled it, Master, Thine —
Where I have failed to meet Thy Thought
I know, through Thee, the blame was mine.

One instant's toil to Thee denied
Stands all Eternity's offence.
Of that I did with Thee to guide,
To Thee, through Thee, be excellence.

The depth and dream of my desire,
The bitter paths wherein I stray —
Thou knowest Who hast made the Fire,
Thou knowest Who hast made the Clay.

Who, lest all thought of Eden fade,
Bring'st Eden to the craftsman's brain —
Godlike to muse o'er his own Trade
And manlike stand with God again!

One stone the more swings into place
In that dread Temple of Thy worth.
It is enough that, through Thy Grace,
I saw nought common on Thy Earth.

Take not that vision from my ken —
Oh, whatsoe'er may spoil or speed.
Help me to need no aid from men
That I may help such men as need!

ОТЕСАН КАМЕНЬ

Отесан камень — и лучи
В его глубинах открываю.
Пред тем, как труд вершить в ночи,
К Тебе, о Мастер, я взываю.

Я знаю — всем, что я создал,
Тебе, о Мастер, я обязан,
И там, где я Тебе не внял,
Лишь я и должен быть наказан.

И трудится напрасно тот,
Кто без Тебя был хоть мгновенье,
Твоя Рука меня ведет
К Тебе, через Тебя — к уменью.

О, сколь натружена ладонь,
Сколь горьки тропы на вершину,
Ты знаешь, Высекший Огонь,
Ты знаешь, Замесивший Глину.

И чтоб не смели мы забыть
Эдема в бытии убогом,
Ты учишь в деле Богом быть
И человеком перед Богом.

В фундамент Храма, в общий ряд
Свой камень ставлю — и немею:
Довольно мне, что был мой взгляд
Необщим Милостью Твоею.

Так будь со мною и владей —
Чтоб, выбрав верную дорогу,
Не ждал я помощи людей,
Но приходил им на подмогу.

Перевод С. Степанова

«BY THE HOOF OF THE WILD GOAT»

By the Hoof of the Wild Goat uptossed
From the cliff where she lay in the Sun
 Fell the Stone
To the Tarn where the daylight is lost,
So she fell from the light of the Sun
 And alone!

Now the fall was ordained from the first
With the Goat and the Cliff and the Tarn,
 But the Stone
Knows only her life is accursed
As she sinks from the light of the Sun
 And alone!

Oh Thou Who hast builded the World,
Oh Thou Who hast lighted the Sun,
Oh Thou Who hast darkened the Tarn,
 Judge Thou
The sin of the Stone that was hurled
By the goat from the light of the Sun,
As she sinks in the mire of the Tarn,
 Even now — even now — even now!

С РАСКАЛЕННОЙ НА СОЛНЦЕ СКАЛЫ...

С раскаленной на солнце скалы,
Резвым козьим копытом задет,
 Рухнул камень
В горный пруд — средоточие мглы,
И на дно, где теряется след,
 Канул камень.

Это все было предрешено —
И удар, и паденье, и мрак:
 Знал ли камень,
Что ему уготовано дно
И что жизнь его кончится так?
 Знал бы камень!..

Ты, о Каменщик тверди земной!
Ты, пред кем мы должны быть равны!
Ты, кем светоч небесный зажжен!
 Рассуди же —
В чем он грешен, что проклят тобой
И, низвергнут на дно с вышины,
В беспросветность навек погружён,
 Опускаясь все ниже и ниже?..

Перевод И. Комаровой

IF

If you can keep your head when all about you
 Are losing theirs and blaming it on you,
If you can trust yourself when all men doubt you,
 But make allowance for their doubting too;
If you can wait and not be tired by waiting,
 Or being lied about, don't deal in lies,
Or being hated, don't give way to hating,
 And yet don't look too good, nor talk too wise:

If you can dream — and not make dreams your master;
 If you can think — and not make thoughts your aim;
If you can meet with Triumph and Disaster
 And treat those two impostors just the same;
If you can bear to hear the truth you've spoken
 Twisted by knaves to make a trap for fools,
Or watch the things you gave your life to, broken,
 And stoop and build 'em up with worn-out tools:

If you can make one heap of all your winnings
 And risk it on one turn of pitch-and-toss,
And lose, and start again at your beginnings
 And never breathe a word about your loss;
If you can force your heart and nerve and sinew
 To serve your turn long after they are gone,
And so hold on when there is nothing in you
 Except the Will which says to them: «Hold on!»

If you can talk with crowds and keep your virtue,
Or walk with Kings — nor lose the common touch,
If neither foes nor loving friends can hurt you,
If all men count with you, but none too much;
If you can fill the unforgiving minute
With sixty seconds' worth of distance run,
Yours is the Earth and everything that's in it,
And — which is more — you'll be a Man, my son!

ЗАПОВЕДЬ

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятение всех,
Верь сам в себя, наперекор Вселенной,
И маловерным отпусти их грех;
Пусть час не пробил — жди, не уставая,
Пусть лгут лжецы — не снисходи до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушной и мудрей других.

Умей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив;
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос лжив;
Останься тих, когда твое же слово
Калечит плут, чтоб уловлять глупцов,
Когда вся жизнь разрушена и снова
Ты должен все воссоздавать с основ.

Умей поставить, в радостной надежде,
На карту все, что накопил с трудом,
Все проиграть и нищим стать, как прежде,
И никогда не пожалеть о том.
Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно все пусто, все сгорело
И только Воля говорит: «Иди!»

Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и друзьями,
Пусть все, в свой час, считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неутомимый бег, —
Тогда весь мир ты примешь во владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!

Перевод М. Лозинского

THE FABULISTS

When all the world would keep a matter hid,
 Since Truth is seldom friend to any crowd,
Men write in fable, as old Æsop did,
 Jesting at that which none will name aloud.
And this they needs must do, or it will fall
Unless they please they are not heard at all.

When desperate Folly daily laboureth
 To work confusion upon all we have,
When diligent Sloth demandeth Freedom's death,
 And banded Fear commandeth Honour's grave —
Even in that certain hour before the fall,
Unless men please they are not heard at all.

Needs must all please, yet some not all for need,
 Needs must all toil, yet some not all for gain,
But that men taking pleasure may take heed,
 Whom present toil shall snatch from later pain.
Thus some have toiled, but their reward was small
Since, though they pleased, they were not heard at all.

This was the lock that lay upon our lips,
 This was the yoke that we have undergone,
Denying us all pleasant fellowships
 As in our time and generation.
Our pleasures unpursued age past recall,
And for our pains — we are not heard at all.
What man hears aught except the groaning guns?

What man hears aught except the groaning guns?

What man heeds aught save what each instant brings?

When each man's life all imaged life outruns,

What man shall pleasure in imaginings?

So it hath fallen, as it was bound to fall,

We are not, nor we were not, heard at all.

БАСНОПИСЦЫ

Когда никто раскрыть не смеет рот,
 Когда толпе до Истины нет дела,
Эзопов дар в наследниках живет,
 И басни над людьми смеются смело.
Но баснописцы сознавать должны —
Коль неприятны, значит, не слышны.

Когда растет Безумье каждый день,
 Средь хаоса накапливая силу,
И гибели Свободы жаждет Лень,
 И орды Страха Честь ведут в могилу,
И в черный час крушения страны,
Коль неприятны, значит, не слышны.

Другие льстят — и в том для них есть прок,
 Другие трудятся — для лучшей доли,
А этим лишь бы преподать урок,
 Спасти людей от неизбежной боли.
И чем за труд они награждены?
Как ни старались, не были слышны.

Донесся и до нас когда-то зов,
 Мы на плечи себе взвалили бремя,
И отказались ото всех даров,
 Что предлагали нам друзья и время,
Теперь томят несбывшиеся сны.
Измучившись, мы все же не слышны.

Что ж слышно, кроме грохота гранат?
И что важнее данного мгновенья?
Тому, кто жизнью собственной богат,
Едва ль нужны плоды воображенья!
Так суждено — здесь нашей нет вины —
Как прежде, мы и нынче не слышны.

Перевод М. Карп

THE APPEAL

*IF I HAVE GIVEN YOU DELIGHT
BY AUGHT THAT I HAVE DONE,
LET ME LIE QUIET IN THAT NIGHT
WHICH SHALL BE YOURS ANON:*

*AND FOR THE LITTLE, LITTLE, SPAN
THE DEAD ARE BORNE IN MIND,
SEEK NOT TO QUESTION OTHER THAN
THE BOOKS I LEAVE BEHIND.*

ПРОСЬБА

*ПО ВКУСУ ЕСЛИ ТРУД БЫЛ МОЙ
КОМУ-НИБУДЬ ИЗ ВАС,
ПУСТЬ БУДУ СКРЫТ Я ТЕМНОТОЙ,
ЧТО К ВАМ ПРИДЕТ В СВОЙ ЧАС,*

*И, ПАМЯТЬ ОБО МНЕ ХРАНЯ
ОДИН КОРОТКИЙ МИГ,
РАСПРАШИВАЙТЕ ПРО МЕНЯ
ЛИШЬ У МОИХ ЖЕ КНИГ.*

Перевод Вяч. Вс. Иванова

КОММЕНТАРИИ

Редьярд Киплинг (1865-1936) писал стихи на протяжении всей своей жизни: даты создания многих стихотворений, вошедших в этот сборник, разделяет тридцать-сорок лет. Тем не менее, при его составлении было решено отказаться от хронологического принципа. Для Киплинга, творчество которого мало менялось с годами (о чем мы попытались сказать в предисловии), всегда было несколько важнейших тем, к которым он не уставал возвращаться. Соответственно, эта книга составлена по тематическому принципу. Мы попытались отразить весь спектр интересов Киплинга-поэта, уделив, быть может, меньше места привычным для русского читателя солдатским балладам, зато представив его менее известные масонские и исторические стихотворения.

Была у нас еще одна цель: мы хотели показать становление традиции перевода Киплинга на русский язык, представить те переводы, которые не только сформировали образ Киплинга у русского читателя, но и оказали (высшая честь для переводчика!) определенное влияние на развитие русской поэзии.

Хотя значение хронологии для киплинговской поэзии не особенно велико, все же мы сочли нужным указать, в какую книгу стихов он впервые включил то или иное стихотворение. Каждая из этих книг подытоживала определенный период в творчестве Киплинга-поэта. В наш сборник вошли стихотворения из всех поэтических книг Киплинга, кроме самой первой — «Департаментские песенки» (*Departmental Ditties*, 1886). Вот перечень этих сборников: «Казарменные баллады и другие стихи» (*Barrack-Room Ballads, and Other Verses*, 1892), «Семь морей» (*The Seven Seas*, 1896), «Пять народов» (*The Five Nations*, 1903), «Промежуток» (*The Years Between*, 1919).

Многие стихотворения Киплинга вошли в его прозу. Для этих стихотворений мы даем названия рассказов и книг, в составе которых они находятся. Мы приводим здесь стихотворения из следующих прозаических книг: «Простые рассказы с гор» (*Plain Tales from the Hills*, 1888); «Жизнь дает фору» (*Life's Handicap*, 1891); «Многие помыслы» (*Many Inventions*, 1893); «Книга Джунглей» (*The Jungle Book*, 1894); «Вторая Книга Джунглей» (*The Second Jungle Book*, 1895); «Ким» (*Kim*, 1901); «Пак с холма Пука» (*Puck of Pook's Hill*, 1906); «Награды и чудеса» (*Rewards and Fairies*, 1910); «История Англии»

(*History of England*, 1911), написанная для детей Киплингом совместно с Ч. Флетчером; «Разнообразие тварей» (*A Diversity of Creatures*, 1917); «Приходы и расходы» (*Debets and Credits*, 1926).

Кроме того, Киплинг подготовил несколько полных собраний своих стихотворений, куда некоторые произведения включил впервые. Эти сборники были изданы в 1919, 1927 и 1933 гг.

Готовя эти комментарии, автор опирался на ранее опубликованные комментарии А. А. Долинина к целому ряду стихотворений Киплинга, приведенные в следующих изданиях: *R. Kipling. Poems, Short Stories. Moscow*, 1983; Р. Киплинг. Рассказы, стихотворения. Л., 1989; а также на комментарии в книге *The Complete Barrack-Room Ballads of R. Kipling, Edited by Charles Carrington. L.*, 1974.

Еще одно замечание общего свойства: в стихах Киплинга во множестве разбросаны явные и скрытые библейские цитаты; в наших комментариях везде, кроме специально оговоренных случаев, Библия цитируется в синодальном переводе.

С. 19

Гомер все на свете легенды знал... — Вступление к циклу «Казарменные баллады» в сборнике «Семь морей».

С. 22

Посвящение к «Казарменным балладам». — Это «Посвящение» предваряло издание сборника «Казарменные баллады и другие стихи», вышедшее в 1909 г.

Девять богинь — Музы.

Азраил — ангел смерти в мусульманской традиции.

С. 26

Вдова из Виндзора. — Цикл «Казарменные баллады» в сборнике «Казарменные баллады и другие стихи».

Вдова из Виндзора — королева Виктория (1819—1901; царствовала с 1837 г.). С царствованием королевы Виктории, «Вдовы» (она овдовела в 1861 г.), связана целая эпоха, называемая по традиции «Викторианской». По слухам, «Вдова» (так Киплинг называл королеву и в других своих балладах и рассказах) была несколько шокирована, познакомившись с этой необычной «одой».

Виндзор, точнее, Виндзорский замок — загородная резиденция английских королей.

Нашей ложи размах... — Характерная для Киплинга масонская метафора — сравнение Британской империи с масонской ложей.

Возьмись как Давид-псалмопевец / За крылья зари... — Парафраз из Псалтири: «Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря: И там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя.» (Пс., 138: 9-10).

За их красный наряд... — Вплоть до англо-бурской войны (1899 — 1902) английские солдаты традиционно носили красные мундиры.

С. 30

Праздник у Вдовы. — Цикл «Казарменные баллады» в сборнике «Казарменные баллады и другие стихи».

Вдова. — См. выше, комментарий к стихотворению «Вдова из Виндзора».

С. 34

Марш «Хищных Птиц». — Цикл «Казарменные баллады» в сборнике «Семь морей».

С. 38

Пыль. — Цикл «Солдатские песни» в сборнике «Пять народов».

Это перевод стихотворения, которое в оригинале называется «*Boots*» («Башмаки»), — самый знаменитый, наряду с «Томлинсоном», из блистательных переводов поэзии Киплинга, выполненных Адой Оношкович-Яцына (1897—1935), ученицей Гумилева и Лозинского.

Отпуска нет на войне!.. — Цитата из Екклесиаста. Киплинг возвращает буквальный смысл слову «война» в библейском стихе, пользуясь тем, что в английской Библии это место переведено дословно. Между тем, соответствующий синодальный перевод звучит так: «и нет избавления в этой борьбе», что верно по смыслу, но очень далеко от того ассоциативного ряда, к которому обращается Киплинг. Приводим этот стих в новом, филологически точном переводе И. М. Дьяконова: «Нет человека властного над ветром, — / Удержать умеющего ветер, — / И над смертным часом нет власти, / И отпуска нет на войне, / И не выручит нечестие нечестивца.» (Еккл., 8: 8).

С. 42

Брод на реке Кабул. — Цикл «Казарменные баллады» в сборнике «Казарменные баллады и другие стихи».

Столица Афганистана — город Кабул — расположен на реке Кабул, притоке Инда. В 1879 г., во время Второй Англо-афганской войны (1878—1880), Кабул был взят и разрушен английскими войсками. В основе этого стихотворения — реальное событие: неожиданный паводок на реке Кабул погубил офицера и 46 солдат 10-го гусарского полка, пытавшихся форсировать эту реку 31 марта 1879 г.

С. 46

Бляхи. — Цикл «Казарменные баллады» в сборнике «Казарменные баллады и другие стихи».

Действие стихотворения происходит в столице Ирландии — Дублине. По воспоминаниям современников, жестокие драки между солдатами расквартированных в Дублине английских и ирландских частей были серьезной проблемой, потребовавшей вмешательства властей.

Силвер-стрит — улица в Дублине.

«*Сипаи! Грязные скоты!*» — ирландцы нам кричали, / *А мы кричали «Труссы!»* и м... — Смысл этой перебранки восходит ко временам Восстания Сипаев (1857—1859) (туземных солдат в Британской Индии). Считалось, что ирландские полки проявили себя тогда не лучшим образом, а в английской кавалерии было много дезертиров.

С. 50

Томми. — Цикл «Казарменные баллады» в сборнике «Казарменные баллады и другие стихи».

«*Томми Аткинс*» — прозвище английского солдата со времени наполеоновских войн. По преданию, такое имя и фамилию вписал английский полководец герцог Веллингтон в составленный им образец для заполнения солдатских документов.

С. 54

Денни Дивер. — Цикл «Казарменные баллады» в сборнике «Казарменные баллады и другие стихи».

Эта самая знаменитая из солдатских баллад Киплинга ритмически воспроизводит английскую уличную песню «Моряк Билли Зануда» (*Barnacle Bill the Sailor*).

С. 58

Пушкарри. — Цикл «Казарменные баллады» в сборнике «Казарменные баллады и другие стихи».

Тут гордость Британской Армии, все лучшее, что в ней есть, — тсс, тсс! — «Тсс, тсс...» — крик, которым на Востоке подгоняют мула.

Лушаев и нагу смяли, с афридиев сбили спесь... — Имеются в виду племена, оказавшие сильное сопротивление британским войскам во время колониальных войн. Лушаи (лучази) — бантуязычный народ в южной Африке; нагу (нага) — горцы северо-восточной Индии и сопредельных районов Бирмы; афридии — одно из пуштунских племен Афганистана.

С. 62

Солдат и матрос заодно. — Цикл «Казарменные баллады» в сборнике «Семь морей».

Рассказчик, пытаясь объяснить промежуточное положение морской пехоты, коверкает в духе народной этимологии сложные иностранные слова, например, дуромфродит, гусьмополит и т. п.

...в хлябь с полуюта плевал... — С полуюта, то есть с кормовой надстройки корабля.

...у нашей Вдовы... — См. комментарий к стихотворению «Вдова из Виндзора» (С. 369).

...идти с «Биркенхедом» на дно... — В 1852 г. у берегов Южной Африки потерпело крушение английское судно «Биркенхед». Чтобы удержать его на плаву и выиграть время для спасения женщин и детей, морские пехотинцы построились на юте и так, в строю, ушли вместе с судном на дно.

...кто «Викторию» шел выручать... — в 1893 г., спасая потерпевший крушение флагман английского флота «Виктория», морские пехотинцы бросились задраивать переборки вопреки приказу покинуть судно. Почти все солдаты и офицеры, участвовавшие в этой неудачной попытке спасти «Викторию», погибли вместе с ней.

С. 67

И восхищаться... — Цикл «Казарменные баллады» в сборнике «Семь морей».

...Индус поет: «Хам декхта хай». — «Смотрю», возглас впередсмотрящего матроса-индийца.

...как офицера / На шканцах провожают дам... — Шканцы — центральная, парадная часть верхней палубы военного корабля.

...Горбучий Аден... — Вулканические скалы Адена — юго-западной оконечности Аравийского полуострова — заметный ориентир в океане на пути из Индии в Европу через Суэц.

Проплыл я мимо этих скал / Шесть лет назад... — В 1881 г. срок службы в английской армии был ограничен шестью годами.

С. 73

Песня банджо. — «Семь морей».

Младший сын пройдет по горькому пути... — По английской традиции часто все имущество наследовал старший сын, а младшие — отправлялись в колонии.

Помнишь песню «Джонни, где твой сундучок?» — Имеется в виду популярная английская народная песня «Джонни-кривоножка» (*Johnny Bowlegs*).

...протрубить в Роландов рог... — Роланд — герой старофранцузской эпической поэмы «Песнь о Роланде» — трубит в рог перед смертью во время неравной битвы с маврами в Ронсевальском ущелье. «Песнь о Роланде» — гимн поражению, более славному, чем любая победа.

И Гермес не зря держал ее в огне... — Гермес — в древнегреческой мифологии бог-покровитель дорог, торговли и плутней. В младенчестве он украл у Аполлона коров и, чтобы задобрить стреловержца, смастерил для него из панциря черепахи первую на свете лиру.

Я — пеан бездумной жизни... — Пеан — в Древней Греции — гимн Аполлону, позднее — вообще хвалебный гимн.

Цепью Делос — Лимерик... — На острове Делос в Эгейском море, согласно мифу, родился бог Аполлон — кифаред и покровитель Муз. Ирландский город Лимерик прославился своими коротенькими застольными песенками — «лимериками», своего рода «частушками». Впоследствии лимерики стали особой формой английской юмористической поэзии, со строго организованной четырехстрочной строфой и своеобразной рифмовкой.

С. 79

Маршем к морю. — Цикл «Казарменные баллады» в сборнике «Казарменные баллады и другие стихи».

Шесть годков трубили мы... — См. комментарий к стихотворению «И восхищаться...» (С. 374).

Вон «Малабар» у пирса, и «Джампер» тоже там... — «Малабар» и «Джампер» — транспортные суда, курсировавшие между Портсмутом и Бомбеем. Они доставляли в Индию новобранцев и отвозили в Англию демобилизованных солдат.

Не то что на Хайбере ждать... — Хайберский проход — естественные ворота из Британской Индии в Афганистан, место боев во время англо-афганских войн и пограничных стычек между войнами.

С. 83

Шиллинг в день. — Цикл «Казарменные баллады» в сборнике «Казарменные баллады и другие стихи».

Герой стихотворения получает хоть и грошовое пособие, шиллинг в день, но все же больше, чем рядовой запаса (им платили четыре пенса в день), поскольку в свое время дослужился до звания старшего сержанта.

Прошел я в шинели из Лидса в Лахор / Пешавар и Лакну... — Лидс — город на севере Англии; Лахор, Пешавар и Лакну (Лакхнау) — города на севере Британской Индии, в настоящее время первые два — на территории Пакистана, последний — в Индии.

...по следу гази... — Гази (араб., от «газа» — воевать) — участник газавата,

то есть религиозной войны мусульман против «неверных».

С. 87

Мандалай. — Цикл «Казарменные баллады» в сборнике «Казарменные баллады и другие стихи».

Одно из самых популярных стихотворений Киплинга, вызвавшее множество подражаний и перешедшее в фольклор.

Исторический фон стихотворения — Англо-бирманская война (1885—1886), в ходе которой английские войска захватили тогдашнюю столицу Бирмы город Мандалай. Киплинг побывал в Бирме вскоре после окончания этой войны, в 1889 г.

...Где суда стоят у свай, / Слышишь, шлепают колеса из Рангуна в Мандалай? — Завоеванию Верхней Бирмы способствовала мощная английская флотилия, курсировавшая по реке Иравади между Рангуном и Мандалаем. Рангун — морской и речной порт в дельте реки Иравади, центр Британской Бирмы с 1862 г.; с 1948 г. — столица независимой Бирмы.

Супи-Елат звать девчонку, имя царское у ней! — Супи-Елат — имя последней королевы Бирмы, которая вместе со своим мужем королем Тибо потеряла престол в результате Англо-бирманской войны.

...как хати лес сгружают на реке... — Хати (хатхи) — слон. Киплинг широко использовал в своем творчестве англо-индийский жаргон, в который вошли слова из разных наречий Индии.

Севши в омнибус у Банка... — Имеется в виду площадь перед Английским банком в центре лондонского Сити.

С. 91

Гимн перед битвой. — «Семь морей».

Стихотворение явилось откликом на англо-германский кризис 1896 г. из-за Трансвааля, едва не приведший к военному конфликту.

С. 95

Отпустительная молитва. — «Пять народов».

Это стихотворение Киплинг написал в 1897 году к шестидесятилетию царствования королевы Виктории. Позиция Киплинга резко расходилась с панегириками казенных патриотов, заполнившими по случаю королевской годовщины английскую прессу.

Стихотворение «Отпустительная молитва» (по-английски *Recessional*, то есть песнопение, которым заканчивается богослужение, когда священник и хор направляются в ризницу) стилизовано под церковный гимн и содержит множество библейских реминисценций, например, обращение «Бог Сил», часто встречающееся в Псалтири.

...Царить над пальмой и сосной... — Переосмыслен библейский стих: «Праведник цветет, как пальма, возвышается, подобно кедру на Ливане.» (Пс., 91: 13). Здесь «пальма и сосна» символизируют пространственность Британской империи.

...Дабы забыть мы не смогли! — Рефрен, подчеркивающий опасность забвения Бога и поклонения ложным богам, перекликается с библейским стихом: «Берегитесь, чтобы не забыть вам завета Господа, Бога вашего, который Он поставил с вами, и чтоб не делать себе кумиров, изображающих что-либо, как повелел тебе Господь, Бог твой.» (Втор., 4: 23).

Лишь сокрушение сердец — / Вот жертва вечная твоя! — Парафраз библейского стиха: «Жертва Богу дух сокрушенный.» (Пс., 50: 19).

Дни нашей славы далеки / Как Ниневия или Тир. — Ниневия — столица грозной Ассирийской державы, Тир — богатейший приморский город-государство в Финикии. Ниневия и Тир — символы сухопутной и морской мощи, соответственно, и, в то же время, столицы нечестивых, языческих государств, врагов библейского Израиля. Ниневию в VII в. до н. э. полностью разрушили мидийцы, Тир тоже постепенно пришел в упадок и утратил свою мощь и славу.

С. 99

Гиены. — «Промежуток».

С. 103

За все, что мы с тобой... — «Промежуток».

Стихотворение было опубликовано 2 сентября 1914 г., вскоре после начала Первой Мировой войны, во многих газетах и журналах Англии и США как призыв к отпору немецким войскам.

В ворота Гунн стучится! — Считается, что именно этим стихотворением Киплинг ввел в политический жаргон стран Антанты слово «гунн» как бранное прозвище немца. Гунны — кочевые племена, разорившие в середине V в. Европу, с тех пор стали символом варварского нашествия.

С. 106

Гефсиманский сад. — «Промежуток».

Согласно Евангелию от Матфея, в Гефсиманском саду у стен Иерусалима Иисус молился накануне суда и казни, восклицая: «Да минует меня чаша сия!» (Матф., 26: 39).

Стихотворение посвящено жертвам немецких газовых атак во время Первой Мировой войны, тем, кто погиб на полях Пикардии — исторической провинции на севере Франции. В одном из писем Киплинг писал, что хотел этим стихотворением передать «ужас, который испытывает человек, когда

впервые надевает противогаз».

С. 116

Военные эпитафии. — «Промежуток».

Киплинг этим циклом эпитафий, посвященных Первой Мировой войне, продолжил популярный в Англии жанр литературной эпитафии.

Сипай во Франции. — *Sinai* — солдат туземных частей, вербовавшихся англичанами в Индии.

Могила близ Каира. — В 1915 г. турецкое наступление на Египет было остановлено английскими войсками.

Пеликаны в пустыне (Могила близ Хайфы). — В ходе кампании 1917—1918 гг. английские войска разбили турок и заняли Палестину. Хайфа — город и порт на севере Палестины, теперь — в Израиле.

В названии эпитафии — реминисценция из Псалтири: «От голоса стенания моего кости мои прилипли к плоти моей. Я уподобился пеликану в пустыне; я стал как филин на развалинах.» (Пс., 101: 6, 7).

...трепет белых крыл / к птенцам дойдет... — Намек на то, что пеликан — символ чадолюбия; согласно легенде, он выкармливает птенцов собственной кровью.

Два канадца. — Канадцы, как граждане заморского доминиона Великобритании, участвовали в Первой Мировой войне.

Туземец-водонос (Средний Восток). — В 1916 г. английская армия вела тяжелые бои с турками на Среднем Востоке, в Ираке.

...мой путь / Тенетам отдан скрытым. ...Среди силков и петель... — Реминисценция из Псалтири: «Гордые скрыли силки для меня и петли, раскинули сеть по дороге, тенета разложили для меня.» (Пс., 139: 6).

Минный тральщик (Таранто). — Таранто — порт в южной Италии на берегу Тарантского залива. Во время Первой Мировой войны в Таранто находилась база английского флота.

Могила в Салониках. — В 1915 г. англо-французские войска заняли Салоники, город и крупный порт в северной Греции. Салоники до конца войны оставались важнейшей базой операций Антанты против Турции.

...среди Эгейских вод. — Эгейское море — часть Средиземного моря между Балканским полуостровом и Малой Азией. В 1915 г. британский флот разбил турок в Эгейском море.

Церковь Святой Троицы, Стратфорд-на-Эйвоне. — В этой старинной церкви находится могила Шекспира.

Союз Журналистов — профессиональное объединение руководителей английской печати.

Несколько эпитафий из этого цикла было переведено Константином Симоновым (1915—1979). Представляем эту заметную веху русской

киплингианы.

ЭПИТАФИИ (1914—1918)

Политик

Я трудиться не сумел, грабить не посмел,
Я всю жизнь свою с трибуны лгал доверчивым и юным,
Лгал — птенцам.
Встретив всех, кого убил, всех, кто мной обманут был,
Я спрошу у них, у мертвых, бьют ли на том свете морду
Нам — лжецам?

Эстет

Я отошел помочиться не там, где вся солдатня.
И снайпер в ту же секунду меня на тот свет отправил.
Я думаю, вы не правы, высмеивая меня,
Умершего принципиально, не меняя своих правил.

Командир морского конвоя

Нет хуже работы — пасти дураков.
Бессмысленно храбрых — тем более.
Но я их довел до родных берегов
Своею посмертною волею.

Эпитафия канадцам

Все отдав, я не встану из праха,
Мне не надо ни слов, ни похвал.
Я не жил, умирая от страха,
Я, убив в себе страх, воевал.

Бывший клерк

Не плачьте! Армия дала
Свободу робкому рабу.
За шиворот приволокла
Из канцелярии в судьбу,
Где он, узнав, что значит сметь,
Набрался храбрости — любить
И, полюбив, — пошел на смерть,
И умер. К счастью, может быть.

Новичок

Они быстро на мне поставили крест —
В первый день, первой пулей в лоб.
Дети любят в театре вскакивать с мест —
Я забыл, что это — окоп.

Новобранец

Быстро, грубо и умело за короткий путь земной
И мой дух, и мое тело вымуштровала война.
Интересно, что способен сделать бог со мной
Сверх того, что уже сделал старшина?

Трус

Я не посмел на смерть взглянуть
в атаке среди бела дня,
И люди, завязав глаза,
к ней ночью отвели меня.

Ординарец

Я знал, что мне он подчинен и, чтоб спасти меня, — умрет.
Он умер, так и не узнав, что надо б все наоборот!

Двое

А. — Я был богатым, как раджа.

В. — А я был беден.

Вместе. — Но на тот свет без багажа

Мы оба едем.

С. 127

Газета. — Заключительное стихотворение к рассказу «Деревня, постановившая считать Землю плоской» из книги «Разнообразие тварей».

Еврей забудет Иерусалим... — Парафраз псалма: «Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя. Прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего.» (Пс., 136: 5-6).

Набожные евреи молятся лицом к Иерусалиму. Иерусалим постоянно упоминается в еврейских молитвах и ритуалах, например, во время празднования Пасхи.

Для «Таймс» ты писал... — «Таймс» — одна из крупнейших и старейших английских ежедневных газет.

...метранпаж, / Верстающий газету! — Метранпаж — старший наборщик, верстающий полосу набора.

С. 133

Баллада о Востоке и Западе. — «Казарменные баллады и другие стихи».

Действие баллады происходит в районе Хайберского прохода, на индо-афганской границе и основано на реальном случае.

...рисальдара сын... — Рисальдар — офицер туземной кавалерии в Британской Индии.

С. 138

Слава Сада. — «История Англии».

Образ Англии как цветущего сада является традиционным.

Адама поместил в Эдем садовником Господь... — Парафраз библейского стиха: «И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его.» (Быт., 2: 16).

С. 142

Молитва Джобсона. — Заключительное стихотворение к рассказу «В присутствии» из книги «Разнообразие тварей».

Джобсон — один из героев рассказа «В присутствии».

С. 147

Южная Африка. — «Пять народов».

Стихотворение написано после окончания тяжелой и позорной для Англии англо-бурской войны (1899—1902). Киплинг был одним из немногих крупных английских писателей, поддержавших британскую агрессию в Южной Африке.

...Даже от Сент-Джаста. — Сент-Джаст — город в Корнуолле, на западной оконечности Англии; имеется в виду, что солдат на войну собирали по всей стране, так сказать, от Лондона «до самых до окраин».

С. 154

Песнь городов. — «Семь морей».

Это стихотворение вместе со следующим образует диптих — переключку колоний с их матерью-метрополией.

Бомбей — город и крупнейший порт Британской Индии. Расположен на берегу Аравийского моря. В настоящее время столица штата Махараштра в Индии.

Калькутта — крупный город и порт на востоке Индии, в настоящее время столица штата Западная Бенгалия.

Мне Капитан был муж. Мне жизнь дала Река. — Калькутта расположена на берегу одного из судоходных рукавов дельты Ганга в 160 км от побережья Бенгальского залива, является крупнейшим морским и речным портом, вторым по значению после Бомбея.

Я — Азия, я — Власть на троне из песка... — С 1773 по 1911 гг. Калькутта была столицей Британской Индии и резиденцией вице-короля.

Мадрас — город и порт в Южной Индии на берегу Бенгальского залива, в настоящее время столица штата Тамилнад.

Клайв. — Роберт Клайв (1725—1774) — английский колониальный деятель. Был губернатором Бенгалии, воевал за Мадрас с местным султаном.

Теперь моя земля... О прошлом грезит... — Мадрас был основан Британской Ост-индской компанией в 1639 г. — это было первое поселение англичан в Индии. К концу XIX в. Мадрас, утратив былое значение, был только третьим городом Британской Индии после Бомбея и Калькутты.

Рангун. — См. комментарий к стихотворению «Мандалай» (С. 374).

...у храма Шве Дагон. — Шве Дагон (Шуэдагоун) — знаменитый буддийский храмовый комплекс в Рангуне, основан в V в. до н. э., перестраивался в XIV—XVIII вв.

Сингапур — город и порт на острове Сингапур у южной оконечности полуострова Малакка, ныне — независимый город-государство. Сингапур —

ключ к Малаккскому проливу, ведущему из Индии в Китай, в прошлом важнейшая база Британского флота, его по традиции называют «восточным Гибралтаром».

Гонконг — Британское владение в Китае, город и порт на острове Сянган. Китай давно и до последнего времени безуспешно претендует на возврат этой территории.

Галифакс — город и главный порт на Атлантическом побережье Канады, расположен на полуострове Новая Шотландия. Административный центр провинции Новая Шотландия. Незамерзающая гавань Галифакса, одна из лучших северных гаваней в мире, была зимней базой Британского флота.

И крепости мои... — В Галифаксе были расположены сильная цитадель с большим гарнизоном и арсенал Британского флота.

Квебек и Монреаль — города в канадской провинции Квебек. Квебек — центр одноименной провинции. В провинцию Квебек дважды вторгались американские войска — во время Войны за Независимость (1775—1783) и во время Англо-американской войны (1812—1814). В 1836 г. Квебек стал центром антианглийского восстания. В течение всей середины XIX в. в США раздавались голоса, требующие аннексии Канады, но к концу века эти настроения пошли на убыль за счет мирного проникновения американского капитала в Канаду.

Виктория — город и порт на тихоокеанском побережье Канады, центр провинции Британская Колумбия. Таким образом, Виктория — крайний запад Британской империи.

Кейптаун — город и важнейший международный порт на южной оконечности Африки у мыса Доброй Надежды, центр Капской провинции, ныне — в ЮАР.

Моя земля познала сотни рук... — Мыс Доброй Надежды был открыт португальцами. Кейптаун под именем Капштадта, то есть «Города на мысу», был основан голландцами, к которым впоследствии присоединились французы-гугеноты. В начале XIX в. Капскую провинцию захватила Англия.

На Север мы идем! Одна страна вокруг, / Единая — от Капа до Кампалы! — Кейптаун был базой английского проникновения во внутренние районы южной Африки. Кампала — столица Уганды, английского владения, а ныне — независимой республики в экваториальной Африке. Таким образом, «от Капа до Кампалы» означает «от мыса Доброй Надежды до экватора».

Мельбурн — город и порт в Австралии, столица штата Виктория.

Сидней — город и порт в Австралии, столица штата Новый Южный Уэльс, старейшее европейское поселение в Австралии.

Свой первородный стыд... — Первоначально Австралия была местом ссылки английских каторжников.

Брисбен — город и порт в Австралии, столица штата Квинсленд. В конце

XIX в. Брисбен был самым молодым и быстро растущим из городов Австралии.

Хобарт — город и порт в Австралии на острове Тасмания, столица штата Тасмания.

Я смыл с себя позор... — Хобарт был основан в начале XIX в. как место ссылки особо опасных преступников и только к середине столетия перестал быть городом-тюрьмой.

Окленд — город и порт в Новой Зеландии, наиболее удаленная от Англии точка Британской империи.

С. 159

Ответ Англии. — «Семь морей».

...нас обойдет грядущий Армагеддон... — Армагеддон — местность в Палестине, где согласно Апокалипсису должны произойти некие страшные события перед концом света. В европейской традиции Армагеддон — символ конца света, вселенской катастрофы.

...Степь и Кленовый Лист, Ракитник и Южный Буш... — символы британских доминионов: Южной Африки, Канады, Новой Зеландии и Австралии, соответственно. Буш — кустарниковая саванна, характерная для Австралии.

С. 163

Путем изгнанников. — Это стихотворение было написано Кипплингом в 1890 году, однако не вошло ни в один из его ранних сборников.

Форма строф этого стихотворения — подражание знаменитому вольному переводу Э. Фицджеральда «Рубайят Омара Хайяма» (1853), который был необыкновенно популярен во времена Кипплинга. Выбор прототипа не случаен — эта поэтическая переключка позволила Кипплингу подчеркнуть тему Востока и характерную для Хайяма (по крайней мере, фицджеральдовского Хайяма) смесь скепсиса и душевного веселья.

...и вьется Синий Питер... — Синий Питер — флаг отплытия, синее полотнище с белым квадратом, поднимался на судне перед выходом из порта.

...И наше Пароходство P. & O. — Пароходство P. & O, — судоходная компания «*Peninsular and Oriental*» («Полуостровная и восточная»), которая обслуживает линии, связывающие Англию с Индией, Австралией и Дальним Востоком. По существу, Пароходство P. & O. — главный герой этого стихотворения, ведь название стихотворения «*Exiles line*» можно перевести и как «Пароходство изгнанников».

А завтра Джонсу из Ахмадабада... — Ахмадабад — город в Индии.

...алый крест на белом фоне... — Белое полотнище с алым крестом Св.

Георгия — флаг Англии.

С. 170

Сассекс. — «Пять народов».

В 1904 г., после долгих скитаний по свету, Киплинг решил окончательно поселиться в Англии и купил старинный, XVI в., дом в Сассексе, в котором и прожил до самой смерти.

Сассекс — графство на юго-востоке Англии, у побережья Ла-Манша.

...пассат / Летящий из Левуки... — Левука — город и порт на островах Фиджи в Полинезии.

...Китообразные гряды... — Известковые холмы Даунс, тянущиеся в Сассексе вдоль моря.

...Уильд лесистый... — Район холмов на севере Сассекса.

...меловой обрыв / Как при солдатах Рима. — Меловые обрывы на побережье Сассекса издали видны с моря. По преданию, увидев их, Юлий Цезарь назвал Англию Альбионом (*albus* — по-латыни «белый»).

...Меж Темзою и Твидом край... — То есть вся Англия: река Темза течет на юге страны, река Твид — на севере, на границе с Шотландией.

Холмы мне дай, и Рейк, и Рай / И берег укрепленный. — Холмы — холмы Даунс; Рейк — деревня на западе Сассекса на границе с Гэмпширом; Рай — небольшой старинный портовый город на востоке Сассекса на границе с Кентом; «От Рейка до Рая» — весь Сассекс с запада на восток; берег укрепленный — часть заболоченных побережий Сассекса защищена от морских приливов дамбами.

На графство смотрит нагота / Верзилы Уильмингтонца. — Верзила Уильмингтонец — «*Long Man of Wilmington*» — древнее, по-видимому, относящееся к железному веку, изображение человека, вырезанное на склоне мелового холма около деревни Уильмингтон в Сассексе.

Здесь Ротер, сделав круг, притих... — Ротер — река в Сассексе, впадающая в море около порта Рай.

Иль в Пиддингхо пойду... — Пиддингхо — приморская деревня в Сассексе.

С. 178

Томлинсон. — «Казарменные баллады и другие стихи».

Берклей-сквер — площадь в одном из самых аристократических кварталов Лондона.

...про графа из Москвы. — Вероятно, имеется в виду Лев Толстой.

...о грубом норвежце одном. — Скорей всего речь идет о норвежском драматурге Генрике Ибсене (1828—1906).

...а это в бельгийской книге прочел... — Быть может, намек на творчество видного бельгийского символиста, поэта и драматурга Мориса Метерлинка

(1862—1949).

С. 188

«Мэри Глостер». — «Семь морей».

...сэр Антони Глостер... баронет. — Баронет в Англии наследственный титул (также может быть пожалован за заслуги как, например, титул героя баллады), средний между нетитулованным дворянством и высшей знатью.

...наш первый клипер... — Во второй половине XIX в. клипером называли быстроходное парусное судно для перевозки ценных грузов, например, чая.

...Но в Макассарском проливе Мэри моя умерла. / У Малого Патерностера спит она в синей воде... — Макассарский пролив находится в Зондском архипелаге, между островами Борнео и Сулавеси; островок Малый Патерностер расположен у южного входа в Макассарский пролив.

Тако да воссияет перед людьми ваш свет. — Иронический парафраз слов Христа из Нагорной проповеди: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного.» (Матф., 5: 16).

Харроу и Тринити-колледж. — Харроу — одна из старейших в Англии привилегированных мужских школ; Тринити-колледж (колледж Св. Троицы) — престижный колледж с таким названием есть и в Оксфорде и в Кембридже.

Кромвель-роуд — улица в лондонском Вест-Энде, застроенная особняками богачей.

...купил я в Уокинге склеп. — Имеется в виду кладбище в пригороде Лондона, близ городка Уокинг.

Плоть моей плоти... — Парафраз из Библии: «И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей.» (Быт., 2: 23).

Пусть сердце, полно сокровищ... — Парафраз евангельского изречения: «Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.» (Матф., 6: 21).

Буду пить из родного колодца... Подруга юности рядом... — Аллюзия из главы 5 библейской Книги Притчей Соломоновых. Главная мысль этой главы: люби свою жену и избегай чужих жен. Ср. «Пей воду из твоего водоема и текущую из твоего колодезя.»; «Источник твой да будет благословен; и утешайся женою юности твоей.» (Притчи, 5: 15, 18).

С. 200

Молитва Макэндрю. — «Семь морей».

Тень сна. — Шекспировское выражение («Гамлет», II, 2).

Джон Кальвин нудно толковал о предопределенье, / Но в здешнем горне я ковал другое «Наставленье». — Макэндрю, шотландец из Глазго, принадлежит к шотландской государственной пресвитерианской церкви, то

есть является кальвинистом, сторонником того направления в протестантизме, которое было основано Джоном (вернее, Жаном) Кальвином (1509—1564). Основу кальвинистской доктрины составляет отрицание свободы воли и вера в абсолютное предопределение, в то, что человеку от начала времен предопределена вечная гибель или вечное спасение. Основы этого учения изложены в главном труде Кальвина «Наставление в христианской вере» (1536).

Прошли Уэсан. — Уэсан — остров у западной оконечности полуострова Бретань, ориентир при входе в Ла-Манш.

Жена ждет в Плимуте. — Плимут — порт на юго-западе Англии. Маршрут, как всегда у Киплинга, точен.

Гонконг ли, Глазго... — Гонконг — см. комментарий к циклу «Песнь городов» (С. 382); Глазго — город и порт в Шотландии.

А ведь на тридцати узлах... — Узел — мера скорости на флоте, морская миля (1,852 км) в час.

Но вот Самбава. — Самбава (Сахамбава) — мыс и порт на восточном побережье Мадагаскара.

До входа в Торресов пролив... — Торресов пролив отделяет северную оконечность Австралии от Новой Гвинеи.

Но лишь прошли Барьерный риф... — Большой Барьерный риф — коралловая гряда протяженностью около 1000 км у северо-восточного побережья Австралии.

«Глазами лучше взгляди, а не блуждай душой!» — Парафраза из Екклесиаста: «Лучше видеть глазами, нежели бродить душою.» (Еккл., 6: 9).

Маршрут из Кейпа в Веллингтон... — Кейп, то есть Кейптаун (см. комментарий к стихотворению «Песнь городов», С. 383). Веллингтон — столица Новой Зеландии, важный морской порт. Маршрут из Кейптауна в Новую Зеландию проходит по южной, весьма бурной и пустынной части Индийского океана.

...В Кергелен... тащись... — Кергелен — остров в южной части Индийского океана, в Антарктических водах. Он необитаем, отличается суровым климатом, но это единственная суша на полпути из Южной Африки в Новую Зеландию.

Меня подмял Аполлион... — Аполлион, что значит по-гречески «губитель», — злой дух, царь саранчи и ангел бездны, упомянут в Апокалипсисе (Откр., 9: 11). Борьба с Аполлионом — эпизод популярного аллегорического романа английского пуританского писателя Джона Беньяна (1628—1688) «Путешествие пилигрима». В сражение с Аполлионом вступает и побеждает его в конце концов главный герой романа Христиан.

...нужен новый Бёрнс... — Роберт Бёрнс (1759—1796) — шотландский народный поэт, широко известный в России по переводам С. Я. Маршака.

...ей правый путь открыт... — Парафраза библейского стиха: «Путь праведника прям.» (Исаия, 26: 7).

С. 208

Тайна машин. — «История Англии».

...«Мавритания» на рейде ждет тебя. — «Мавритания» — знаменитый трансатлантический лайнер, построенный в 1906 г., одно из главных достижений техники в год написания «Истории Англии».

С. 212

Королева. — «Семь морей».

...Плюющих дымом кулеврин. — Кулеврина — старинная длинноствольная пушка.

С. 218

К Истинной Романтике. — «Семь морей».

С. 224

Дамбы. — «Пять народов».

С. 228

Море и горы. — «Пять народов».

Две строфы этого стихотворения были использованы Киплингом как эпиграф к двум главам в романе «Ким»: первая строфа — к 12-й главе, а вторая — к 13-й.

С. 233

Баллада о «Боливаре». — «Казарменные баллады и другие стихи».

Протащили «Боливар» мы через Бискай. — Бискай — Бискайский залив, часть Атлантического океана между берегами северной Испании и Францией, знаменитые «ревущие сороковые», славящиеся своими штормами.

Погрузились в Сандерленде... — Сандерленд — центр сталелитейной промышленности на восточном побережье Англии.

...Приплелась в Бильбао... — Бильбао — город и порт в Испании на побережье Бискайского залива.

С. 239

Изгои. — «Пять народов».

А как там Лорд-Уорден? / А как там наш Пролив? — Лорд-Уорден — «губернатор», полностью «губернатор Пяти Портов», то есть группы портов

на побережье Ла-Манша, традиционный почетный титул, соответствует адмиральскому званию. Пролив — имеется в виду пролив Ла-Манш.

С. 244

Очаги. — Это стихотворение Киплинг не включил ни в один из своих ранних сборников. Оно вошло только в полное собрание стихотворений.

С. 248

Старики. — «Пять народов».

С. 253

Благодетели. — «Промежуток».

С. 258

Был далекий неолит... — «Семь морей».

Неолит — новый каменный век (8—3 тыс. до н. э.) — начало перехода человечества к оседлости и земледелию. Киплинг ошибся и в первой половине этого стихотворения привел реалии, относящиеся к более древнему периоду — палеолиту (до 10-го тыс. до н. э.) и Великому Оледенению.

...трещал Бискайский лед... — Киплинг ошибочно полагает, что во время Великого Оледенения Бискайский залив (побережье Испании и Франции) был покрыт льдом.

Но чужак из Солютре... С тем, кто мамонта в Гренель нарисовал. — Солютре и Гренель (Комб Гренель) — названия палеолитических стоянок на территории Франции, по которым были описаны соответствующие археологические культуры.

Той же ночью мой тотем... — Тотем — в шаманизме предок рода, чаще всего животное или растение.

...аллоброги не слагали буквы в слоги. — Аллоброги — галльское племя, завоеванное римлянами.

То, о чем мечтают в Йорке — проза будней на Майорке, / То, что в Лондоне позор, в Рангуне — честь. — Йорк — город в северной Англии; Майорка — остров в Средиземном море у берегов Испании; Рангун — см. комментарий к стихотворению «Мандалай» (С. 374).

...весь в огнях, шумит Лимож... — Лимож — город во Франции, исторический центр провинции Лимузен.

С. 261

Самая старая песня. — «Промежуток».

Потому что прежде Евы была Лилит. — Лилит (что может быть понято

как форма древнееврейского слова «лайла» — ночь) — в средневековой еврейской демонологии первая жена Адама, сотворенная так же как и Адам из глины до того, как была сотворена Ева. Лилит возгордилась и заявила, что равна Адаму, но, не сумев убедить его в этом, улетела от него. Лилит — ночной демон, губящий новорожденных, и суккуб, то есть дьяволица, овладевающая мужчинами против их воли. В европейской литературе Лилит — символ демонической красоты, противостоящая «обыденной», земной Еве.

С. 264

Моя соперница. — «Казарменные баллады и другие стихи».

С. 268

Молитва влюбленных. — «Казарменные баллады и другие стихи».

С. 271

Одна на крыше... — Рассказ «За чертой» из книги «Простые рассказы с гор».

Эту песню поет героиня рассказа — индийская девушка — возлюбленная англичанина. Киплинг выдает эти стихи за фрагмент некой индомусульманской поэмы «Любовная песня Хар Диала».

С. 276

Дальний Путь. — Заключительное стихотворение в сборнике «Казарменные баллады и другие стихи».

С шатрами Сима, милашка моя, / Расстаться душа вольна... — Шатры Сима — библейская аллюзия: «Да распространит Бог Иафета; и да вселится он в шатрах Симовых.» (Быт., 9: 27). Сим — старший из сыновей Ноя и его наследник, Иафет — младший, то есть речь идет о младших сыновьях, которые должны покинуть отчий дом. Эта мысль часто встречается в поэзии Киплинга, см. например, стихотворение «Песня банджо».

...бухта Золотых Ворот... — Золотые Ворота — пролив, ведущий в бухту, на берегу которой стоит Сан-Франциско.

Ждет мыс Горн... — Мыс Горн — южная оконечность Американского континента.

На юг из Кадиса в Дальний Путь... — Кадис — порт в южной Испании.

...И на мачте взвился синий флаг. — См. комментарий к стихотворению «Путем изгнанников» (С. 384).

Вот мыс Лоуэр-Хоуп, монашка моя, / Вот отмель Ганфлит видна... — Лоуэр-Хоуп — мыс на восточном побережье Англии, недалеко от него — отмель Ганфлит с маяком на ней. Этот маяк, так же как и мыс — ориентиры для кораблей, выходящих из Темзы в Ла-Манш.

...с мысом Форленд разминись... — Два мыса, Северный и Южный Форленд, на полуострове Кент — важные ориентиры при плавании у юго-восточного побережья Англии.

С. 282

Знак цыганской тропы. — Впервые опубликовано в 1890 г., но вошло только в «Собрание стихотворений» (1919). Неоднократно было положено на музыку.

Пусть ведет тебя по свету знак-патеран... — Патеран — цыганское слово, так называются знаки, пучки травы или листьев, которыми цыгане отмечают пройденный путь. В английских словарях XIX в. это слово толковалось как «знак цыганской тропы».

...парус джонки мелькнет... — Джонка — характерный для Китая и Индокитая тип парусного судна.

Приводим также перевод Г. Кружкова, который стал популярной песней:

За цыганской звездой

Мохнатый шмель — на душистый хмель,
Мотылек — на вьюнок луговой,
А цыган идет, куда воля ведет,
За своей цыганской звездой!

А цыган идет, куда воля ведет,
Куда очи его глядят,
За звездой вослед он пройдет весь свет —
И к подруге придет назад.

От палаток таборных позади
К неизвестности впереди
(Восход нас ждет на краю земли) —
Уходи, цыган, уходи!

Полосатый змей — в расщелину скал,
Жеребец — на простор степей.
А цыганская дочь — за любимым в ночь,
По закону крови своей.

Дикий вепрь — в глушь торфяных болот,
Цапля серая — в камыши.

А цыганская дочь — за любимым в ночь,
По родству бродяжьей души.

И вдвоем по тропе, навстречу судьбе,
Не гадая, в ад или в рай.
Так и надо идти, не страшась пути,
Хоть на край земли, хоть за край!

Так вперед! — за цыганской звездой кочевой —
К синим айсбергам стылых морей,
Где искрятся суда от замерзшего льда
Под сияньем полярных огней.

Так вперед — за цыганской звездой кочевой
До ревущих южных широт,
Где свирепая буря, как Божья метла,
Океанскую пыль метет.

Так вперед — за цыганской звездой кочевой —
На закат, где дрожат паруса,
И глаза глядят с бесприютной тоской
В багровеющие небеса.

Так вперед — за цыганской звездой кочевой —
На свиданье с зарей, на восток,
Где, тиха и нежна, розовеет волна,
На рассветный вползая песок.

Дикий сокол взмывает за облака,
В дебри леса уходит лось.
А мужчина должен подругу искать —
Исстари так повелось.

Мужчина должен подругу найти —
Летите, стрелы дорог!
Восход нас ждет на краю земли,
И земля — вся у наших ног!

«Мадонна в траншеях» из книги «Приходы и расходы».

...Как романи... — Романи — самоназвание цыган. В стихотворении «романи» противопоставляются «чужакам», которые у Киплинга названы специальным цыганским словом «*gorgio*».

С. 289

Ангутиваун Таина. — Заключительное стихотворение к рассказу «Квикверн» из «Второй Книги Джунглей».

Рассказ «Квикверн» (имя злого духа в эскимосской мифологии) посвящен жизни инуитов, эскимосов-охотников на морского зверя. Что же касается самого стихотворения, то, по утверждению Киплинга, оно представляет собой перевод охотничьей песни эскимосов, а название стихотворения — первая строчка этой песни.

С. 291

Колыбельная котику. — Вступительное стихотворение к сказке «Белый котик» из «Книги Джунглей».

Герои сказки — морские котики в Тихом океане.

С. 295

Закон Джунглей. — Заключительное стихотворение к рассказу «Как Страх пришел в Джунгли» из «Второй Книги Джунглей».

...Великий Хатхи. — См. примечание к стихотворению «Мандалай» (С. 374).

С. 300

Арфы датских женщин. — Вступительное стихотворение к рассказу «Рыцари удачи» из книги «Пак с холма Пука».

Действие рассказа происходит в конце XI в., его герои — датские пираты, плавающие у берегов Англии.

С. 303

Молитва Мириам Коэн. — Вступительное стихотворение к рассказу «Нарушитель торговли» из книги «Многие помыслы».

С. 306

Гребец галеры. — «Казарменные баллады и другие стихи».

...там, на бимсе, у скамьи. — Бимс — часть поперечного набора судна, балка, стягивающая борта.

С. 310

Песня римского центуриона. — «История Англии», затем —

«Промежуток».

В I-IV вв. Британия входила в состав Римской империи. В стихотворении точно описан путь легионов, возвращающихся из Британии в Рим: после высадки с кораблей в галльском порту Итий на материковом берегу Ла-Манша, они двигались на юг к реке Роданус (ныне Рона), затем вдоль ее течения до городов Немауз (ныне Ним) и Арелат (ныне Арль), а оттуда, миновав Приморские Альпы, вдоль берега Тирренского моря по так называемой Аврелиевой дороге.

Легат, я получил приказ идти с когортой в Рим. — Легат — в Древнем Риме посол или уполномоченный, назначавшийся сенатом. Когорта — подразделение (400—600 человек) в составе легиона; всего в легионе было десять когорт. Когорта делилась на центурии — подразделения по сто воинов. Центурион — младший офицер, командир центурии.

...Я видел и скалистый Вект и Адрианов Вал... — Вект (Вектис) — римское название острова Уайт у южного побережья Англии. Адрианов Вал — оборонительная стена на границе нынешних Англии и Шотландии, построенная римлянами поперек всего острова Британия для обороны римских владений от набегов пиктов с севера. Центурион хочет сказать, что он знает всю римскую Британию от юга до севера.

...и злой эвроклидон. — Эвроклидон — бурный штормовой ветер. Слово это встречается в Новом Завете (Деяния, 7: 14) и представляет собой, по-видимому, искаженное греческое *Euro-aquilo*, то есть северо-восточный ветер.

...пиктов усмирять... — Пикты — древнее кельтское население Шотландии, так и не завоеванное, в отличие от бриттов, римлянами и все время с ними сражавшееся.

...вдоль Северной Стены... — Северная Стена — то же, что и Адрианов Вал.

С. 314

«Дань Дании». — «История Англии», затем — «Промежуток».

В конце X — начале XI в. датские викинги регулярно совершали набеги на Англию и собирали дань, которая получила специальное название «датских денег» («*Dane-geld*»).

С. 318

Песня сэра Ричарда. — Заключительное стихотворение к рассказу «Юноши в поместье» из книги «Пак с холма Пука».

Я с герцогом Вильгельмом вместе... — В 1066 г. герцог Нормандии Вильгельм завоевал Англию, разгромив англосаксов в битве при Гастингсе. С Вильгельмом в Англию пришли норманы — северофранцузские рыцари. Стихотворение написано как монолог одного из таких рыцарей — сэра Ричарда.

Мой брат, веселый паж в Руане... — Руан — город во Франции, историческая столица Нормандии.

С. 323

Песня астролога. — Вступительное стихотворение к рассказу «Доктор медицины» из книги «Награды и чудеса».

Герой рассказа — английский врач и астролог XVII в. Николас Калпепер.

С. 328

Колыбельная острова Св. Елены. — Вступительное стихотворение к рассказу «Священник поневоле» из книги «Награды и чудеса».

В стихотворении перечислены основные вехи биографии Наполеона Бонапарта. Остров Св. Елены — маленький остров в южной Атлантике, куда в 1815 г. был сослан и где в 1821 г. скончался Наполеон.

Далеко ль до Елены от уличных боев? — 13 вандемьера (5 октября) 1795 г. генерал Бонапарт с помощью артиллерии подавил в Париже мятеж роялистов против правительства Французской республики. С этого события началось возвышение Бонапарта.

Далеко ль до Елены от Праценских высот? — Праценские высоты — ключевая позиция французской армии во время битвы при Аустерлице 2 декабря 1805 г. После Аустерлица Наполеон, разгромив русско-австрийскую армию, стал хозяином Европы.

Далеко ль до Елены, от царского венца? — Наполеон принял титул «Императора французов» и 2 декабря 1804 г. короновался в соборе Парижской Богоматери.

Далеко ль до Елены от мыса Трафальгар? — 21 октября 1805 г. около мыса Трафальгар (Испания) английский флот под командованием адмирала Нельсона (сам Нельсон был убит в этом сражении) разгромил франко-испанский флот под командованием адмирала Вильнева. После Трафальгарского сражения была предотвращена опасность высадки армии Наполеона в Англии, так как Англия получила абсолютное господство на море.

Далеко ль до Елены от льда Березины? — 26 и 27 ноября 1812 г. Наполеону удалось переправиться через реку Березину (Белоруссия), избежав окружения русскими армиями. Переправа через Березину стала символом отступления наполеоновской армии из России.

Далеко ль до Елены от поля Ватерлоо? — 18 июня 1815 г. войска антинаполеоновской коалиции под командованием Веллингтона и Блюхера разгромили около Ватерлоо (Бельгия) армию Наполеона. Это было последнее сражение Наполеона, приведшее к его второму отречению после так называемых «Ста дней».

С. 332

Мастер. — «Промежуток».

Герой этого стихотворения — Шекспир, в нем упомянуты персонажи и эпизоды следующих шекспировских трагедий: «Антоний и Клеопатра», «Ромео и Джульетта», «Макбет», «Гамлет».

Засидевшись за выпивкой в «Русалке», / Он рассказывал Бену Громовержцу... — По преданию Шекспир часто бывал в лондонской таверне «Русалка». Бен Громовержец — английский поэт и драматург Бен Джонсон (1573—1637), современник и друг Шекспира. Киплинг иронически называет Джонсона «Громовержцем», намекая на его вздорный и шумливый характер.

И о том, как скрываясь от лесничих... — По преданию, Шекспир в юности занимался браконьерством в окрестностях своего родного Стратфорда.

С. 335

Времени очи безгневны... — Вступительное стихотворение к рассказу «Центурион Тридцатого» из книги «Пак с холмов Пука».

Рассказ посвящен закату Римского владычества в Британии.

С. 338

Боги Азбучных Истин. — «Собрание стихотворений» (1919).

Кембрий... Девон... Карбон... — Названия геологических периодов, относящихся к Палеозойской эре (то есть эре древней жизни). Киплинг использует эти названия иронически, намекая на немалый возраст модных идей XX в.

Пес придет на свою Блевотину, Свинья свою Лужу найдет... — Парафраз библейского стиха: «Как пес возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою.» (Притчи, 26: 11), а также: «Пес возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья идет валяться в грязи.» (2 Петр, 2: 22).

С. 342

Блудный сын (На западный манер). — Это стихотворение — расширенный автоэпиграф к 5-й главе романа «Ким».

Все стихотворение целиком построено на переосмыслении известной евангельской притчи о блудном сыне (Лука, 15: 11-32).

Характерный пример киплинговской иронии: снабдив стихотворение подзаголовком «На западный манер», он пишет его с использованием так называемой редифной рифмы (повторение определенного слова после рифмы) — характерного приема восточной, арабской и персидской поэзии.

В этом стихотворении Киплинг продолжает развивать свою излюбленную мысль о судьбе младших сыновей, отправляющихся в колонии.

См. комментарий к стихотворению «Песня банджо» (С. 372).

С. 346

Дети Марфы. — «Промежуток».

Название стихотворения и его основная тема восходят к следующему евангельскому рассказу: «В продолжение пути их, пришел Он (Христос — В. Д.) в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у ней была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении, и подошедши сказала: «Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне». Иисус же сказал ей в ответ: «Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее.» (Лука, 10: 38—42).

В христианской традиции Марфа символизирует жизнь деятельную, Мария — созерцательную.

...не строил лестницу в небеса... — Аллюзия к библейскому стиху: «И увидел (Иаков — В. Д.) во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней.» (Быт., 28: 12).

С. 349

Сион. — «Промежуток».

Стихотворение относится к числу так называемых «масонских». Киплинг, вступив в масонскую ложу еще в 1885 г., до конца жизни был убежденным масоном.

Масонская символика многое позаимствовала у одного из орденов рыцарей-крестоносцев — тамплиеров (рыцарей-храмовников — их орден в Иерусалиме располагался рядом с тем местом, где был Храм Соломона). Так, например, высшие степени посвящения в масонстве называются: «Рыцарь Иерусалима и Востока», «Рыцарь Храма и Запада».

Сион — холм в Иерусалиме, его название стало синонимом и символом Иерусалима.

А стражники Ваала... — Ваал (буквально, «хозяин, владыка») — титул и собирательное название различных западносемитских языческих богов. С культом Ваала боролись библейские пророки. Ваал в европейской традиции — символ ложного кумира.

С. 351

Non nobis Domine! — Одно из последних стихотворений Киплинга, написанное им в 1934 г. для статьи «Парламентская процессия».

Название стихотворения — «Не нам, Господи!» — неоконченная латинская цитата из Псалтири: «Не нам, Господи, не нам, ко имени Твоему

дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей.» (Пс., 113: 9). Все стихотворение в целом представляет собой аллюзию к Псалму 113.

С. 354

Отесан камень. — Заключительное стихотворение к книге рассказов «Жизнь дает фору».

Одно из масонских стихотворений Киплинга. Центральные образы стихотворения: Отесанный Камень и Храм — типично масонские термины, поскольку деятельность масонов (буквально каменщиков) в их собственных представлениях описывается как построение Храма. «Неотесанным камнем» масоны называли новичка, только приступившего к самосовершенствованию в масонской ложе.

Приводим еще один перевод этого стихотворения, выполненный Р. Дубровкиным:

Тесаный камень

Пожар в окне очерчен тьмой,
И камня тесаного грани
Багровы. Труд окончен мой.
Зовет к молитве вечер ранний.

Смотритель Высший, узнаю
В своих удачах и победах
Я руку сильную Твою
И слабость собственную — в бедах.

Молчит вселенная, скорбя,
Когда единый миг потерян
В моей работе для Тебя:
Твоею Правдой мир измерен!

Тропу, где я бреду без сил,
Ты для страстей хранил ревниво:
Не сам ли глину ты месил?
Не сам ли подносил огниво?

Но чтобы труженик вовек
Мечту о рае не отбросил,
Он в Царстве Божьем — человек,

Он — бог и царь в раю ремёсел.

Еще одна из-под резца
В подножье Храма ляжет глыба,
За необычность образца,
За милость высшую — спасибо!

Владей рукой моей, владей!
И мы, работники, не будем
Нуждаться в помощи людей,
Посильно помогая людям.

С. 357

С раскаленной на солнце скалы... — Вступительное стихотворение к рассказу «Хранить как доказательство» из книги «Простые рассказы с гор».

Киплинг приписывает авторство этого стихотворения герою рассказа Макинтошу Джелалуддину — спившемуся англичанину, человеку высокой образованности, превратившемуся в индийского нищего.

С. 360

Заповедь. — Вступительное стихотворение к рассказу «Братец Педант» в книге «Награды и чудеса».

Немалый вклад в создание «русского» Киплинга внес своими переводами С. Я. Маршак (1887—1964). Приводим это стихотворение в его переводе:

Если...

О, если ты спокоен, не растерян,
Когда теряют головы вокруг,
И если ты себе остался верен,
Когда в тебя не верит лучший друг,
И если ждать умеешь без волнения,
Не станешь ложью отвечать на ложь,
Не будешь злобен, став для всех мишенью,
Но и святым себя не назовешь, —

И если ты своей владеешь страстью,
А не тобою властвует она,
И будешь тверд в удаче и в несчастье,

Которым, в сущности, цена одна,
И если ты готов к тому, что слово
Твое в ловушку превращает плут,
И, потерпев крушение, можешь снова —
Без прежних сил — возобновить свой труд, —

И если ты способен все, что стало
Тебе привычным, выложить на стол,
Все проиграть и все начать сначала,
Не пожалев того, что приобрел,
И если можешь сердце, нервы, жилы
Так завести, чтобы вперед нестись,
Когда с годами изменяют силы
И только воля говорит: «держись!» —

И если можешь быть в толпе собою,
При короле с народом связь хранить
И, уважая мнение любое,
Главы перед молвою не клонить,
И если будешь мерить расстоянье
Секундами, пускаясь в дальний бег, —
Земля — твое, мой мальчик, достоянье.
И более того, ты — человек!

С. 364

Баснописцы. — Заключительное стихотворение к рассказу «Жена моего сына» в книге «Разнообразие тварей».

Эзопов дар... — Эзоп — легендарный греческий баснописец, живший в VI в. до н. э. Его считают отцом басенного жанра, более того, всякого иносказания (отсюда выражения типа «эзопов язык»).

С. 367

Просьба. — «Собрание стихотворений» (1933).

Этим поэтическим завещанием Киплинг завершил свое последнее прижизненное собрание стихотворений. С тех пор, по традиции, так принято завершать книги стихов Редьярда Киплинга.

В. Дымшиц

СОДЕРЖАНИЕ

В. Дымшиц. Редьярд Киплинг 6

Поems

Стихотворения

«When 'Omer Smote 'Is Bloomin' Lyre» 18

Гомер все на свете легенды знал... *Перевод А. Щербакова*..... 19

Dedication From «Barrack-Room Ballads» 20

Посвящение к «Казарменным балладам». *Перевод Р. Дубровкина* 22

The Widow At Windsor..... 24

Вдова из Виндзора. *Перевод А. Щербакова* 26

The Widow's Party..... 28

Праздник у Вдовы. *Перевод А. Щербакова* 30

«Birds of Prey» March 32

Марш «Хищных птиц». *Перевод И. Грингольца*..... 34

Boots 36

Пыль. *Перевод А. Оношкович-Яцына* 38

Ford 'o Kabul River..... 40

Брод на реке Кабул. *Перевод С. Тхоржевского* 42

Belts..... 44

Бляхи. *Перевод С. Степанова** 46

* Публикуется впервые

Tommy	48
Томми. <i>Перевод И. Грингольца</i>	50
Danny Deever	52
Денни Дивер. <i>Перевод И. Грингольца</i>	54
Screw-guns	56
Пушкири. <i>Перевод И. Грингольца</i>	58
«Soldier an' Sailor Too»	60
Солдат и матрос заодно. <i>Перевод А. Щербакова</i>	62
«For to Admire».....	65
«И восхищаться...». <i>Перевод О. Юрьева</i>	67
The Song of the Banjo	69
Песня банджо. <i>Перевод В. Бетаки*</i>	73
Troopin'	77
Маршем к морю. <i>Перевод И. Грингольца</i>	79
Shillin' a Day	81
Шиллинг в день. <i>Перевод И. Грингольца</i>	83
Mandalay.....	85
Мандалай. <i>Перевод И. Грингольца</i>	87
Hymn Before Action.....	89
Гимн перед битвой. <i>Перевод А. Оношкович-Яцына</i>	91
Recessional	93
Отпустительная молитва. <i>Перевод О. Юрьева</i>	95

The Hyænas	97
Гиены. <i>Перевод С. Степанова*</i>	99
«For All We Have and Are»	101
За все, что мы с тобой. <i>Перевод С. Степанова*</i>	103
Gethsemane	105
Гефсиманский сад. <i>Перевод В. Топорова</i>	106
Epitaphs of the War	107
Военные эпитафии. <i>Перевод С. Степанова*</i>	116
The Press	125
Газета. <i>Перевод В. Дымшица*</i>	127
The Ballad of East and West.....	129
Баллада о Востоке и Западе. <i>Перевод Е. Полонской</i>	133
The Glory of the Garden	136
Слава Сада. <i>Перевод С. Степанова*</i>	138
Jobson' s Amen	140
Молитва Джобсона. <i>Перевод Н. Голя</i>	142
South Africa	144
Южная Африка. <i>Перевод Е. Витковского</i>	147
The Song of the Cities	150
Песнь городов. <i>Перевод Н. Голя</i>	154
England' s Answer.....	158
Ответ Англии. <i>Перевод Н. Голя</i>	159

The Exiles' Line	160
Путем изгнанников. <i>Перевод Н. Голя</i>	163
Sussex.....	166
Сассекс. <i>Перевод В. Потаповой</i>	170
Tomlinson.....	174
Томлинсон. <i>Перевод А. Оношкович-Яцына</i>	178
The «Mary Gloster»	182
«Мэри Глостер». <i>Перевод А. Оношкович-Яцына и Г. Фиша</i>	188
McAndrew's Hymn	194
Молитва Макэндрю. <i>Перевод В. Топорова</i>	200
The Secret of the Machines	206
Тайна машин. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	208
The King.....	210
Королева. <i>Перевод А. Оношкович-Яцына</i>	212
To the True Romance.....	214
К истинной романтике. <i>Перевод В. Шубинского*</i>	218
The Dykes	222
Дамбы. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	224
The Sea and the Hills.....	226
Море и горы. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	228
The Ballad of the «Bolivar»	230
Баллада о «Боливаре». <i>Перевод А. Долинина</i>	233

The Broken Men	236
Изгои. <i>Перевод В. Топорова</i>	239
The Fires	242
Очаги. <i>Перевод В. Шубинского*</i>	244
The Old Men	246
Старики. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	248
The Benefactors.....	250
Благодетели. <i>Перевод С. Степанова*</i>	253
In the Neolithic Age	256
Был далекий неолит... <i>Перевод Е. Дунаевской*</i>	258
The Oldest Song.....	260
Самая старая песня. <i>Перевод М. Фромана</i>	261
My Rival.....	262
Моя соперница. <i>Перевод Г. Бена*</i>	264
The Lovers' Litany	266
Молитва влюбленных. <i>Перевод В. Бетаки*</i>	268
The Love Song of Har Dyal	270
Одна на крыше... <i>Перевод Э. Линецкой</i>	271
The Long Trail	272
Дальний Путь. <i>Перевод Н. Лебедевой*</i>	276
The Gipsy Trail	280
Знак цыганской тропы. <i>Перевод В. Дымшица*</i>	282

Gipsy Vans	284
Цыганские телеги. <i>Перевод В. Дымшица*</i>	286
«Angutivaun Taina»	288
Ангутиваун Таина. <i>Перевод И. Комаровой</i>	289
«Oh, Hush Thee, my Baby»	290
Колыбельная котикку. <i>Перевод С. Степанова*</i>	291
The Law of the Jungle	292
Закон Джунглей. <i>Перевод С. Степанова</i>	295
Harp Song of the Dane Women	298
Арфы датских женщин. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	300
The Prayer of Miriam Cohen	302
Молитва Мириам Коэн. <i>Перевод С. Степанова</i>	303
The Galley-slave.....	304
Гребец галеры. <i>Перевод Е. Дунаевской</i>	306
The Roman Centurion's Song.....	308
Песня римского центуриона. <i>Перевод А. Глебовской</i>	310
Dane-Geld.....	312
«Дань Дании». <i>Перевод С. Степанова</i>	314
Sir Richard's Song	316
Песня сэра Ричарда. <i>Перевод Г. Усовой*</i>	318
An Astrologer's Song.....	320
Песня астролога. <i>Перевод Т. Чернышевой*</i>	323

A St. Helena Lullaby	326
Колыбельная острова Св. Елены. <i>Перевод А. Глебовской*</i>	328
The Craftsman	330
Мастер. <i>Перевод И. Оказова</i>	332
«Cities and Thrones and Powers»	334
Времени очи безгневны. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	335
The Gods of the Copybook Headings	336
Боги Алфавитных Истин. <i>Перевод И. Грингольца и Т. Гринголец</i>	338
The Prodigal Son	340
Блудный сын. <i>Перевод Т. Чернышевой</i>	342
The Sons of Martha.....	344
Дети Марфы. <i>Перевод Д. Закса</i>	346
Zion	348
Сион. <i>Перевод А. Шариповой</i>	349
«Non nobis Domine!»	350
«Non nobis Domine!». <i>Перевод Г. Кружкова</i>	351
«My New-Cut Ashlar»	352
Отесан камень. <i>Перевод С. Степанова*</i>	354
«By the Hoof of the Wild Goat»	356
С раскаленной на солнце скалы... <i>Перевод И. Комаровой</i>	357
If —	358
Заповедь. <i>Перевод М. Лозинского</i>	360

The Fabulists.....	362
Баснописцы. <i>Перевод М. Карп*</i>	364
The Appeal.....	366
Просьба. <i>Перевод Вяч. Вс. Иванова</i>	367
Комментарии	368

Киплинг Р.

К 42 Стихотворения: Сборник/Пер. с англ. —
СПб.: Северо-Запад, 1994. — 477 с.

ISBN 5-8352-0297-0

Поэзия Джозефа Редьярда Киплинга (1865—1936) достаточно хорошо знакома русскому читателю, — в первую очередь благодаря многочисленным и достойным внимания переводам, первые из которых появились еще при жизни поэта и с тех пор стали неотъемлемой частью русской культуры. В настоящий сборник, представляющий поэзию Киплинга на двух языках, наряду с известными, включены также новые переводы, более полно отражающие историческую и философскую линии в творчестве поэта.

Литературно-художественное издание

Редьярд Киплинг
Стихотворения

Ответственные редакторы

Александр Кононов, Сергей Степанов

Редакторы

Александра Глебовская, Сергей Степанов

Художественный редактор

Вадим Пожидаев

Технический редактор

Татьяна Тихомирова

Верстка

Антонины Помазовой

Корректор

Виктория Листова

Подписано к печати с оригинала-макета 04.11.93.
Формат 70 × 100^{1/32}. Гарнитура обыкновенная новая.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,35. Тираж 25 000 экз.
Изд. № 297. Заказ 571.

Издательство «Северо-Запад»,
191187, Санкт-Петербург, Шпалерная ул., д. 18.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный двор»,
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

